

Игорь Васильевич Котляров
**Социология лидерства. Теоретические,
методологические и аксиологические аспекты**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7647210*

*Социология лидерства: теоретические, методологические и аксиологические аспекты / И. В.
Котляров.: Белорусская наука; Минск; 2013
ISBN 978-985-08-1622-1*

Аннотация

В монографии раскрыты основные теоретические, методологические и аксиологические аспекты лидерства, по результатам многолетнего социологического мониторинга проанализировано отношение жителей Беларуси к основным политическим процессам и лидерам независимого белорусского государства.

Предназначена для студентов и аспирантов высших учебных заведений, специализирующихся в социологии, политической социологии и политологии, для практиков, занимающихся проблемами социологии лидерства, и для всех, кто интересуется вопросами политики.

Содержание

Введение	5
Глава 1	12
Глава 2	69
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Игорь Васильевич Котляров
Социология лидерства.
Теоретические, методологические
и аксиологические аспекты

Р е ц е н з е н т ы:

доктор политических наук, профессор Л. Е. Земляков,
доктор социологических наук, профессор В. А. Клименко,
доктор философских наук, профессор Л. Е. Криштапович

Введение

В последнее время мир оказался в достаточно сложной ситуации. В XXI в. по миру начал бродить, как во времена К. Маркса, призрак глобальных изменений. Волна мирового кризиса захлестывает страну за страной. Сначала кризис называли финансовым, потом экономическим, а сейчас все больше исследователей и практиков, политиков и ученых стали понимать, что это более всеобъемлющий кризис. Это глобальный мировоззренческий кризис. Финансово-экономический кризис отрицательно сказался на экономике многих государств, резко возросла безработица, тысячи людей оказались на улицах. Как оказалось, современным миром управляет небольшая группа компаний и банков, которая никогда не даст себя в обиду. Олигархи и банкиры владеют львиной долей мирового «экономического пирога». Остальному человечеству от него остались лишь крохи. Люди начинают понимать, что в современном обществе надо очень многое менять.

В результате весь мир захлестнула волна протеста. На улицы ранее более-менее спокойных Нью-Йорка, Рима, Стокгольма, Токио, Парижа вышли тысячи демонстрантов. Бурлят Греция, Испания, Португалия. Люди требуют работы, достойной жизни, но самое главное, справедливости. Им не понятно, почему человек, который не проработал ни одного дня, имеет яхты, виллы, огромные банковские счета, покупает футбольные команды, а рабочий, который трудится всю жизнь по двенадцать часов в день, не имеет ничего. Все больше людей выражает тревогу по поводу растущего расслоения общества. Протестующих возмущает отсутствие экономических возможностей и реального права участвовать в принятии политических решений. Народ требует, чтобы тот, кто породил мировой финансово-экономический кризис, ответил за это. Его поражает неспособность руководителей государств распределить между гражданами решение проблем более справедливым образом. Многие люди прекрасно поняли, что в современном глубоко индивидуализированном и зомбированном мире нельзя жить в мобильной и сетевой паутине, оставаться один на один с зомбоящиком иллюзий и сериалов. Надо думать, анализировать, объединяться и выходить на площади и улицы – будь-то Пуэрта дель Соль, Зукотти-парк, Уолл-стрит или Тахир.

В современном обществе происходит смена приоритетов и парадигм развития. Об этом еще в 2006 г. в статье «Последний суверен на распутье» писал Збигнев Бжезинский: «Соединенным Штатам следует взглянуть в глаза новой и чрезвычайно важной реальности. В мире происходит беспрецедентное по масштабу и интенсивности пробуждение политической активности» [53].

«Не будет преувеличением сказать, – предупреждал патриарх американской политики, – что в XXI веке население большей части развивающегося мира пробуждается к политической активности и во многих странах это выливается в волнения и беспорядки. Жители развивающихся стран остро сознают вопиющую социальную несправедливость, нередко выступая с гневными протестами против тех действий, которые воспринимаются ими как политическое унижение. Информация о положении дел в мире, получаемая посредством радио, телевидения и во все большей степени Интернета, дает представление о положении дел в мире, порождает в обществе зависть, которую политические демагоги и религиозные фанатики используют в своих целях. Энергия возбужденных масс преодолевает границы и бросает вызов ныне существующим государствам и всей мировой иерархии во главе с США» [53].

Имеются определенные трудности и в нашей стране. Резко возросли цены, упала реальная заработная плата, выросли стоимости доллара и евро, произошла девальвация белорусской валюты, снизилась уверенность в завтрашнем дне и доверие к власти. Многие граждане Беларуси спрашивают: «Что делать, чтобы завтра жить лучше, чем сегодня?»

На большинство вопросов, которые задает сегодня жизнь, способна ответить гуманитарная наука, прежде всего социология. По своему составу любое общество неоднородно. Различные его слои отличаются друг от друга уровнем дохода и образования, большей или меньшей степенью участия во властных отношениях, религиозной принадлежностью, полом, профессией, притязаниями и т. д. Каждая социальная группа имеет свои ценности, интересы, потребности. Социология ближе всех находится к людям. Каждому человеку важно знать место, с которого начинается движение к лучшему будущему, точку отсчета, с которой уже нельзя повернуть назад, направление, куда и зачем двигаться. Людям необходимо уяснить цели и ценности, заслуживающие того, чтобы их защищать и за них бороться, предвидеть по крайней мере контуры будущего. «Средняя температура по больнице», которую очень часто критикуют политики и журналисты, помогает ответить на важный для каждого человека вопрос: «А болеет ли общество в целом?» На него может ответить социология. Только она способна предложить человеческое измерение общественного состояния и развития. В этом отношении эмпирические параметры, выявленные социологами, не способна заменить ни статистика, ни оперативная информация, получаемая из любых других источников.

Социология предлагает концептуальные модели для осмысления социальной действительности и порождаемых ею проблем, обеспечивает обратную связь между самыми различными субъектами и структурами, снабжает их достоверной информацией. И, что очень важно, она изучает общественное мнение, реакцию различных социальных слоев и групп на происходящие в стране и за ее пределами явления и процессы, на принятые управленческие решения, на любые политические движения. На Западе и Востоке социология – достаточно престижная наука, способная ответить на многие вопросы и помочь властным структурам решать многочисленные проблемы. Ее изучают во многих университетах, развивают во всемирно известных корпорациях. В нашей стране известный телеведущий во время популярного телешоу заявил на всю страну: «А что знает ваша социология?» Комментарии, как говорится, излишни.

В условиях неопределенности и постоянных рисков, нехватки ресурсов – материальных и духовных, быстрого устаревания информации, нестабильности и непрерывных перемен на первый план выходят лидерские компетенции политических и социальных субъектов. В современных условиях от решений, принимаемых лидерами, зависит политическое и экономическое состояние общества, трудовых коллективов, благосостояние миллионов людей. В постсоветских государствах, где развитие общества в целом, отдельных его сфер, как никогда ранее зависит от уровня профессионализма и подготовки, личностных качеств и морального состояния лидеров всех уровней – от президента страны до руководителя небольшой фабрики, капитана футбольной или баскетбольной команды. В настоящее время сложилась такая ситуация, когда без признанных лидеров не может эффективно работать ни коммерческая, ни политическая, ни любая другая структура. В то же время мало кто из общественных субъектов может четко обозначить реальный процесс формирования лидерства, регулируемый строго прочерченным набором смыслов и правовых норм, общепринятых ценностных ориентаций и неформальных правил.

Лидерство на протяжении многих веков играло значительную роль в жизнедеятельности отдельных индивидов и государств. Исследователи отмечают значительный вклад выдающихся личностей – вождей, государей, политиков, деятелей науки и культуры – в развитие социумов. Отношения лидерства, глубинные причины этого универсального явления интересовали мыслителей еще в древние времена. Все философские и политические школы так или иначе изучали эту важную проблему. Начиная с библейских сюжетов, анализировались стили лидеров, их влияние на своих последователей, рассматривались личностные качества, поведение в кризисных ситуациях, оценивались последствия деятельности, дава-

лись моральные и правовые оценки, конкретные рекомендации в стиле Заратустры, необходимые для успешной реализации сильными мира своих лидерских функций.

Новая волна интереса к этой проблеме связана с началом систематического научного исследования лидерства в начале XX в. В центре его находилась идея, что «хорошее» лидерство, стиль и способы осуществления лидерских функций способны существенно влиять на эффективность деятельности структур различного уровня. Развитие общественных наук создавало фундамент для исследований лидерства. Представители этого направления были убеждены, что идеальный руководитель во всех сферах, во все времена, говоря современным языком, должен владеть навыками и приемами лидерства.

В настоящее время в условиях неопределенности и потенциальных рисков, вызовов и опасностей, бифуркации и турбулентности, резкого повышения социальной и политической активности народных масс интерес к лидерству во многих странах резко возрос. Стали появляться новые модели и концепции, резко увеличилось количество эмпирических исследований. Многие современные теории лидерства достаточно часто противоречат друг другу и не дают исчерпывающих ответов на многие поставленные вопросы. Появились подходы, понимающие лидерство как переплетение различных сфер современного знания, создаются глобальные международные проекты, рассматривающие лидерство в многообразии социокультурных взаимодействий мирового сообщества. В результате многие концепты, используемые для понимания и анализа лидерства, противоречивы, модели несовершенны, а содержание лидерства достаточно часто авторитетные авторы путают с его природой. Имеются случаи полной несопоставимости теорий между собой и несоответствия существующей практике. Особую сложность пониманию лидерства добавляет тот факт, что термин «лидерство» является производным от английского слова «leadership», используемого большинством зарубежных исследователей для обозначения и лидерства, и руководства. Поэтому о каком феномене (лидерстве или руководстве) идет речь в каждом конкретном зарубежном исследовании, читатель издания может судить на основании либо анализа содержания опубликованной работы, либо, что случается гораздо реже, предварительного уточнения автором публикации типа рассматриваемого им лидерства. Например, в случае формального, официального, назначенного лидерства речь идет о руководстве, а в случае возникающего стихийно, неофициально, неформально, заранее никем и ничем не предписанного – о лидерстве в принятом на постсоветском пространстве понимании. Эти подходы очень важно уточнить в исследованиях по социологии лидерства.

Социологическая наука в своем стремлении изучить, проанализировать, постичь существенные факторы и особенности феномена лидерства в определенной степени опирается на теории управления, организаций, психологии, коммуникаций, организационного поведения, что обостряет проблему. Все это свидетельствует о важности и теоретической актуальности разработки теории и практики социологии лидерства.

В настоящее время белорусскому обществу необходимы лидеры всех уровней, способные нейтрализовать негативные кризисные процессы, напряженность в социуме, лидеры, ориентированные на достижение высоких целей во всех сферах общественной жизни во имя белорусского народа. Кроме того, лидеры являются в определенной степени трансляторами целей, ценностных ориентаций и установок для членов любой социальной группы. Исходя из этого, особую актуальность приобретают проблемы, связанные с формированием лидеров, их личностных качеств и ценностных ориентаций, индивидуального лидерского стиля, с раскрытием их потенциальных возможностей.

Способствовать решению этих проблем, по нашему мнению, может социологическое изучение политических лидеров как важных общественных феноменов, как политических субъектов, без которых не может развиваться современное общество.

Социология лидерства – это отрасль социологической науки, изучающая закономерности построения, функционирования, развития и постоянной деятельности лидеров различных уровней во всей сложности и многообразии общественных структур и социальных процессов, их роли и значения в современной жизни, проблемы формирования социальных элит, их участия во властных отношениях, формирования общественного мнения об их деятельности.

Социология лидерства включает в себя описание фактов, процессов, явлений и результатов и, как любая уважающая себя наука, должна иметь определенный набор параметров, элементов, характеристик. Среди них важнейшее место занимают следующие параметры:

научное исследование рассматриваемых объектов и их основных составных частей; специфическая методология исследования, опирающаяся на оригинальную исследовательскую парадигму;

собственный категориальный аппарат, отражающий специфику данной науки;

процедуры выработки рабочих гипотез, которые проверяются экспериментальным путем или накопленным опытом;

обобщенные результаты, обычно излагаемые в форме законченных моделей, концепций, теорий.

Объектом социологического познания являются лидерство как единый и самый сложный общественный феномен. Лидеры характеризуются только им присущими системными характеристиками, детерминирующими определенный тип политических отношений. Как объект социологического анализа, лидеры – это исторически сложившиеся в процессе развития внутренне дифференцированные элементы общества и социальной системы, которые активно участвуют в процессах завоевания, использования и удержания политической власти. В центре внимания социологии лидерства всегда находились вопросы влияния лидеров на социальную реальность. В подавляющем большинстве современных государств лидеры активно участвуют в процессах подготовки и реализации управленческих решений различных уровней, что также является предметом анализа данной науки. Особый интерес представляет изучение методов и способов целенаправленного влияния лидеров на объекты воздействия для достижения поставленных целей. Очень мало исследований по проблемам коллективного лидерства, феномена, когда в качестве лидеров выступает группа социальных субъектов. Типичными примерами коллективного лидерства являются политические партии или политические элиты.

Еще одним предметом социологии политических лидеров являются биографии, жизненный путь лидеров. Американский исследователь, один из основателей теории бихевиоризма *Гарольд Лассуэлл* в книге «Психопатология и политика» писал, что политическая наука без биографии подобна таксидермии – науке о набивании чучел [305]. То же можно сказать и о социологии лидерства, которая изучает проблемы формирования и деятельности лидеров различных уровней, их влияния на социальную реальность.

В условиях постоянно изменяющейся социальной и политической реальности, опасностей и рисков, способных изменить социально-политическую ситуацию во многих государствах, к современным лидерам стали предъявляться новые, совсем не такие, как, например, в середине XX в. требования. Лидер должен быстрее других адаптироваться к изменению объективной реальности, к ситуации неопределенности, предложить своим последователям конкретные меры по разрешению имеющихся проблем. В данном случае недостаточно владения конкретным набором личностных качеств. Это наглядно подтверждает кризис лидерства, наблюдаемый во многих современных государствах. Лидерам в настоящее время необходимы более сложные умения, навыки, а также принципиально новое для лидеров качество – мировоззрение, трансформирующееся в жизненную позицию. Отсутствие тако-

вой у целого ряда политических лидеров привело к глобальным катастрофам в Ираке, Ливии, Сирии и других государствах.

В условиях резкого ускорения общественных процессов, но когда скорость мышления людей остается на одном и том же уровне, лидерам должен быть присущ новый способ мышления – видение. В современных социально-политических реалиях настоящим лидером может стать только тот социальный субъект, который на самых ранних этапах зарождения ситуаций способен увидеть, почувствовать, распознать негативные тенденции и найти возможности реального их предотвращения.

Современные лидеры – это сложный общественный феномен, который требует тщательного и разностороннего подхода. В его основе должна находиться методология, определяющая направление движения, общие принципы и цели исследования, построение модели и разработку концепции исследований, выбор методики и инструментария, методов и средств деятельности, интерпретацию данных. Так как социология лидерства как самостоятельная наука еще не полностью сформировалась, то от методологического обеспечения исследований во многом зависит дальнейшее ее развитие, конечные результаты исследований и практические рекомендации.

Социология лидерства предполагает широкое исследование поиска, формирования, становления лидеров в социальном и политическом аспектах в комплексе системы внутренних и внешних связей, во взаимосвязи и взаимовлиянии с социальными изменениями и инновациями. Первый подход позволяет сосредоточить особое внимание на имманентном аспекте лидеров как комплексе важнейших социальных и политических отношений. Второй подход позволяет изучить деятельностный аспект лидеров в совокупности с реальной ситуацией, историческим и современным политическим ландшафтом. Сочетание обоих подходов является не только методологическим противоречием, но и компромиссом, который является важным, целесообразным и правильным с содержательной и формальной точек зрения. В рамках данного методологического подхода достаточно эффективно решаются задачи социологии как задачи изучения и обобщения деятельности лидеров всех уровней во взаимосвязи и во взаимовлиянии с общим ходом общественного развития.

За период своего существования социология выработала традиционные подходы и научные принципы изучения различных общественных процессов и явлений. В то же время лидеры – это своеобразный и весьма интересный объект, требующий специфического подхода. Кроме того, в современной науке поиск исследовательских парадигм постоянно продолжается, их многообразие увеличивается с каждым годом, что очень важно. Совершенно ясно, что ни один из современных методов анализа политической и социальной действительности не способен полностью отразить реальность во всех ее проявлениях из-за ее сложности и противоречивости. Поэтому необходимо постоянно продолжать научный поиск новых методологических подходов к исследованию социальных реалий, новых методик изучения общественных структур и явлений в целом, лидеров в частности.

В борьбе разнообразных позиций и мнений вырабатываются новые теории и концепции, модели и матрицы, подходы к анализу социальных и политических явлений, выявляются мало изученные аспекты традиционных проблем, происходит дальнейшее развитие научного знания. В данном исследовании предлагается новая концепция социологического изучения лидеров, их многофакторная, многофункциональная модель, новая социологическая матрица лидерства.

Как и любая современная наука, социология лидерства имеет свой *категориальный аппарат*, свой научный язык, только ей присущий предмет исследований, а ее развитие требует научных инноваций. Одной из важнейших задач данной отрасли социологической науки является развитие понятийного аппарата. Это проблема точности и логичности, последовательности и непротиворечивости социологического знания, образующего целостность

и завершенность любой науки. Нарботанное отечественным и зарубежным исследовательским опытом знание должно активно внедряться в повседневную практику изучения лидеров. При своевременной социологической рефлексии это может служить методологическим импульсом в развитии логической определенности понятийного аппарата социологии лидерства.

Благодаря междисциплинарному характеру исследований социология лидерства постоянно использует категории политической социологии и философии, политологии и психологии, ряда других наук. Политическая социология дала социологии лидерства основные методические приемы, методологию и методику социологических исследований. Политология предложила комплекс дефиниций политической системы и политического участия, гражданского общества и плюрализма, гегемонии и демократии, иные категории, описывающие политические феномены, способствующие формированию лидерства в целом, политического в частности. В социологии лидерства данные категории работают в том же значении, что и в политологии, наполняя при этом социологию лидерства собственным содержанием. Философия внесла свой вклад в становление социологии лидерства, снабдив ее наиболее общими теоретическими понятиями. *Психология лидерства* изучает цели и задачи социальных общностей, основные факторы, детерминирующие, кто станет их лидерами и какой стиль лидерства окажется наиболее эффективным для достижения, использования и удержания власти.

В то же время, несмотря на достаточно большое количество исследований, в современной науке нет общепринятого определения лидера и лидерства, отсутствует и единство подходов к пониманию их сущности и характерных признаков. В современной науке насчитываются сотни, если не тысячи определений дефиниции «лидер» и «лидерство».

В современных условиях глобализации, рисков и неопределенности как никогда ранее актуален социологический анализ места, роли и влияния *лидеров* как важнейших субъектов социальных процессов, существенно влияющих на развитие социальных систем различных уровней, государств и обществ. В свою очередь, формирование и становление лидеров в целом, политических в частности, во многом зависит от личностной культуры социальных субъектов до правовой регламентации их деятельности со стороны государства, особенностей избирательной и политической систем общества.

Сложность заключается еще и в том, что проблемами лидерства в нашей стране практически не занимались. Иногда, да и то очень редко, изучалось лидерство на уровне малых групп. По-другому в принципе и быть не могло. Разве мог обладать существенным политическим авторитетом (важнейшим атрибутом политического лидерства) и всенародной любовью престарелый политик, не способный правильно выговаривать слова, или не совсем грамотный руководитель, стучавший ботинком по трибуне ООН. Тем более, что этих руководителей не избирали всем народом, а назначали кучкой таких же престарелых политиков. Первое исследование политического лидерства было проведено группой социологов под руководством автора этой работы в конце 90-х годов XX в. Необходимо строго научное изучение причин «размытости» института политических лидеров в структуре белорусского общества, проявляющейся в отсутствии интересных и эффективных политических лидеров прежде всего среднего уровня.

Очень важно в рамках социологии лидерства выявить закономерности формирования и институционализации политических лидеров, их влияния на процессы построения сильной, процветающей и независимой Беларуси, социологическое изучение особенностей развития политических лидеров; анализ их перспектив, роли в процессе становления белорусской государственности и национального гражданского общества в условиях глобальных опасностей, угроз и рисков.

Одной из важнейших задач социологии лидерства является построение их *многомерной социологической модели*, в которой следует отразить наиболее важные, системообразующие, основополагающие параметры и характеристики лидеров всех уровней. Но особенно интересна *социологическая модель* политических лидеров. Причем она должна отображать в формализованном виде гипотетические представления о политической лидере как социологическом субъекте политических процессов, что требует принципиально иной структуры понятий, других параметров и характеристик, специфического аппарата исследования, обладающего адекватным аналитическим и прогностическим потенциалом. Принципиально новым словом в социологической науке станет создание социологической матрицы лидерства.

Анализ роли и места социологии лидерства в общественном развитии, ее объекта и предмета указывает на то, что она находится в центре внимания представителей различных отраслей современного знания и действующих политиков. При этом очень важно обеспечить интеграцию конструктивных концепций и моделей, методов и подходов, эффективных научных решений и общественной практики. Это даст толчок более быстрому развитию теории социологии лидерства.

Глава 1

Тысячелетия в поиске героев: взгляд в прошлое

На формирование теоретических и прикладных основ современного лидерства огромное влияние оказали труды многих выдающихся философов, социологов, историков, психологов, других мыслителей, составивших классику социально-политической и философской мысли. В первую очередь это исследования политико-философского направления, где аспекты лидерства рассматривались в контексте познания природы и личности, политики и общества, власти и государства, а также работы по социологическому, философскому, историческому, педагогическому и историографическому анализу роли выдающихся людей в истории. Ретроспективный анализ трудов классиков показывает, что в различные исторические эпохи лидерство воспринималось совершенно по-разному.

Можно предложить несколько важнейших социологических моделей людей, оказывавших существенное влияние на ход исторических событий, имеющих огромный авторитет, словом будивших умы, бывших всегда впереди, личным поведением показывающих пример в сложных исторических периодах или конкретных жизненных ситуациях. Сегодня их называют лидерами. Однако в разных странах в разных исторических эпохах их называли по-разному – старейшины или вожди племен; деспоты, правители или государи; герои; мыслители или философы, общественные лидеры античных городов-полисов, предводители народных масс. В зависимости от плоскости исследования можно предложить и другие подходы. В данной работе мы будем рассматривать лидеров в генезисе исторического развития – от шаманов, правителей, античных героев до современных политиков. Тем более, что их определения по многим параметрам совпадают.

Сравним, например, две дефиниции – «герой» и «лидер». В «Толковом словаре русского языка» *С. И. Ожегова* герой – это человек, совершающий подвиги, необычный по своей храбрости, доблести, самоотверженности главное действующее лицо литературного произведения; человек, воплощающий в себе черты эпохи, среды; тот, кто привлек к себе внимание (тот, кто вызывает восхищение, подражание, удивление) [406].

В «Большом толковом словаре современного русского языка» *Д. Н. Ушакова* герой – это исключительный по смелости или по своим доблестям человек, выделившийся своей храбростью на войне; в теориях некоторых буржуазных социологов – выдающаяся личность как сила, направляющая исторический процесс; главное действующее лицо древних эпических поэм и мифов, одаренное сверхчеловеческими силами (ист. лит.). Ахилл был героем древних греков. Парсифаль – герой легенды о Граале; лицо, привлекающее к себе общее внимание в течение известного времени; главное действующее лицо литературного произведения [68].

Практически все основные характеристики героев, кроме разве что весьма специфического, – «главное действующее лицо литературного произведения» – применимы к дефиниции «лидер» в нынешнем понимании этого слова. Современные лидеры, как правило, выдающиеся личности, оказывающие существенное влияние на развитие общественных процессов. Это люди, привлекающие к себе внимание в течение определенного времени, причем во многих случаях, достаточно долго. Это политические акторы, воплощающие в себе черты эпохи или среды. Кроме того, формируя в себе архетип героя, лидер становится сильнее, мужественнее, привлекательнее.

Сегодня так же можно встретить сравнение лидеров с героями. Американский исследователь *Юджин Дженингс* делит лидеров на «суперменов», «героев» и «принцев». «Суперменом» он называет великого человека, который ломает старые порядки, создает новые

ценности, «героем» – лидера, посвятившего себя значительным и благородным целям. А «принц» – лидер, деятельность которого мотивируется главным образом стремлением господствовать над другими людьми, любыми путями добиваться власти [цит. по: 27, с. 117].

Таким образом, можно сделать вывод, что существует глубокая связь между дефинициями «герой» и «лидер». Не каждый герой может быть лидером, но каждый лидер в определенном смысле является героем. Для понимания глубинного смысла, использования лучших качеств героев и лидеров в повседневной жизни, важно постоянно анализировать их взаимосвязь и взаимовлияние друг на друга, учиться на их примерах.

Первые дошедшие до современных исследователей серьезные источники, свидетельствующие о важной роли правителей в жизни государства и общества, содержания и задачах их деятельности, относятся к I тыс. до н. э. Древняя история – это эра выдающихся людей и событий, в которой существовал культ сильных и мужественных людей, культ сильной власти. Выдающиеся мыслители *Артхашастра*, *Заратустра*, *Чанакья (Каутилья)*, *Хаммурапи* с разных сторон, под разными углами внимательно изучали самоотверженную деятельность *Махавиры*, *Кришны*, *Шивы*, *Будды*, *Моисея*, *Иисуса Христа*, *Мухаммеда*, других пророков, которые пришли в этот мир для того, чтобы сделать людей счастливыми, открыть им истину, заложить нравственные основы многих религий и культур. Именно античные мыслители *Плутарх*, *Перикл*, *Гомер*, *Пифагор*, *Гераклит*, *Геродот*, *Демокрит*, *Протагор* впервые, используя накопленный опыт и знания, стали рассматривать историю как результат деятельности необыкновенных личностей – героев [25; 117; 451].

Дефиниция «герой» пришла в современное миропонимание из Древней Греции. Первоначально эллины называли героями легендарных вождей, обитавших на вершине горы Олимп. Позднее героями стали называть прославленных в битвах, походах и войнах военачальников и рядовых воинов, которые отличались смелостью, доблестью, самоотверженностью ради общего дела. Герой объединял вокруг себя тех, кто уважал и признавал его, стремился быть похожим на него и готов пойти за ним в трудные минуты. Он своим примером предлагал конкретные решения, выход из тяжелой, экстремальной ситуации и являлся катализатором для дальнейших действий. Таким образом, героическая система ценностей становилась комплексом норм не для одного человека, а конкретной совокупности людей. Это приводило к тому, что наряду с индивидуальным проявлением героизма, возникало такое явление, как коллективный героизм, где коллектив выступал единым целым и совершал великие подвиги во имя великих целей. Типичный пример – 300 героев-спартанцев. В сентябре 480 г. до н. э. во время сражения греко-персидской войны в узком ущелье Фермопилы, преграждая путь персидскому войску царя Ксеркса, героически сражался и погиб отряд из 300 спартанских воинов-гоплитов под руководством царя Леонида. «Вместе победить или вместе умереть!» – таков закон спартанских воинов. Они победили и умерли. Сражение у Фермопил стало символом настоящего мужества и героизма.

Философы *Платон*, *Аристотель*, *Сократ*, *Лукреций*, *Цицерон* и другие в своих трудах закрепили традиции своих предшественников по изучению героев, их дел, подвигов, личностных характеристик [21; 22; 445; 603; 604]. Эта дефиниция ими была дополнена и расширена. В нее вошли вожди племен, полководцы, короли, военачальники и что очень важно, философы, которых считали настоящими лидерами и творцами истории. Авторитет мыслителей существенно вырос. Они стали принимать активное участие в формировании новых героев, мыслителей, лидеров. Аристотель был учителем Александра Македонского, за что Александр, став императором, поставил своему наставнику памятник с надписью: «Александр поставил этот памятник сыну Никомаха, мудрому божественному Аристотелю». Через Академию Платона прошли многие великие люди. Он потратил много сил, пытаясь превратить тиранов Дионисия Старшего и его сына Дионисия Младшего, правивших в V в. до н. э.

в Сиракузах, в мудрых правителей. Известный китайский мудрец Конфуций имел более трех тысяч учеников, среди них были знаковые для Китая фигуры.

Причем практически все мыслители того времени рассматривали лидерство как комплекс выдающихся личностных черт. Они обратили особое внимание на способности лидеров быть лучшими среди других, решать многочисленные проблемы, оказывать решающее воздействие на те или иные события, эффективно управлять действиями людей. Причем, как утверждал Платон, умение управлять людьми, это одно из сложнейших и самых труднодостижимых умений [445].

Первоначальные социально-политические учения древних египтян, китайцев, индусов, греков, римлян и других народов, касающиеся управления, были частью мифологического мировоззрения и носили *религиозно-мифологический* характер. Отход от этих представлений к более рациональному взгляду на мир наметился в VIII–VI вв. до н. э. Отдельные элементы новой системы социально-политических воззрений сформировались в странах Древнего Востока – Египте, Индии, Китае. Особую роль в развитии социально-политических знаний играли учения *Конфуция*, *Мо Цзы*, *Лао Цзы* и легистов в Китае, *Будды* – в Индии, *Заратустры* – в Персии, проповедях еврейских пророков *Иеремии*, *Исаии* – в Палестине, выступлениях эпиков, драматургов, мудрецов, софистов и философов – в Греции, юристов – в Риме.

В II–I тыс. до н. э. в дельтах великих рек Нила, Тигра и Евфрата, Инда возникли сильные государства Египет и Шумер, Вавилон и Ассирия. Необходимость постоянной организации ирригационного хозяйства обусловила развитие этих обществ по пути жесточайшей государственной централизации, что привело к созданию политических систем деспотического типа. Китайские философы сформировали основной принцип деспотизма того времени – *деление общества на тех, кто работает, и на тех, кто управляет*. Большое распространение получили патерналистские представления о власти. При этом подчеркивалось, что цель государства – общее благо, государь – отец подданных, которые не могут предъявлять ему какие-либо требования. Монарх был связан только обычаями, традицией. Правителя – императора, короля, царя, султана практически обожествляли. Утверждалось, что он – воплощение воли бога или сам является божеством (полубогом). Правитель ответственен только перед богами, а не перед людьми, но должен быть человеком сильным и морально, и физически, и уметь управлять подданными [131; 132; 261; 453].

Таковыми способностями, «божиим даром» обладали многие великие люди древности, которые могли повести народ за собой, одним словом, успокоить толпу и управлять ею. Около 4 тыс. лет назад был написан трактат о методах и стиле лидерства «Поучение Птаххотепа», который и сейчас может служить настольной книгой современных политических лидеров. Везир фараона Исеси (V династия), великий мудрец и знаток искусства управления Птаххотеп в последние годы своей жизни, считая, что «никто не рождается знающим», пишет наставление своему сыну, в котором обобщает опыт, накопленный за долгие годы: «Если хочешь, чтобы твои поступки всегда были благородны и надежно защищены от любого зла, берегись плохого настроения, не дай, чтобы оно брало над тобой верх. Это страшная болезнь, порождающая разногласие, а тот, кто ей поддается, уже перестает быть самим собой: она настраивает друг против друга отцов и матерей, братьев и сестер, приводит в ужас жену и мужа, она содержит в себе все проявления злости, злобы и все возможные несправедливые действия. Из всех работ самая трудная – умная речь. Учись и советуйся – ведь нет предела уменью, и кто так искусен, чтобы все знать? Не торопись с мыслями... взвесь их последствия. Уважай право просителя облегчить перед тобой свою душу. Не клевети и не сплетничай. Поставленный распоряжаться многими людьми, пекись об их благе и стремись к добру. Он бы убежден, что «поставленный распоряжаться многими людьми,

пекись об их благе и стремись к добру», «скрывай свои мысли, будь сдержан в речах» [254, с. 236–237; 463].

В Древней Индии эта проблема рассматривалась через призму управления обществом, заключающегося в том, чтобы с помощью *данды* (принуждения, наказания) сохранять и поддерживать *дхарму* (праведное исполнение людьми своих обязанностей). Известный индийский политический мыслитель того периода *Каутилья* (IV в. до н. э.) обратил особое внимание на три основных вопроса: деятельность и функции мудрого правителя; управление общественными делами и право; война и дипломатия.

Особое внимание правителям, героям, ведущим за собой массы, уделяли древнекитайские мыслители, пытавшиеся создать собирательный образ идеального лидера. Этого требовала политическая реальность. Китай был расколот на множество небольших государств, постоянно враждующих друг с другом. Войны и социальные конфликты внутри наиболее продвинутых в экономическом и военном положении стран наносили огромный ущерб и страдания их жителям, уносили сотни тысяч человеческих жизней. Правители воюющих государств, как правило, не демонстрировали образцы мужества и человечности, мудрости и справедливости, порядочности и воспитанности. Нужен был лидер, который смог бы повести за собой людей, покорить соседей и стать правителем сильного объединенного китайского государства.

О китайских героях рассказывает известная во всем мире книга «Шуцзин» («Книга истории») – древний сборник речей и других исторических материалов, почитаемая в Китае как один из самых ценных классических трудов. Данная работа изображает императора Яо, сфера влияния которого простиралась от Шаньси к югу и востоку, духовным лидером, сильным правителем, наставником, религиозные представления которого связаны с толкованием расположения звезд на небе. На востоке интересы Яо столкнулись с другим героем – правителем по имени Шунь. Шуня во многих древнекитайских источниках называли восточным варваром. Шунь по сравнению с Яо обладал большой властью. В конечном счете последнему пришлось подчиниться. Эта передача полномочий была истолкована как отречение правителя в пользу более достойного лидера, что позднее использовалось в политической истории Китая как законный предлог для захвата власти [208].

Другой известный китайский политический и духовный лидер, премьер-министр государства Ци в период Весны и Осени в китайской истории, один из основателей легизма *Гуань Чжун* считал закон намного выше правителей. Все люди должны быть равны перед законом, должны существовать универсальные принципы управления, одинаковые для всех. И все же, по мнению ряда легистов, существует одно исключение – это сам правитель, создатель законов. Некоторые мысли Гуань Чжуна поражают современных исследователей и политиков своей глубиной и пронизательностью. «Правитель и чиновники, высшие и низшие, знатные и подлые – все должны следовать закону. Это и называется великим искусством управления». Гуань Чжун также считал, что благосостояние народа является основой государства. Сытых людей легче образовать, научить приличиям и этикету, им проще повиноваться правителю. Он также выступал за то, что правитель должен заботиться о процветании всех социальных классов, и тогда люди будут готовы служить правителю. Четырьмя столпами государства были порядочность, справедливость, честность и совесть. А правитель должен быть примером и демонстрировать свою силу, основываясь на этих принципах [240].

Китайский мудрец *Лао-цзы*, один из лидеров даосизма, учения, в котором не приветствовались целенаправленные действия по изменению существующей реальности, считал, что лучший правитель (лидер, вождь) – это тот, которого «народ не замечает», на втором месте – тот, которого «народ обожает», на третьем месте – тот, которого «народ боится» и на последнем – тот, кого «ненавидят». Он утверждал: «Там, где великие мудрецы имеют власть, подданные не замечают их существования. Там, где властвуют невеликие мудрецы,

народ бывает привязан к ним и хвалит их. Там, где властвуют еще меньшие мудрецы, народ боится их, а там, где еще меньшие, народ их презирает». «Я имею три сокровища, которыми дорожу: первое – это человеколюбие, второе – бережливость, а третье состоит в том, что я не смею быть впереди других». «Если хочешь, чтобы люди шли за тобой, иди за ними» [цит. по: 523, с. 72–73].

Великий китайский мудрец, «царь без трона, воспитатель десяти тысяч поколений» Кун Фу-цзы, что означает Почтенный Учитель Кун или по-европейски *Конфуций*, родился и жил в эпоху великих социальных и политических потрясений. Это было время распада чжоуской империи и начала гражданских войн. Страна стояла на пороге периода «воюющих царств», который закончился лишь в 221 г. до н. э., когда победившее княжество Цинь объединило страну под властью императора.

В то же время среди правителей, понимающих, что одной военной силы недостаточно для эффективного управления государством, появился спрос на теоретические и практические исследования, конкретные рекомендации, способные отвести страну от края пропасти, предложить пути преодоления царившего в стране хаоса.

Конфуций создал оригинальную идеальную модель правителя – «благородного мужа» (цзюнь-цзы), предложил концепцию, согласно которой государство является большой семьей, император выступает отцом этого семейства, сторонником ненасильственных методов правления и равномерного распределения богатств.

Идеальному правителю – главе «государственной» семьи, – по мнению Конфуция, не надо отдавать приказы. Подчиненные и так прекрасно знают свои обязанности и исполняют их с усердием. Для этого правителю необходимо соответствовать понятию «совершенного мужа», являющегося предметом уважения и почитания. При этом Конфуций подчеркивал необходимость и важность образования, осмысления полученных знаний и неперемногого применения их на практике. Идеальный правитель должен обладать человечностью, относиться с сыновней почтительностью к вышестоящим и опираться на доверие нижестоящих. Основное внимание Конфуций обращал на дефиницию «человечность» или «гуманность». Это понятие понималось им чрезвычайно широко и включало в себя скромность, справедливость, сдержанность, достоинство, бескорыстие, любовь к людям и т. п. В китайском языке иероглиф жень («человечность») состоит из двух других иероглифов: «человек» и «два». Основное значение иероглифа – обозначить гуманные и человеческие отношения между двумя людьми. Выдающийся человек не ставит себя выше других; он прям, бесхитроустен, любит справедливость, прислушивается к мнению людей, внимателен к ним [252; 253].

Конфуций считал, что лидер (руководитель, правитель) должен почитать «пять прекрасных качеств»: «благородный муж в доброте не расточителен; принуждая к труду, не вызывает гнева; в желаниих не алчен; в величии не горд; вызывая почтение, не жесток. При этом ему необходимо искоренить в себе такие «отвратительные» качества, как жестокость, грубость, жадность. Высокие моральные качества правителя дают право властвовать над народом. Конфуций утверждал, что «люди довольны своим лидером, потому что он для них как отец. Если правитель ведет себя правильно, он установит в стране порядок» [252; 253].

Идеальный правитель, по мнению Конфуция, должен обладать следующими личностными качествами и характеристиками:

- подчиняться императору и следовать конфуцианским принципам;
- управлять на основе добродетели («бадао»);
- обладать необходимыми знаниями;
- верно служить стране, быть патриотом;
- обладать большими амбициями, ставить высокие цели;
- быть благородным;
- делать только добро государству и окружающим;

предпочитать убеждение и личный пример принуждению;
заботиться о личном благосостоянии подчиненных и страны в целом.

В свою очередь, последователи должны:

быть лояльными по отношению к руководителю;

проявлять старание в работе;

постоянно учиться и самосовершенствоваться [252; 253].

Конфуций сформулировал «золотое правило нравственности», которого явно не хватает многим современным правителям: «Не делай человеку того, чего не желаешь себе. И тогда исчезнет ненависть в государстве, исчезнет ненависть в семье» [252; 253].

Существенный вклад в становлении науки о лидерстве (героях, правителях) внес известный китайский мыслитель *Сюнь-цзы*. Он был уверен, что для того, чтобы стать настоящим лидером, необходимо постоянно учиться, формировать свои лучшие качества, проявлять их в сложнейшие минуты жизни. В своем главном труде «Сюнь-цзы» он писал: «В древние времена совершенно мудрые, видя, что человек по своей природе зол, именно поэтому и создали власть правителя, чтобы следить за людьми, разъясняли основы ритуала и долга, чтобы воспитывать людей. Если распределение будет равным, тогда не хватит на всех; если уравнивать власть, станет невозможным единство; если все будут равны, никого не заставишь работать. Подобно тому, как существуют небо и земля, существуют различия между теми, кто наверху, и теми, кто внизу. Положение людей от ученого и выше нужно регулировать с помощью ритуала и музыки; если говорить о простых людях, народе, то управлять ими нужно с помощью законов. Ваны-предки знали, что если те, кто стоит над людьми, кто правит ими, не прекрасны и не украшены красивой одеждой, они не смогут объединить народ... Если те, кто стоит над людьми и правит ими, не богаты и не щедры, они не смогут управлять теми, кто находится внизу. Если хочешь видеть, что было тысячу лет назад, вникай в совершенность; если хочешь познать огромное множество вещей, начинай их изучение с одной или двух; если хочешь узнать о делах поколений древности, вникай в дао эпохи Чжоу; если хочешь вникнуть в дао эпохи Чжоу, изучай дела совершенных людей, которых почитают современники.

Существуют четыре вида мудрости:

МУДРОСТЬ СЛУГИ: быстрота, находчивость, остроумие и проницательность в речи, но отсутствие в ней последовательности; способность разрабатывать учение, которое, однако, никому не нужно, нежелание считаться с правдой и ложью...;

МУДРОСТЬ НИЧТОЖНОГО ЧЕЛОВЕКА: лицемерие в словах, нарушение всех принципов в поступках, множество ошибок в делах;

МУДРОСТЬ ОБРАЗОВАННОГО, СОВЕРШЕННОГО ЧЕЛОВЕКА: способность говорить мало, но прямо и сжато, способность излагать свои мысли по порядку, словно каждое слово нанизано на одну ниточку, и быть сдержанным;

МУДРОСТЬ СОВЕРШЕННО МУДРОГО: последовательность в изложении, способность целыми днями обсуждать причины тех или иных явлений, рассматривать их со всех сторон и в то же время сохранять единую последовательность. Лучше сначала дать возможность народу получить выгоду и лишь затем отобрать часть ее, чем совсем не давать народу возможности получать выгоду и отнимать ее у него. Спрашивают: как осуществлять управление государством? Отвечаю: мудрых и способных людей нужно выдвигать на должности независимо от их положения и происхождения; ленивых и неспособных людей нужно немедленно отстранять от должности. Народ легко заставить быть единым в своих стремлениях, если использовать для этого правильный путь, но нельзя совместно с ним выяснять необходимость этого» [цит. по: 523, с. 321–322].

Один из наиболее известных китайских мыслителей, первый министр царства, а затем империи Цинь ученик *Сюнь-цзы Хань Фэй* особо подчеркивал, что «правителю надлежит

обладать не только знанием, но и умением эффективно использовать это знание». По его мнению, власть не должна стремиться к утверждению справедливости и добродетели. Моральные качества правителя никак не влияют на обязанность подданных следовать его повелениям. Он утверждал, что «неизменный принцип мироздания состоит в том, что подданный служит властителю, сын – отцу, а жена – мужу. При этом подчинение государю важнее, чем семейные обязательства» [цит. по: 523; 631].

Он писал, что «власть прячется в груди, чтобы быть готовой к различным событиям и незаметно управлять своими слугами. При наличии способностей, но при отсутствии искусства управления даже мудрый не сможет управлять порочными. Управляя народом в опасное время, нельзя пользоваться великодушной и мягкой политикой. Управлять живущим в настоящее время народом нельзя на основе методов покойных правителей» [цит. по: 523, с. 344].

В своем главном сочинении «Пять паразитов» Хань Фей анализирует жизненный и карьерный путь наиболее мудрых китайских правителей древности и обращает внимание на две их характерные черты, делающие государя мудрым и любимым: заботу о нуждах народа и умение перестраивать методы управления страной в зависимости от изменяющихся обстоятельств [цит. по: 523, с. 336–337].

В данном исследовании китайский мыслитель выделил пять типов людей-паразитов:

1) ученые, которые расхваливают путь прежних правителей под предлогом их гуманности и следования чувству долга, пышно украшают свои одежды и изощряются в изысканных речах, вызывая сомнения в существующих законах и раздвоенности в душе правителя;

2) болтуны, которые несут всякий вздор, опираются на внешние силы, чтобы устроить свои личные дела и отбросить дела, полезные для алтаря земли и злаков, каковым является любое царство;

3) те, кто носят мечи, собираются толпами, выставляют напоказ свои качества, чтобы прославить свое имя и нарушить запреты высших чиновников;

4) те, кто страшатся повинностей, собираются в частных домах, употребляют все свое добро на взятки, чтобы упротить самовластных чиновников и уклониться от тяжелых трудов и воинской службы;

5) торговый и ремесленный люд, который изощряется в изготовлении грубых подделок, собирает у себя несметные запасы, а собрав их, выжидает время, чтобы посягнуть на выгоды земледельцев, занимаясь перепродажей продуктов в зимнее время или неурожайные годы [цит. по: 523, с. 346–347].

Многие мысли Хань Фей достаточно интересны и современным политическим лидерам различных уровней. Он писал: «Выгода государя в том, чтобы иметь способных подданных и назначать их на должности, а выгода чиновников в том, чтобы, не имея способностей, распоряжаться делами; выгода государя в том, чтобы иметь заслуженных подданных и вознаграждать их; выгода чиновников в том, чтобы, не имея заслуг, быть богатыми и знатными; выгода государя в том, чтобы выдающиеся люди служили ему по своим способностям; выгода чиновников в том, чтобы использовать в личных целях своих друзей и сторонников... Таким образом, государь теряет силу, а чиновники завладевают государством; государь опускается до положения подчиненного чиновника, а первый министр начинает распоряжаться раздачей чиновничьих верительных бирок. Правитель ни в коем случае не должен делить ни с кем свою власть. Мудрый правитель скрывает свои следы, утаивает причины своих поступков, дабы чиновники не воспользовались ими; удоливает свою мудрость, принижает свои способности, дабы низшие не могли разобраться в них, лишает чиновников надежды и использует их так, чтобы они не желали власти правителя» [цит. по: 523, с. 340–341].

В европейских странах Средиземноморья возник новый античный вариант политического развития. Его эпицентром стала *Греция*. Вместо централизации власти здесь создавались независимые политические общности, называемые *полисами*. Фундаментальным принципом организации полисного строя стало участие большинства свободных граждан в разработке и реализации политических решений. Носителем высшей суверенной власти в полисе стало народное собрание, которое выражало коллективную волю граждан. Наибольший расцвет античная демократия имела в Афинах. Этому способствовал уникальный политический климат города. Более двух веков в полисе существовала форма правления, которую называют прямой демократией. Эта политическая система была основана на буквальном значении слова «демократия», т. е. власть народа. В политической жизни принимали участие все граждане. Предоставление статуса гражданина считалось в Афинах исключительно высокой привилегией. Все граждане были членами ассамблеи, которая являлась верховным органом правления города-государства. Законопроекты представляли в ассамблею члены совета. Ни один гражданин не мог быть избран в совет более двух раз, поэтому каждый имел возможность участвовать в нем по крайней мере раз в жизни. О совершенстве греческой демократии свидетельствует тот факт, что она не имела равных на протяжении более 2 тыс. лет.

В таких условиях начал формироваться совершенно иной тип правителя или политического лидера. Для античных мыслителей – это мудрец, интеллектуал, обладатель высоких морально-нравственных качеств, высоконравственный правитель, «отец» своим подданным, уважающий традиции и обычаи государства, во главе которого он находился. Главная его цель – порядок, справедливость и благосостояние. Он не столько управлял, сколько вел за собой последователей. Власть такого лидера осуществлялась в тесной взаимосвязи с религией. Это было правильным, так как решения мировоззренческих проблем, определение и формирование морально-нравственных идеалов и ценностей, формирование этических норм были чрезвычайно важны для античного правителя, политика и философа в одном лице. Это детерминировало взаимоотношения лидера и его последователей, сторонников и союзников. Это очень важно, так как в те времена влияние было основано на авторитете конкретного человека, его личностных умениях и качествах, способностях и достоинствах, профессионализме и добродетелях.

Конечно, были и другие понимания сущности правителя, когда его считали тираном, диктатором, стремящимся удовлетворить свои низменные потребности за счет своих подданных. Однако такой человек мог быть правителем, но лидером в нынешнем понимании – никогда.

Тему героизма и лидерства достаточно активно исследовали в античные времена. В античной традиции она преимущественно развивалась древнегреческими (*Геродот, Фукидид*) и древнеримскими (*Плутарх, Гай Светоний Транквилл, Гай Саллюстий Крисп, Квинт Курций Руф*) мыслителями. Они анализировали действия конкретных исторических личностей (*Креза, Фемистокла, Перикла, Александра Македонского, Помпея, Гая Юлия Цезаря, Нерона*), описывали совершенные ими подвиги, осуждали плохие поступки и т. д. В Древнем Риме особенно популярны были труды, в которых подробно описывалась жизнь героев: «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, «Жизнь двенадцати цезарей» Гая Светония Транквилла, «Записки Юлия Цезаря» и «О заговоре Катилины» Гая Саллюстия Криспа и др. [104; 105].

Герои Античности – это воины или полководцы, которые проявили себя на поле брани, бросаясь в гущу сражения с мечом или копьем в руке, показали образцы мужества и отваги, тем самым отстаивали не только собственную честь или память предков, но и свободу своего народа. В результате такие личностные качества, как бесстрашие и самоотверженность, ратная доблесть и храбрость, становятся важнейшими, а другие черты – альтруизм или само-

пожертвование ради истины, умеренность в своих желаниях или скромность – уходят на второй план.

Главная работа Гомера «Илиада» посвящена воинам-героям. Герои – это сыновья, внуки и правнуки богов от смертных женщин. Они совершали подвиги, очищали землю от чудовищ, наказывали злодеев и показывали свою силу в междоусобных войнах. Подвиги во имя Отечества и стремление к славе поднимали их на уровень богов. В образе главного героя «Илиады» Ахиллеса были сосредоточены основные качества героев-победителей – сила, отвага, мужество, справедливость. Чего стоит только описание копья Ахиллеса:

«Тяжел был

Крепкий, огромный тот ясень; его никто из ахейцев

Двигать не мог; лишь один Ахиллес без труда потрясал им...» [124].

Ахиллес необычайно храбр. Даже зная о своей горькой участи умереть молодым, он все равно предпринимает этот опасный поход к Илиону. Причем простого смертного Ахиллеса за его личностные качества называют «богоподобным». Одним из критериев отличия героев от простых людей, по Гомеру, является внешняя красота, которая должна сочетаться с внутренней красотой. Гомеровский герой обладал не только острым умом и силой духа, но и прекрасным телом, что вызывало восхищение и зависть у врагов. Для античного героя важно было умереть на поле брани ради Родины, славы и памяти о себе. Это являлось особой мотивацией великих дел [124].

Отдельный интерес представляют исследования в области героизма древнегреческого философа *Гераклита*. Он происходил из царской семьи; как потомок рода Андроклидов (легендарного основателя Эфеса – Андрокла) должен был унаследовать почетный титул царя, но отрекся от него в пользу брата. Диоген Лаэртский сообщает, что Гераклит возненавидел людей, удалился и стал жить в горах, питаясь быльем и травами [160]. Гераклит постоянно подчеркивал свое презрение к демократии как власти толпы. Он утверждал, что «звери, живя вместе с нами, становятся ручными, а люди, общаясь друг с другом, становятся дикими». Для Гераклита «один, если он наилучший» выше многотысячной толпы. Причем мыслитель определял наилучшего не по происхождению или богатству, а по уму, по духовным ценностям. «Если бы счастье заключалось только в телесных удовольствиях, мы бы назвали счастливыми быков, нашедших горох для еды». Он презирал невежество тех людей, которые в погоне за материальными благами не занимаются своим духовным совершенствованием и при этом не терпят «наилучших», которые выше большинства по своим личностным качествам. Гераклит учил, что мир есть вечный процесс становления, осуществляющийся в форме борьбы между отдельными элементами действительности; в этой борьбе проявляется высший разум, определяющий движение Вселенной. «Все течет, все меняется», «Даже прекраснейшая из обезьян безобразна», – утверждал мыслитель [цит. по: 523, с. 124].

Великий греческий философ *Сократ* – первый из трех выдающихся мыслителей Древней Греции. Он в юном возрасте был признан самым мудрым человеком на земле – дельфийским оракулом. Он являлся, как считали многие современники, воплощением эллинской мудрости. Жрица-прорицательница храма Аполлона в Дельфах *Пифия*, устами которой вещали боги, на вопрос, есть ли кто на свете мудрее Сократа, ответила: «Софокл мудр, Еврипид мудрее, Сократ же – мудрейший из всех людей».

Сократ не создал какой-либо философской системы, не написал ни строчки. Он постоянными беседами, диспутами и спорами будоражил умы собеседников, будил их мысли. Мыслитель пытался подтолкнуть людей к новому знанию. Он был убежден, что знание можно обрести только собственными силами, а не получить его готовым из каких-то внешних источников. «Есть только одно благо – знание и только одно зло – невежество. Высшая мудрость – различать добро и зло» [цит. по: 234], – утверждал мыслитель.

Сократ стремился обратить особое внимание своих современников на внутренний мир человека, попытался сформировать новый образ правителя. Он был убежден, что править должны мудрые, высокоморальные люди, что власть не должна передаваться по наследству. Качества правителя Сократ рассматривал с точки зрения «сознательного выбора», считал, что правитель – это мудрец, который умеет обуздывать страсти своего тела, низменные инстинкты и желания низкого порядка, он должен обладать высокими морально-нравственными характеристиками. Сократ утверждал, что «цари и правители не те, которые носят скипетр или избраны кем попало, или получили власть по жребии или насилеи, или обманом, но те, которые умеют управлять» [цит. по: 234]. Сократ предъявлял конкретные требования к правителю – духовное совершенство и опыт ведения общественных дел, забота об общем благе и конкретные добродетели.

Основными добродетелями Сократ считал сдержанность (как укрощать страсти), мужество (как преодолеть опасность) и справедливость (как соблюдать божественные и человеческие законы). Эти добродетели человек приобретает путем познания и самопознания. Добродетели, равно как и моральные нормы, и законы, основанные на них, Сократ считал вечными и неизменными. Добродетели связаны со знаниями, которыми необходимо овладеть. Только зная, что есть добро и обладая добродетелями, правитель совершает благие дела, которые по своей сути прекрасны. Отсюда высказывание античного философа: Истина – Добро – Знание. Обладая данными добродетелями, правитель должен быть сильным и самодостаточным, справедливым и умеренным, мужественным и образованным.

Справедливость Сократ понимал в духе соблюдения сословных интересов аристократии. Добродетель, по его мнению, – это то, что совершенствует природу человека, возвышает его. Знание есть добродетель. Однако, отмечал мудрец, не всякое знание, а лишь знание добра и зла, знание, которое ведет к правильным, добродетельным поступкам. Сократ пропагандировал воздержанность как противодействие против невероятной распущенности того времени, против похоти. Страсти, особенно злые, не могут разрушить гармонию его души. Мужество, по мнению Сократа, – необходимое качество для воина, знание – главный критерий для правителя. Однако следует отметить, четкой и конкретной модели идеального правителя у Сократа так и не получилось [цит. по: 234].

Наиболее детально образ идеального правителя был разработан древнегреческим писателем, историком, полководцем и политическим деятелем *Ксенофонтом* в работах «Анабасис», «Агесилай», «Гиерон» и «Киропедия».

В труде «Анабасис» Ксенофонт особое внимание уделял деятельности и ратным подвигам спартанского царя Агесилая II, наделяя его качествами идеального полководца, правителя и человека. Интересен и образ Кира Младшего, поднявшего мятеж против своего старшего брата, персидского царя Артаксеркса II. Именно в данном произведении Ксенофонт впервые начал работу над созданием модели идеального правителя.

Дальнейшее развитие это направление получило в небольшом исследовании «Агесилай». Ксенофонт, идеализируя личность Кира младшего, подчеркивал в нем качества идеального монарха и военачальника, в особенности, его умение находить понимание с соратниками и друзьями. В этих двух работах Агесилай также показан выдающимся полководцем, бесстрашным героем, исключительной личностью.

В «Гиероне» идеальный правитель – справедливый и добродетельный руководитель государства, способный эффективно управлять людьми. Причем, как утверждал Ксенофонт, управлять людьми – это сложное искусство, но этому искусству можно и необходимо постоянно учиться.

Известное исследование «Киропедия» (Воспитание Кира) в восьми книгах посвящено жизнедеятельности создателя персидской империи Кира Старшего. В лице Кира Ксенофонт изобразил образ идеального правителя, по выражению древнего критика Дионисия, «царя

благородного и счастливого». Образ Кира Старшего дан в развитии и становлении. Он, как и другие знатные персы, показан сильным, физически развитым воином. Он прекрасно усвоил систему основных нормативов и принципов, которыми должен руководствоваться каждый государь в своей жизни. Важнейшие среди них – умение повиноваться старшим и властям и способность самому повелевать. Но Кир – не просто первый среди равных – он в силу божественной природы призван стать творцом нового порядка и нового, идеально устроенного государства [389, с. 116; 572].

В «Киропедии» Ксенофонт представляет основные качества и добродетели, необходимые правителю: он должен почитать богов, быть справедливым, честным, храбрым и владеющим собой; силой личного примера должен воздействовать на своих подданных, побуждая их к добродетельной жизни, награждая заслуги и карая проступки. Подданные такого правителя поистине счастливы; они подчиняются ему добровольно, он для них – отец и вдохновитель [284].

В «Киропедии» также предложен комплекс наиболее значимых идей, поднимающих греческую элиту на конкретные политические действия и ратные подвиги. Это проблема идеального государства, призванного служить интересам данной элиты, тема идеального политического деятеля, правителя, способного создавать и развивать такие государства, проблема целенаправленного и постоянного воспитания, способного сформировать идеальную личность – правителя, человека и гражданина.

В своих исследованиях Ксенофонт впервые и даже несколько демонстративно конкретизирует, персонифицирует образ правителя. Его Кир – это синтезированный и идеализированный образ современных и импонирующих автору политических лидеров, «сильных личностей» [556, с. 206–207].

В то же время целый ряд мыслителей Древней Греции отождествляли правителей с тиранами и организовывали борьбу против них. Тиранами тогда чаще всего называли властителей насильственного типа, правителей, захвативших власть незаконным, насильственным путем. В литературе того времени стало развиваться представление о тирании как о наихудшей форме власти, вследствие чего слово «тиран» окончательно приобрело тот одиозный смысл, который вкладывается в него в настоящее время. Наиболее емкая и обширная критика тирании содержится в «Истории» Геродота, «Политике», «Афинской политике» Аристотеля и «Истории» Фукидида [21; 22; 117].

Известный древнегреческий историк, автор первого исторического трактата «История», своеобразный и весьма оригинальный мыслитель *Геродот*, которого Цицерон назвал «отцом истории», резко критиковал тиранию. По своим политическим симпатиям Геродот – сторонник афинской демократии эпохи Перикла. В молодые годы он активно включался в борьбу с третьим галикарнасским тираном, внуком Артемисии Лигдамидом.

Идеал Геродота – политический строй, основными принципами которого являются равенство всех граждан перед законом и предоставление им всем права участия в государственных делах. Этот политический строй Геродот противопоставляет тирании.

Отражая общие настроения греков, Геродот резко осуждал личностный характер власти тиранов. Даже благородный человек, по его мнению, не способен устоять перед богатством и роскошью и, опьяненный властью, начинает править по собственному усмотрению, нарушая законы и осуществляя насилие над людьми. Он постепенно из честного, благородного правителя под влиянием объективных обстоятельств превращается в тирана.

Концепции формирования политических лидеров античного мира нашли завершенность в трудах *Платона*. Платон, как и многие другие дети из аристократических семей, получил хорошее образование. В юности он хотел стать политиком, увлекался литературой, слушал последователя Гераклита философа Кратила. В молодости попал под влияние Сократа и перестал мечтать о политической карьере, однако не потерял интерес к политике.

Казнь учителя в 399 г. до н. э. лишила Платона иллюзий относительно справедливости афинской политической системы. Платон уехал из Афин и путешествовал по Южной Италии, Сицилии, Египту. После возвращения в Афины он организовал собственную школу – Академию и, стремясь продолжить дело Сократа, посвятил жизнь философии.

С именем Платона связано возникновение политической философии и создание теории идеального государства. Политико-правовым и нравственным проблемам его формирования и функционирования посвящены основные работы Платона – «Государство», «Законы», «Политик» [445].

Главная цель идеального государства, по Платону, – это добродетель, забота о благополучии государства и его граждан, их моральном развитии и совершенствовании, стремление так устроить общую жизнь людей, чтобы все были счастливы. Он был убежден, что «надо устранить «богатство и бедность. Одно ведет к роскоши, лени, новшествам, другая, кроме новшеств, – к низостям и злодеяниям» [445, с. 170].

Даже в идеальных государствах, считал Платон, «необходимо, чтобы были правители и подчиненные. Но на каких основаниях одни должны править, а другие подчиняться в больших государствах и малых семьях?» [445, с. 450]. Он же отвечает на этот вопрос: «Но главным требованием является, по-видимому... чтобы несведущий следовал за руководством разумного и был под его властью» [445, с. 450].

Управление государством, по мнению Платона, – это дело грамотных и умных людей. Оно должно базироваться прежде всего на разуме. «Невежественным гражданам нельзя поручать ничего относящегося к власти; их должно поносить как невежд, даже если они и горазды рассуждать и наловчились во всевозможных душевных тонкостях и извивах. Людей же противоположного склада должно называть мудрыми, даже если они, как говорят, ни читать, ни плавать не умеют; как людям разумным, им надо поручать управление» [445, с. 84]. Он подчеркивал, что для управления государством не годятся «как люди непросвещенные и не сведущие в истине, так и те, кому всю жизнь предоставлено заниматься самоусовершенствованием, – первые потому, что в их жизни нет единой цели, стремясь к которой они должны были бы действовать, что бы они ни совершали в частной или общественной жизни, а вторые потому, что по доброй воле они не станут действовать, полагая, что уже при жизни переселились на Острова блаженных» [445, с. 273].

Задача любого правителя – делать добро своим подданным. «И всякий, кто чем-либо управляет, – утверждал Платон, – никогда, поскольку он управитель, не имеет в виду и не предписывает того, что пригодно ему самому, но только то, что пригодно его подчиненному, для которого он и творит. Что бы он ни говорил и что бы ни делал, всегда он смотрит, что пригодно подчиненному и что тому подходит» [445, с. 449–450]. Он подчеркивал, что идеальный правитель «никогда не действует и не повелевает ради собственного блага, но повелевает только ради высшего блага для своих подчиненных [445, с. 88]. Поэтому во главе идеального государства должны находиться умные и грамотные цари, лидеры, философы, «правители в самом точном смысле этого слова» [445, с. 82]. Чтобы воплотить этот идеал в жизнь, Платон потратил много лет, пытаясь превратить тиранов Дионисия Старшего и его сына Дионисия Младшего в мудрых правителей. Причем, по мнению Платона, «действительно настоящий правитель ошибок не совершает, он безошибочно устанавливает то, что для него всего лучше, и это должны выполнять те, кто ему подвластен» [445, с. 82].

Кто же он идеальный правитель, царь – «божественный *пастырь*» [445, с. 740]. Мыслитель создал четыре модели правителя – пастуха, пасущего стадо, правителя-врача, правителя-кормчего, правителя-ткача, однако он не считает их идеальными. «Образ божественного пастыря слишком велик в сравнении с царем, нынешние же политики больше напоминают по своей природе, также образованию и воспитанию подвластных, чем властителей» [445, с. 740], – подчеркивал мыслитель.

Платон начинает типологию правителей с модели «пастуха человеческого стада». «Ему одному только и пристало, по образцу пастухов и волопасов, иметь попечение о выращивании человеческого стада и носить соответствующее этому имя» [445, с. 740], – отмечает мыслитель. Однако он не считал пастуха идеальным правителем, «потому что ты думаешь, будто пастухи либо волопасы заботятся о благе овец или волов, когда откармливают их и холят, и что делают они это с какой-то иной целью, а не ради блага владельцев и своего собственного. Ты полагаешь, будто и в государствах правители – те, которые по-настоящему правят, – относятся к своим подданным как-то иначе, чем пастухи к овцам, и будто они днем и ночью только и думают о чем-то ином, а не о том, откуда бы извлечь для себя пользу... Подданные осуществляют то, что пригодно правителю, так как в его руках сила. Вследствие их исполнительности он благоденствует, а сами они – ничуть» [445, с. 84–85].

Правитель-врач ценен Платону за знания способов врачевания больного. Мыслитель допускал насилие во благо исцеления пациентов. «Ведь врачей мы почитаем врачами независимо от того, лечат ли они нас по нашему согласию или против нашей воли, когда они делают нам разрезы, прижигания или, пользуя нас, причиняют другую какую-то боль, действуют согласно установлениям или помимо них и богаты ли они или бедны, – пока они руководствуются искусством, очищая или как-то по-иному ослабляя либо, наоборот, укрепляя наше тело, – лишь бы врачеватели действовали на благо наших тел, превращали их из слабых в более крепкие и тем самым всегда спасали врачуемых. Именно таким образом, а не иным мы дадим правильное определение власти врача, как и всякой другой власти. Из государственных устройств то необходимо будет единственно правильным, в котором можно будет обнаружить истинно знающих правителей, а не правителей, которые лишь кажутся таковыми; и будет уже неважно, правят ли они по законам или без них, согласно доброй воле или против нее, бедны они или богаты: принимать это в расчет никогда и ни в коем случае не будет правильным» [445, с. 759]. Правители-врачи полезны для отсекаания всего вредного и заразного в общественном организме, для вырезания тех «сот с медом», на которых плодятся и кормятся «трутни с жалом» или «без жала». Однако «давайте представим себе все, что мы терпим из-за врачей величайшие страдания. Кого из нас они хотят сберечь, того каждый из них оберегает, но уж кого хотят погубить, того они всячески губят – и разрезами, и прижиганиями, да еще велют расходоваться на них, налагая род некой дани, из которой на больного идет очень мало либо совсем ничего, всем же остальным пользуется сам врач и его слуги. Кончается тем, что врач, приняв в уплату деньги от родственников больного или от его врагов, просто его убивает» [445, с. 765].

Тип правителя-кормчего также имеет в исследованиях Платона существенную ценность. Мыслитель убежден, что искусное мореплавание допускает только одного кормчего, одну пару умелых рук на штурвале и не может быть отдано на откуп бушующей толпы. «Подобно тому, как кормчий постоянно блюдет пользу судна и моряков, подчиняясь не писанным установлениям, но искусству, которое для него закон, и так сохраняет жизнь товарищам по плаванию, точно таким же образом заботами умелых правителей соблюдается правильный государственный строй, потому что сила искусства ставится выше законов. И пока руководствующиеся разумом правители во всех делах соблюдают одно великое правило, они не допускают погрешностей: правило же это состоит в том, чтобы, умно и искусно уделяя всем в государстве самую справедливую долю, уметь обереечь всех граждан и по возможности сделать их из худших лучшими» [445, с. 763–764]. Однако сомнения по поводу идеального правителя-кормчего у Платона остаются: «Они, следуя чьему-то злему умыслу, покидают людей на пустынных морских берегах, а также подстраивают так, что люди падают за борт в море, и строят другие козни» [445, с. 765].

Особенно интересен в изображении Платона образ правителя-ткача. Эффективное управление государством – это «целиком и полностью дело царского ткачества» [445, с. 779].

Это сложное, тонкое и кропотливое дело. Во-первых, отмечает Платон, «царское искусство прямым плетением соединяет нравы мужественных и благоразумных людей, объединяя их жизнь единомыслием и дружбой и создавая таким образом великолепнейшую и пышнейшую из тканей. Ткань эта обвивает всех остальных людей в государствах – свободных и рабов, держит их в своих узах и правит и распоряжается государством, никогда не упуская из виду ничего, что может сделать его, насколько это подобает, счастливым» [445, с. 780]. Во-вторых, «в тех связях нет ничего невозможного, если только оба рода будут иметь одну заботу – о совершенстве. Это-то и есть целиком и полностью дело царского ткачества: оно ни в коем случае не должно допускать, чтобы рассудительные характеры отдалялись от мужественных, но должно сплести их вместе единомыслием и почестями, бесчестьем и славой, а также взаимной выдачей обязательств и, изготовляя, таким образом, мягкую и, как принято говорить, ладно сотканную ткань, всегда предоставлять государственные должности обоим этим родам совместно» [445, с. 780].

Платон в своих работах особое внимание уделяет еще одному типу эллинов, которые также стремятся стать правителями, но не имеют для этого необходимых личностных качеств и соответствующих добродетелей. Философ в работе «Государство» интересно и достаточно продуктивно строит социологическую модель «трутней, имеющих жало». Это особый тип «людей, праздных и расточительных, под предводительством отчаянных смельчаков, за которыми тянутся и не столь смелые, мы их уподобили трутням, часть которых имеет жало, а часть его лишена» [445, с. 321]. За редкими исключениями, они «чуть ли не стоят во главе: самые ядовитые из трутней произносят речи и действуют, а остальные усаживаются поближе к помосту, жужжат и не допускают, чтобы кто-нибудь говорил иначе» [445, с. 323]. «И хорошему врачу, и государственному законодателю надо заранее принимать против них меры не менее, чем опытному пчеловоду, главным образом, чтобы не допустить зарождения трутней, но, если уж они появятся, надо вырезать вместе с ними и соты» [445, с. 321].

Решение большого количества проблем Платон видел в создании идеального государства, которое, по его мнению, должно обладать четырьмя главными доблестями: мудростью, мужеством, сдерживающей мерой и справедливостью. Мудрость – это прерогатива правителей-философов. Под мудростью Платон понимал высшее знание или способность дать добрый совет правителям. Мудрость – это доблесть, принадлежащая не множеству ремесленников, а немногим – философам.

Для Платона важно, чтобы в идеальном государстве были правители, способные защищать своих подданных, свои взгляды и идеи. «И мужественным, думаю я, мы назовем каждого отдельного человека именно в той мере, в какой его яростный дух и в горе, и в удовольствиях соблюдает указания рассудка насчет того, что опасно, а что неопасно» [445, с. 194], – отмечал мыслитель.

Сдерживающая мера – это качество, принадлежащее всем членам наилучшего государства. Именно сдерживающая мера приводит к гармоничному согласованию как взглядов потребностей различных сословий идеального государства.

Четвертая доблесть идеального государства – справедливость. Как утверждал Платон, «справедливость, считаем мы, бывает свойственна отдельному человеку, но бывает, что и целому государству» [445, с. 111]. Он утверждал, что «справедливость – это добродетель и мудрость, а несправедливость – порочность и невежество» [445, с. 93], «справедливые люди мудрее, лучше и способнее к действию» [445, с. 95].

Государство, по мнению мыслителя, достигнет благополучия лишь тогда, когда философы придут к власти или же цари захотят стать философами. Платон подчеркивал, что некоторых противников идеального государства «все еще приводят в ярость наши слова, что ни для государства, ни для граждан не будет конца несчастьям, пока владыкой государства не

станет племя философов или пока не осуществится на деле тот государственный строй, который мы словесно обрисовали [445, с. 256]. «Раз философы – это люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе, а другие этого не могут и застревают на месте, блуждая среди множества разнообразных вещей, и потому они уже не философы, то спрашивается, кому из них следует руководить государством?» [445, с. 237]. Философы – это прекрасно образованные, располагающие для правления государством необходимыми личностными качествами и опытом люди, которые понимают, что есть разумное и нравственное общее благо. Причем философы должны обладать настоящими знаниями и чувством заботы о благополучии и справедливости, руководствоваться разумно понятыми интересами общества. Но для решения проблем государства правители должны быть не мнимыми, а истинными философами. Под ними Платон понимал тех, которые «любят созерцать истину» [445, с. 238]. Именно к ним относятся его знаменитые слова: «Пока в городах, – утверждал мыслитель, – не будут либо царствовать философы либо искренно и удовлетворительно философствовать нынешние цари и властители, пока государственная сила и философия не совпадут в одно... до тех пор ни для государств, ни даже, полагаю, для человеческого рода нет конца злу» [445, с. 243].

Кроме того, в работе «Государство» Платон подчеркивал, что философы – это умные люди, «природа философа отличается соразмерностью и врожденной тонкостью ума» [445, с. 240]. Они должны иметь в своем характере такие качества, как «правдивость, решительное неприятие какой бы то ни было лжи, ненависть к ней и любовь к истине» [445, с. 238].

Философ-правитель идеального государства должен быть «человеком, памятьным от природы, способным к познанию, великодушным, тонким и к тому же другом и сородичем истины, справедливости, мужества и рассудительности» [445, с. 240]. «А хоровод остальных свойств человека, обладающего философским складом? Впрочем, к чему сызнова его строить – ты ведь помнишь, что в него должны входить мужество, великодушие, понятливость, память» [445, с. 239].

Трудно быть философом. Те, «кто занимается философией, неизбежно будут вызывать порицание толпы» [445, с. 248]. Губят душу и отвлекает ее от философии, – считал философ, – «все так называемые блага: красота, богатство, телесная сила, влиятельное родство в государстве и все, что с этим связано» [445, с. 245]. «Когда, таким образом, от философии отпадают те люди, которым всего больше надлежит ею заниматься, она остается одинокой и незавершенной, а сами они ведут жизнь и неподобающую, и неистинную. К философии же, раз она осиротела и лишилась тех, кто ей сродни, приступают уже другие лица, вовсе ее не достойные. Они позорят ее и навлекают на нее упрек в том, за что как раз и порицают ее, по твоим словам, ее хулители, говоря, будто с ней имеют дело люди либо ничего не стоящие, либо же в большинстве своем заслуживающие всего самого худшего» [445, с. 250].

Подбор будущих правителей – сложное дело. Важно не ошибиться. От этого зависит судьба государства и многих людей. Платон писал, что «касается рассудительности, мужества, великодушия, а также всех других частей добродетели, надо не меньше наблюдать, кто проявляет благородство, а кто – подлость. Не умеющий это различать – будь то частное лицо или государство, – сам того не замечая, привлечет для тех или иных надобностей – в качестве друзей ли или правителей – людей, хромающих на одну ногу и подлых. Если мы подберем людей здоровых телом и духом и воспитаем их на возвышенных знаниях и усиленных упражнениях, то самой справедливости не в чем будет нас упрекнуть и мы сохраним в целостности и государство, и его строй; а если мы возьмем не подходящих для этого людей, то все у нас выйдет наоборот и еще больше насмешек обрушится на философию» [445, с. 291].

Тем более, что «мы – основатели государства, – подчеркивал мыслитель, – нашим делом будет заставлять лучшие натуры учиться тому познанию, которое мы раньше назвали самым высоким, т. е. уменью видеть благо и совершать к нему восхождение» [445, с. 273].

Положение человека в обществе, по мнению философа, должны определять не его социальное происхождение, не имущественное состояние, не знатность, связи или деньги, а его способности, высокие личностные качества, развитые образованием и воспитанием [445, с. 173].

Выдвинул Платон и идею о селекции «лучших граждан» для идеального государства. По словам философа, «лучшие мужчины должны большей частью соединяться с лучшими женщинами, а худшие, напротив, с самыми худшими» [445, с. 459]. Потомство лучших следует воспитывать, а детей худших оставлять безо всякой опеки, ибо «наше небольшое стадо должно быть самым отборным» [445, с. 459].

Платон основывал право философов на лидерство тем, что философы, которые созерцают нечто стройное и вечно тождественное, не творящее несправедливости и от нее не страдающее, полное порядка и смысла, сами, подражая этому, внесут то, что они находят в мире идеального бытия в частный общественный быт людей, сделают человеческие нравы угодными Богу. Лидеры, как утверждал Платон, являются настоящими творцами истории. Он был убежден, что достаточно появиться одному такому лицу, имеющему в своем подчинении государство, и человек этот совершит все то, чему теперь не верят [445].

Проект идеального государства Платона – достаточно интересный, однако фантастический и совершенно не реальный. Чтобы оградить философов от всяких низменных страстей, связанных с обладанием собственностью, Платон настаивал на ее полной ликвидации для данной социальной группы. Для воинов и философов отменяется моногамный брак, вводится общность жен. Функцию воспитания детей полностью берет на себя государство. У стражей не должно быть ни собственных домов, ни земли, ни вообще никакого имущества. Воинам запрещалось не только пользоваться, но даже прикасаться к золоту или серебру. Поэтому очень странным выглядит утверждение Александра Данилова: «Идеальный проект государства, изображенный Платоном, – это очень серьезная попытка гармонизировать развитие человечества. При всей условности иных подходов замысел характеризует высокий реализм мышления» [145, с. 15]. Общность жен, селекция по биологическим признакам – это, по мнению А. Данилова, очень реальный и на редкость гармоничный проект.

И все же основные работы Платона известны во всем мире. Они стали началом формирования теории, в которой разрабатывались представления о политико-организационных и конституционно-правовых формах обеспечения «идеального» общественного устройства, важнейшая роль в которых, по мнению философов, принадлежала политическим лидерам. По этой причине проблема «идеального правителя» в их трудах занимала одно из центральных мест [533].

Другой выдающийся мыслитель *Аристотель* восемнадцатилетним юношей отправился в Афины и начал обучение в Академии Платона, которую покинул после смерти наставника. Оставив Академию, он уехал в Македонию и стал учителем будущего великого полководца Александра Македонского. Аристотель написал большое количество трудов, признанных во всем мире. В дошедших до нашего времени известных произведениях «Политика», «Афинская политика», «Никомахова этика», «Большая этика» он исследовал важнейшие политико-правовые проблемы [21; 22]. Социально-политические взгляды Аристотеля подробно изложены в работе «Политика». В ней Аристотель рассматривал государство как форму общежития граждан, а политическое устройство как порядок, который лежит в основе распределения государственной власти. Он неоднократно подчеркивал, что «человек по природе своей есть животное политическое» [22, с. 378], в силу чего даже те люди, которые несколько не нуждаются во взаимопомощи, стремятся к совместному проживанию. Государство создается не ради того, чтобы жить, но преимущественно для того, чтобы жить счастливо... Человек несет в себе инстинктивное стремление к совместной жизни. Врожденное неравенство способностей – причина объединения людей в группы, отсюда же раз-

личие функций и места людей в обществе [21; 22]. Назначение человека – в общении, а реализовать его он может в трех основных формах: семье, общине, государстве. При этом государство – высшая форма общения. Аристотель подверг критике учение Платона вообще и учение об идеальном государстве в частности. Он считал, что предлагаемая Платоном общность имущества, жен и детей ведет к уничтожению государства. Аристотель выступал убежденным защитником общества, частной собственности и моногамной семьи. Он полагал, что только в обществе человек становится человеком и что только человек может жить в обществе, так как вне его живут только боги или звери. Человек вне государства, считал Аристотель, «либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» [22, с. 378]. Частная собственность, по его мнению, содержится в природе человека, его любви к самому себе. Причем Аристотель считал, что частная собственность имеет преимущество перед общественной. Однако на основании целого ряда размышлений он сделал вывод, что распределение материальных благ должно быть в известном отношении общим: «лучше, чтобы собственность была частной, а пользование ею – общим» [22, с. 400].

Решению многочисленных проблем, возникающих в обществе, помогает политика. Политика представляет собой человеческое общение, это публичное пространство, пространство свободы, расположенное между людьми и располагающее их к отношениям друг с другом. Политика, по мнению Аристотеля, есть «исследование человеческого общения в наиболее совершенной его форме, дающей людям полную возможность жить согласно их стремлениям» [22, с. 403].

В своем главном труде «Политика» Аристотель подчеркивал, что участие в политике для настоящего государственного мужа (*politikos*) (лидера) – это высшая форма проявления человеческого достоинства. Он был уверен, что во главе государства должны находиться мудрые философы – законодатели, благородные люди, отцы – основатели государства, политическое искусство которых заключается в поиске равновесия между крайностями, где особую роль играют нравственные законы, добродетель и мудрость.

Эффективность лидерства или искусства политического управления, – писал Аристотель в работе «Никомахова этика», – обусловлено особыми личностными параметрами и характеристиками. Такими лидерскими чертами античный мыслитель считал ум и добродетельность, мужество и гуманность, неподкупность и справедливость, наличие опыта и рассудительность [21]. Важно, чтобы настоящие государственные мужи (*politikos*) обладали известными чертами, но «поступки, совершаемые сообразно добродетели, не тогда правосудны или благоразумны, когда они обладают этими качествами, но когда [само] совершение этих поступков имеет известное качество – во-первых, оно сознательно (*eidos*), во-вторых, избрано преднамеренно (*proairoumenos*) и ради самого [поступка] и, в-третьих, оно уверенно и устойчиво» [21, с. 83].

Великий мыслитель в своих исследованиях особое внимание уделил такому важному качеству античного человека и политика, как добродетель. В его работах мораль и добродетель, проявляемые не только на поле боя, но и в жизни в целом, являются важными факторами человеческого общества. По Аристотелю, добродетель – есть мера человечности, осуществление человеческого назначения, пространство человеческого развития, совершенная деятельность души индивида [21, с. 81–83]. Это специфическое человеческое качество, которого лишены животные и боги. Животные ниже добродетелей, боги выше их.

«Добродетель, – неоднократно подчеркивал мыслитель, – это способность поступать наилучшим образом во всем, что касается удовольствий и страданий, а порочность – это ее противоположность» [21, с. 81]. Причем «добродетели существуют в нас не от природы и не вопреки природе» [21, с. 76], они зависят от правильных суждений и имеют своим предметом природные склонности. Вопрос о добродетели как совершенной деятельности души постепенно переходит в вопрос о совершенных отношениях между людьми. Добродетель

разворачивается в отношениях граждан друг к другу, в пространстве между ними и способствует внутреннему порядку и счастливой жизни. Установленных правил нет в поступках и действиях. Добродетельность человека заменяет такие правила.

Государственный муж (politikos) как настоящий лидер должен обладать набором определенных добродетелей. Аристотель пишет, что, так как «в душе бывают три [вещи] – страсти, способности и устои, то добродетель, видимо, соотносится с одной из этих трех вещей. Страстями, или переживаниями, я называю влечение, гнев, страх, отвагу, злобу, радость, любовь (philia), ненависть, тоску, зависть, жалость – вообще [все], чему сопутствуют удовольствия или страдания. Способности – это то, благодаря чему мы считаемся подвластными этим страстям, благодаря чему нас можно, например, разгневать, заставить страдать или разжалобить. Нравственные устои, [или склад души], – это то, в силу чего мы хорошо или дурно владеем [своими] страстями, например гневом: если [гневаемся] бурно или вяло, то владеем дурно, если держимся середины, то хорошо. Точно так и со всеми остальными страстями» [21, с. 84].

Добродетельным лидером или государственным мужем (politikos), по мнению Аристотеля, «является тот, кто, во-первых, делает то, что правильно, и, во-вторых, избегает крайностей. Например, мужество (andreia) – это обладание серединой между страхом (phobos) и отвагой (tharrhe); названия для тех, у кого избыток бесстрашия (aphobia), нет (как и вообще многое не имеет имени), а кто излишне отважен – смельчак (thrasys) и кто излишне страшится и недостаточно отважен – трус (deilos)» [21, с. 88]. Нравственная добродетель состоит в обладании серединой и в каком смысле, и что это обладание серединой между двумя пороками, один из которых состоит в избытке, а другой – в недостатке, и что добродетель такова из-за достижения середины как в страстях, так и в поступках, – обо всем этом сказано достаточно [21, с. 88].

Вместе с тем встают вопросы: как найти необходимую середину для каждого из правителей? «Или, что то же самое, – спрашивает Аристотель, – как найти правильную меру наших чувств и действий? Для этого необходимо либо обладать практической мудростью, рассудительностью (phronesis), либо следовать примеру или наставлениям добродетельного человека [21, с. 176–177]. Практичность, рассудительность позволяют ориентироваться в обстановке и делать правильный выбор для достижения нравственной цели (блага): добродетель создает правильную цель, а рассудительность – средства к ней [21, с. 187–188].

В третьей книге «Никомахова этика» Аристотель характеризует пять разновидностей мужества, которыми должны обладать граждане, и прежде всего государственные мужи (politikos). Он дает определение понятию «мужество» – «это обладание серединой между страхом и отвагой. А страх мы испытываем, очевидно, потому, что нечто страшное [угрожает нам], а это, вообще говоря, зло. Именно поэтому страх определяют как ожидание зла. Конечно, мы страшимся всяких зол, например бесславия, бедности, неприязни, смерти, но мужественным человек считается применительно не ко всем этим вещам, ибо иного следует страшиться, и, если страшатся, скажем, бесславия, это прекрасно, а если нет, то постыдно, и, кто этого страшится, тот добрый и стыдливый, а кто не страшится – беззастенчивый. Некоторые называют последнего «мужественным» в переносном смысле, потому что он обладает чем-то похожим на мужество, ведь мужественный в каком-то смысле тоже бесстрашен. Наверное, не следует страшиться – ни бедности, ни болезней, ни вообще того, что бывает не от порочности и не зависит от самого человека. Но бесстрашие в этом – [еще] не мужество» [21, с. 108].

К первому виду мужества мыслитель относил гражданское мужество, которое «больше всего походит на собственно мужество» [21, с. 111], так как «оно происходит от добродетели, а именно: от стыда, от стремления к прекрасному, т. е. к чести...» [21, с. 108]. Если граждане проявляют смелость «по принуждению начальников», то их мужество не является

подлинным. Оно по степени ниже, так как граждане «поступают так не от стыда, а от страха, избегая не позора, а страдания...» [21, с. 112].

Аристотель достаточно подробно проанализировал сущность остальных разновидностей мужества, а именно мужества опытных (военное мужество), мужества яростных, мужества самонадеянных и мужества не знающих страха. Определяя мужество в отношении к страданию, боли и удовольствию, Аристотель назвал мужественным того, кто стойко переносит страдания: данное мужество «сопряжено со страданиями, и ему по праву воздают хвалу; в самом деле переносить страдания тяжелей, чем воздерживаться от удовольствий» [21, с. 113].

По мнению Аристотеля, каждый правитель должен ставить благо сообщества в целом выше своего личного. Из двенадцати нравственных добродетелей, названных Аристотелем, для лидера особенно важны «мужество» (золотая середина между безрассудной отвагой и трусостью), «благоразумие» (середина между распущенностью и тем, что можно было бы назвать бесчувственностью), «достоинство» (середина между спесью, или амбициями, и приниженностью) и «правдивость» (середина между хвастовством и недосказанностью) [21].

Аристотель впервые в античной литературе поставил проблему возможности целенаправленного формирования личностных качеств граждан вообще, добродетели в частности. Причем личностные характеристики формируются не только и не столько лично индивидом как разумным существом, а как государством на основе законов, норм и положений, вытекающих из разума и системы воспитания [21]. Полис формирует добродетель как важнейшее качество гражданина на основе внутренней природы и направленности к счастливой жизни, достижению которой способствуют знания и наука [21].

Таким образом, можно утверждать, что, согласно учению Аристотеля, общими чертами идеального правителя (*politikos*) являются высокие нравственные качества, идеалы и нормы, которые можно целенаправленно формировать; гражданские и человеческие добродетели, активная политическая деятельность на благо государства; умение подчиняться обществу, способность управлять своими согражданами на благо государства и общества.

Древнегреческий философ и политик *Плутарх* продолжил традицию Платона и Аристотеля, создавая идеальные образы творцов истории – героев и правителей, монархов и полководцев. По его мнению, история живет в лидерах, нравственные образцы которых остаются примером на все времена. Плутарх своих героев, их поступки расценивал прежде всего с моральной стороны. В работе «Сравнительные жизнеописания» Плутарх показывал жизнь героев и правителей государств, чей путь может быть нравственным примером для будущих поколений. Так, рассказывая об афинском Солоне, он пишет, что тот «шел впереди, а не его вели другие; он действовал один и большинство важнейших своих начинаний произвел без помощи других» [451]. Только восхищение вызывает в изложении Плутарха политическая карьера Цицерона, мудрость Перикла или храбрость Александра Македонского. Вот что писал Плутарх о предводителе гладиаторов Спартаке: «Фракиец, происходивший из племени медов, – человек, не только отличавшийся выдающейся отвагой и физической силой, но по уму и мягкости характера стоявший выше своего положения и вообще более походивший на эллина, чем можно было ожидать от человека его племени» [451].

По мере развития демократии в Древней Греции возникает принципиально новая модель политического лидерства, а вместе с ней и политического влияния. В стране появились новые органы целенаправленного воздействия на государственные дела – народные собрания, коллегии стратегов, гелиэя – высший судебный орган государства, суды различных инстанций, в работе которых стремились принимать участие все более или менее уважаемые и амбициозные политики. Верховным органом власти в Афинах стало народное собрание. Оно собиралось сначала десять, а позднее сорок раз в год. При особых обстоя-

тельствах (неожиданное нападение врага, стихийное бедствие) могло быть созвано чрезвычайное «собрание ужаса и смятения». Компетенции народного собрания были обширными. Демократически ориентированные и харизматические политики получали популярность и известность прежде всего как члены народного собрания и искусные ораторы. Личностные качества и характеристики становятся неременным условием политического лидерства. Чтобы быть эффективным членом народного собрания, необходимо иметь такие личностные качества, как ораторское искусство и умение добиваться желаемых результатов. Именно так начинается карьера многих политиков, которые впоследствии стали лидерами Афин.

Уже в VI в. до н. э. демос – свободные граждане, имеющие гражданские права, но не принадлежащие к аристократии, – был настолько политически активен, что на политической арене сформировался совершенно новый тип политического лидера – простат демоса, возглавляющий партию демократической ориентации и имеющий самые широкие полномочия. Одним из наиболее известных простатов, по мнению многих исследователей, был афинский правитель Писистрат, который опирался на широкую поддержку беднейшей части афинского крестьянства, проживающего в гористых районах Аттики. Умный и красноречивый политик, он стал предводителем демократической части общества, победил аристократов, захватил Акрополь, а вместе с ним и верховную власть в Афинах и стал тираном [140; 518]. Причем дефиниция «тиран» вначале была лишена того отрицательного смысла, который приобрела к настоящему времени. Тираном назывался единоличный правитель, пришедший к власти не легитимным путем. Тираны в Афинах противопоставлялись древним монархам – басилеям, правившим на основании наследственного права или всенародного избрания. Часто в качестве тирана выступал представитель аристократической элиты, выражавший интересы демоса. Олигархи, являющиеся наиболее организованной и вместе с тем самой влиятельной и богатой частью греческого общества, представляли наибольшую опасность для единоличной власти тирана. В Древней Греции тиран Писистрат многое сделал для усиления влияния демоса и ограничения роли аристократии.

У тирана Писистрата, как утверждают некоторые исследователи, были качества, присущие настоящим лидерам: мужество и отвага, харизма победителя и властителя, жажда и умение властвовать, хватка и упорство, стойкость и чувство чести. Ему были присущи великодушные и основательность, ирония и самоирония, ответственность по отношению как к сообществу в целом, так и к составляющим его отдельным людям, мягкость и милосердие по отношению к побежденным, кодекс чести и этики, что делало его привлекательным в глазах демоса [139; 140; 518; 519].

В условиях формирования афинской демократии появились свои лидеры и у аристократических элит, предпочитавших действовать через гетерии – союзы знатных людей, созданные прежде всего для реализации политических задач. Только объединившись, они могли рассчитывать на какие-то существенные политические результаты и защиту от притязаний демоса. Отсутствие политического лидера, который играл в гетериях роль системообразующего, основополагающего начала, приводило к распылению сил аристократии, что в конечном счете вело к потере ее доминирующих позиций в афинском обществе. Особенно отчетливо это проявилось после реализации *реформ Клисфена*, которые ликвидировали в Афинах основы родового строя, уничтожили традиционные политические и религиозные отношения, существенно изменили положение афинской аристократии. Разрушив традиционные связи между аристократией, реформы создали существенные трудности для возрождения и консолидации высшего слоя афинского общества.

Для того чтобы предотвратить попытки аристократии реставрировать старые порядки, народные собрания получили право особой процедуры, получившей название *остракизма*. Ежегодно созывалось народное собрание, определявшее голосованием, кто из сограждан является наиболее опасным для афинского государства. Если такие лица назывались, собра-

ние созывалось вторично и каждый его член писал на глиняном черепке – остраконе имя того человека, кто, по его мнению, был особо опасен для общества. Осужденный большинством голосов удалялся из Афин на 10 лет. Остракизм, являющийся важным инструментом политического контроля, был направлен вначале против родовой аристократии, затем активно использовался в борьбе между различными политическими партиями и группировками.

Политическим лидером аристократии в таких сложных условиях мог стать прежде всего глава или наиболее известный представитель аристократического семейства, древнего и влиятельного рода, имеющий определенные личностные качества и способный в наиболее трудные минуты защитить интересы клана. Именно такой человек мог создать и возглавить влиятельную политическую группу или партию. Так было с Фукидидом, сыном Мелесия, который, как пишет российский историк Игорь Суриков, «в молодости был известным атлетом-борцом. Занявшись политической деятельностью, он не блистал полководческим искусством, но зато проявил себя как неплохой оратор, а главное – как деятельный организатор, поставивший задачу сплотить разрозненных недоброжелателей Перикла» [519, с. 128]. Фукидид сплотил вокруг себя аристократическую группировку – гетерию и возглавил афинскую аристократию. Плутарх рассказывает об этом так: «Оставаясь в городе и ведя борьбу с Периклом, он (Фукидид) скоро восстановил равновесие между приверженцами различных взглядов. Он не позволил так называемым прекрасным и доблестным (т. е. аристократам) рассеиваться и смешиваться с народом, как прежде, когда блеск их значения затмевался толпою; он отделил их, собрал в одно место; их общая сила приобрела значительный вес и склонила чашу весов» [цит. по: 519, с. 128–129].

С середины IV в. до н. э. важнейшую роль в Элладе стало играть Македонское государство, образовавшееся на севере Балканского полуострова. На протяжении третьей четверти IV в. до н. э. Македония постепенно, то военным путем, то военно-политическим давлением (то используя сложные внутренние отношения среди греческих городов-государств) подчинила себе практически все полисы тогдашней Греции. В 338 г. до н. э. после победы над войсками коалиции Эллады при Херонее была признана политическая гегемония Македонии. В 331 г. до н. э. последней Македонии подчинилась Спарта.

Однако к началу II в. до н. э. кризисные явления в некогда сильном Македонском государстве сделали его легкой добычей Рима. Немногим более полувека спустя Рим распространил свою гегемонию и на всю Грецию. В 146 г. до н. э. римляне взяли Коринф, последний город в Элладе, поднявший восстание против римского владычества, и, разрушив его, всех жителей обратили в рабство. Эллада была превращена в римскую провинцию. Но вскоре все проблемы Эллады стали проблемами Рима. С конца II в. до н. э. Римская республика вступила в исторический период общественно-политических кризисов и военных конфликтов. Борьба за землю, которую постоянно вели беднейшие слои римской общины, приняла формы открытого конфликта плебейских магистратур с патрицианским Сенатом. Итогом нараставших социально-политических противоречий стало разделение римского полиса на партии оптиматов, выражавших интересы богатых и аристократических республиканских слоев, и популяров, объединивших недовольных членов римского общества из плебеев, новых легионеров и офицеров. В это время начинается состязание «сильных личностей» – начиная от братьев Гракхов до создателя системы принципата Октавиана Августа.

Утрата морально-нравственных ценностей, смена элит, борьба за политическую власть привели к отходу от традиционной системы управления государством и переходу к единоличному правлению. В связи с этим перед мыслителями встал серьезный вопрос, связанный с тем, как сохранить прежнюю сенатскую республику с гармонией трех системообразующих элементов: сената (аристократического элемента), консулов (монархического элемента) и комиций (народного элемента). Второй составляющей данной проблемы стало выявление и формирование личностных качеств политического субъекта, способного реализовать дан-

ную модель. В этой социально-политической ситуации государству и обществу потребовалось учение об идеальном гражданине, идеальном государственном устройстве и идеальном политическом лидере. Политическая мысль Рима начала его активно разрабатывать.

Римский исследователь *Гай Светоний Транквилл* попытался всю историю Рима рассматривать через жизнь наиболее известных римских полководцев, их подвиги и похождения. В Книге первой «Божественный Юлий» известного произведения «Жизнеописание двенадцати цезарей» Светоний пишет о Юлие Цезаре: «Вот что он совершил за девять лет своего командования. Всю Галлию, что лежит между Пиренейским хребтом, Альпами, Севеннами и реками Роданом и Рейном, более 3200 миль в охвате, он целиком, за исключением лишь союзных или оказавших Риму услуги племен, обратил в провинцию и наложил на нее 40 млн ежегодного налога. Первым из римлян он напал на зарейнских германцев и, наведя мост, нанес им тяжелые поражения. Он напал и на британцев, дотоле неизвестных, разбил их и потребовал с них выкупа и заложников» [105].

По утверждению историков, Гай Юлий Цезарь быстро победил своих противников в очередной гражданской войне. После череды побед он вступил в Рим. Светоний пишет об этом событии: «По окончании войны он отпраздновал пять триумфов: четыре за один месяц, но с промежутками – после победы над Сципионом и пятый – после победы над сыновьями Помпея. Первый и самый блистательный триумф был галльский, за ним – александрийский, затем – понтийский, следующий – африканский и, наконец, – испанский: каждый со своей особой роскошью и убранством. Во время галльского триумфа на Велабре у него сломалась ось и он чуть не упал с колесницы; на Капитолий он вступил при огнях, сорок слонов с факелами шли справа и слева. В понтийском триумфе среди прочих предметов в процессии несли надпись из трех слов: «Пришел, увидел, победил», – этим он отмечал не события войны, как обычно, а быстроту ее завершения» [105]. В таком же духе – «Пришел, увидел, победил» – писал Светоний и о других античных героях.

Другой известный древнеримский историк *Гай Саллюстий Крисп* также достаточно много рассуждал о героях и политических лидерах, их личных достоинствах, умениях и качествах. С именем Саллюстия связывают два письма к Цезарю и «Декламацию против Цицерона», которые дошли до наших времен. В этих работах историк довольно рельефно изображал личности известных римских государственных деятелей и трибунов.

В своем первом письме историк пишет о том, кто и как должен руководить государством. «Я считаю, – пишет Саллюстий, – что тот, кто занимает в государстве более высокое и более блестящее по сравнению с другими положение, и должен проявлять наибольшую заботу о государственных делах» [103].

«Для всех остальных граждан, – утверждает мыслитель, – с благополучием государства связана их собственная свобода. Но не так обстоит с теми, кто доблестью создал себе богатства, почет, положение (*qui per virtutem sibi divitias, decus, honorem pepererunt*). Малейшее потрясение в государстве влечет для них множество забот и трудов, они должны поспевать всюду, дабы в любой момент встать на защиту своей чести, свободы, семьи. Так поступали предки (*maiores nostri*), у которых всегда была лишь одна цель – благо отечества, которые объединялись только против врагов (*factio contra hostes parabatur*) и использовали все свои дарования не для достижения личного могущества, но в интересах *res publica*» [103].

Саллюстий восхищался Цезарем как руководителем государства и политическим лидером, полководцем и триумвиром. В письме Цезарю приписываются такие личностные качества, как величие, высокий интеллект, живой и всеобъемлющий ум, присутствие духа как при удаче, так и в самых тяжелых ситуациях [103].

В более позднем письме Саллюстий существенно изменил свое отношение к Цезарю. Он призывает его не превращать во зло добытую им власть, воспользоваться ею для восстановления добрых нравов в Римском государстве. Потому это письмо начинается и закан-

чивается своеобразной *captatio benevolentiae*. Саллюстий всячески подчеркивает *bénéficia* Цезаря, его кротость во время войны, его отношение к побежденным соотечественникам [556, с. 209]. Саллюстий в данном письме просит Цезаря использовать власть, авторитет и влияние на благо народа, общества и государства, не прибегать к суровым приговорам и казням, проявить истинное милосердие и позаботиться о восстановлении нравственности молодого римского поколения.

Саллюстий, считал российский исследователь Сергей Утченко, выражая свои представления об идеальных правителях, попытался воплотить их обобщенные качества и черты в Цезаре. В «Письмах» это стремление имело вид предварительного наброска, но данная тема получает дальнейшее и наиболее полное развитие в «Заговоре Катилины», одном из типичных для Саллюстия отступлений, где мастерски построена модель идеального государственного деятеля [556, с. 208–212].

В данном исследовании дана яркая сравнительная характеристика Цезаря и Катона. Она тщательно продумана и построена оригинальным способом. Цезарь, по мнению Саллюстия, обладал следующими личностными качествами и добродетелями: благотворительностью и щедростью, милосердием и состраданием; прибежищем для несчастных и непрерывным трудом, защитой интересов друзей даже в ущерб собственным; стремлением к власти и руководству армией, к войне, где могла бы наиболее ярко проявиться его доблесть. Для Катона характерны безупречность жизни, суровость, погибель для злодеев, постоянство, умеренность, нравственная чистота, соревнование не богатством с богатыми, не интригами с интриганами, но доблестью с храбрыми, умеренностью со скромными, воздержностью с бескорыстными. Это модель нравственного героя. В ней акценты сделаны на нравственное совершенство героя [556, с. 208–212]. Саллюстий делает вывод, что все успехи римлян – это результат целенаправленной деятельности отдельных особо выдающихся, уважаемых граждан Рима.

Древнеримский политик и философ, блестящий оратор *Марк Тулий Цицерон* создал более теоретически осмысленную, совершенную и обобщенную научную концепцию формирования идеальных государственных деятелей, правителей государств, политических лидеров. В согласии с традиционно римской точкой зрения («*римское государство сильно старинными нравами и мужами*») Цицерон считал, что своим процветанием государство всегда обязано взаимодействию именно этих двух факторов: нравов (*mores*) и мужей (*virii*) [556, с. 215].

В знаменитом трактате Цицерона «Об обязанностях» раскрыты добродетели, лежащие в основе нравственного поведения граждан, и обязанности, вытекающие из этих добродетелей. Цицерон создал модель идеального правителя (*rector rei publicae*), основываясь на синтезе стоических и римских качеств, и перенес акцент с познания, игравшего важнейшую роль для стоиков, на справедливость и благодеяние, наиболее важные в условиях острого кризиса власти [604].

Мыслитель в трактате «О государстве» устами главного участника диалога Сципиона анализирует власть правителя. Атрибуты, нравственные достоинства и добродетели, которые Цицерон приписывает первым римским правителям, перечислены на золотом щите (*clupeus aureus*), о котором упоминает Август. Это мужество (*virtus*), милосердие (*dementia*), справедливость (*iustitia*) и благочестие (*pietas*) [604].

В настоящее время имеется достаточно много точек зрения на понимание в работах Цицерона дефиниции *rector rei publicae* как идеального правителя. Внимательно изучив их, можно сделать вывод, что *rector rei publicae* представляет собой высшую форму жизнедеятельности идеального римского гражданина и правителя на благо общества и государства. Однако *rector* – это не каждый римский гражданин, а наилучшие (*optimus civis*) из них, только те, кто обладает необходимыми личностными качествами, способностями и опытом.

Хотя не граждане одинаковы, любой человек, на которого возложены обязанности правителя, должен, по мнению Цицерона, исполнять свой долг так хорошо, как он способен это сделать [603; 604].

Цицерон требует от идеального правителя прежде всего определенных нравственных и гражданских качеств, благоразумия, требует, чтобы в таком человеке разум торжествовал над низкими страстями. Если это необходимо каждому человеку, то правителю государства необходимо вдвойне. Цицерон считает, что у идеального правителя должны быть мужество и осмотрительность, воздержность и трудолюбие, без которых государь не может соответствовать своему высокому положению и поставленным обществом и народом задачам. Государственный деятель, по мнению Цицерона, – это не «монарх» и даже не «президент», а просто выдающийся муж, идеальный гражданин. Наконец, судя по высказываниям самого Цицерона, образ «ректора» мыслится им самим лишь как некая модель поведения, ее идеальный образ [556, с. 216–217].

Идеальный правитель и политический лидер, по Цицерону, – это идеальный гражданин и совершенный добродетельный человек, активно и умело выполняющий свои обязанности по отношению к государству и людям на основании закона, а не единоличный тиран и властитель, действующий в собственных интересах ради собственной выгоды [603; 604].

Падением Западной Римской империи в 476 г. завершился период истории Древнего мира. В странах Западной Европы постепенно начал складываться сословно-феодальный строй. Существенное влияние на политическую мысль Средневековья оказывали христианская религия и Римско-католическая церковь, организованная по принципам строгой иерархии. Догмы Римско-католической церкви стали одновременно и политическими аксиомами. Церковные идеологи указывали на божественное происхождение власти, утверждали, что могущество государей происходит от церкви, а она получила свой авторитет непосредственно от Христа. Отсюда – обязанность государей подчиняться главе христианской церкви. Государь – слуга церкви. Появились теории, которые подтверждали данные догмы.

Созданные в античные времена традиции продолжали развиваться в исследованиях различных мыслителей Средних веков. Однако поиски места и роли государя, правителя, героя в общественной жизни проходили под существенным влиянием христианской церкви. Идея о влиянии сверхъестественных сил на жизнедеятельность великих личностей, идущая от древнегреческих мыслителей, развивалась на принципиально новом уровне. Причем она приняла форму идеи о том, что Бог продлевает жизнь «положительным» правителям (*Анна Комнина*) или сокращает ее «отрицательным» деятелям исторического процесса (*Лев Диакон*). Работа Анны Комниной «Алексиада» стала грандиозным описанием жизни ее отца, императора Алексея I Комнина [248; 309].

Некоторые средневековые мыслители продолжали рассматривать роль правителей или героев со светских позиций. *Прокопий Кесарийский* в своей работе «Тайная история» анализировал действия византийского императора Юстиниана, выявлял сходство и отличия его поступков от действий других правителей Римской империи [467].

Значительный вклад в развитие политической науки в Средние века внес один из выдающихся мыслителей и отцов католической церкви, причисленный ею к лику святых, *Аврелий Августин Блаженный*. Основными его трудами являются трактаты «О граде Божьем», «О прекрасном и пригодном», «Против академиков», «О свободной воле», «Исповедь». Августин Блаженный был ярким противником инакомыслия и ересей. Он считал, что «лучше сжечь еретиков живьем, чем дать им коснеть в заблуждениях». Был убежден, что человеческая воля – это слепое орудие воли Бога [1; 2].

Августин резко противопоставлял церковь и государство. В своем главном труде «О граде Божием» он развил концепцию теологического разграничения духовной (религиозной) и светской (государственной) власти. Первая представлена им в образе Града Божия,

выражением которого является церковь, вторая – Града Земного. Основываясь на героическом пути Христа, Августин Блаженный предлагал новую модель героя, считая, что его основное предназначение заключается в жертвенности, а не в социальности, как Града Земного. Вместе с этим Аврелий отрицал полубожественное происхождение героев, которым наделяли их античные мыслители [1].

Другим выдающимся мыслителем Средневековья был доминиканский монах *Фома Аквинский*. Он был удостоен титула «Ангельский доктор», в 1323 г. причислен к лику святых, в 1567 г. признан «Общим учителем церкви». Основными работами являются книги «Философская сумма (об истинности католической веры против язычников)» и «Сумма теологии». Его учение выразило главный постулат средневекового политического мышления: все виды власти в конечном счете от Бога. Необходимость государства для Фомы Аквинского, как и для Аристотеля, вытекает из того, что человек по своей природе – общественное существо. Главная обязанность власти – содействовать общему благу, заботиться о сохранении мира и справедливости, о том, чтобы подданные вели добродетельный образ жизни. Фома Аквинский приспособил взгляды Аристотеля к догмам католической церкви, благословил строй общественного неравенства и эксплуатации. Он считал, что подняться выше своего сословия грешно, так как разделение на сословия установлено Богом [563].

Аврелий Августин Блаженный, Фома Аквинский и их последователи в своих теологических учениях создают принципиально новое представление образа лидера – духовного человека, наделенного божественными свойствами, высшего в ряду телесных созданий. Они привнесли в теорию о лидерах идею их богоизбранности в отличие от простых смертных. В основе работ Августина Аврелия и Фомы Аквинского лежит понимание Бога как абсолютного, совершенного, наивысшего бытия, источника всей жизни и любого блага. Будучи сторонником монархии, Фома Аквинский считал государя не только правителем, но и творцом государства. Однако светской власти подчинены лишь тела людей, но не души. Верховная, всеобъемлющая власть принадлежит церкви. Папа Римский – наместник Христа, которому должны подчиняться все светские государи. Насколько Бог выше человека, настолько духовная власть выше власти земной. История творится Богом через действия правителей. Основой нравственности служит почитание и служение Богу, а подражание и уподобление ему считается высшей целью человеческой жизни [1; 2; 563].

В Средние века модель героя реализуется не только в рамках теологических концепций, но и как феномен, включенный в новую социальную систему – героя-рыцаря. Французский политик XIII в., один из руководителей Четвертого крестового похода *Жоффруа де Виллардуэн* в хронике «Завоевание Константинополя», которую часто называли героической поэмой в прозе, описывал подвиги крестоносцев, сражавшихся за Святую землю. Де Виллардуэн с восхищением описывал историю двухсотлетней борьбы за Иерусалим – главную святыню христианского мира. Он показывал мужественных рыцарей, которые оставляли свои дома, семьи и страны, отправлялись на священную войну с врагами христианской веры и совершали настоящие подвиги [92].

Для более глубокого понимания модели рыцаря-героя интерес представляют работы Жюста Жана Руа «История рыцарства» [488] и Франко Кардини «Истоки средневекового рыцарства» [220].

Следует особо подчеркнуть, что роль правителей и героев осмысливалась в Средние века и с теоретических позиций. Готский историк Иордан в работе «О происхождении и деяниях гетов» выдвинул интересную гипотезу о том, что действия правителей выступают главной причиной исторических событий [205].

Модель средневекового героя создавалась с учетом амбивалентности общества, наличия светских и церковных структур и взглядов. С одной стороны, герой – это святой, для которого сохраняются функции посредничества между миром Божественным и земной жиз-

ню. С другой стороны, герой – это рыцарь, который обладает определенными личностными качествами, добродетелями, храбростью, «безумной звериной волей», направленными на священную войну с врагами христианской веры.

Возрождение – новый этап в развитии социально-политической мысли в Западной Европе, начавшийся в XV в. разложением феодализма и возникновением в его недрах капиталистических отношений. Радикальные экономические, технические и научные изменения, первоначальное накопление капитала, рост буржуазии и зарождение пролетариата обострили общественные отношения и способствовали изменению взглядов на мир и человека. В это время происходило возрождение интереса к античной культуре и философии, литературе и изобразительному искусству.

Существенно изменилось и отношение к человеку. В традиционном христианском понимании человек – это лишь греховное существо, обязанное своей земной жизнью доказывать право на вечную, но не материальную, а духовную жизнь. Поэтому он должен постоянно преодолевать собственную материальную природу, являющуюся источником греха, а свои помыслы посвящать любви к Богу. В это время понадобились сильные личности, настоящие лидеры.

Выдающиеся деятели этой эпохи – английский философ и политический деятель Томас Мор, нидерландский мыслитель Дезидерий Эразм Роттердамский, французский писатель Франсуа Рабле, итальянский мыслитель и астроном Джордано Бруно, итальянский философ Джованни Пико делла Мирандола стали идеологами новой эпохи, критиковали средневековую схоластику и выступали за грандиозные общественные инновации. В знаменитой работе Томаса Мора «Утопия» формулируется общественно-политический идеал новой эпохи – модель идеального государства. В основе этой модели лежит не только отрицание частной собственности и признание собственности общественной, но и религия «почитания Божественной природы» с верховным единым богом Митрой, наделенным идеальными личностными качествами.

Эпоха Возрождения потребовала и принципиально новой концепции политического лидерства. Модель лидера нового типа была предложена в политико-философских концепциях Никколо Макиавелли, Эразма Роттердамского, французского философа Мишеля де Монтеня, итальянского философа Джордано Бруно и некоторых других мыслителей.

Никколо Макиавелли – выдающийся итальянский политический мыслитель, писатель, историк, военный теоретик. В течение 14 лет он был секретарем правительства флорентийской республики. После свержения республиканского строя во Флоренции Макиавелли был арестован по подозрению в участии в заговоре. Политический опыт, а также труды античных мыслителей послужили основой для разработки им новой концепции политического лидерства, изложенной в работах «Государь», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» и «История Флоренции». Главным отличием исследований Макиавелли от других мыслителей эпохи Возрождения являлось то, что он в своих исследованиях руководствовался не абстрактными идеями добра, зла и Бога, а категориями реальной политической жизни, принципами пользы и целесообразности [336; 337].

Во времена Макиавелли Италия была раздроблена на несколько враждующих между собой небольших государств, подвергалась постоянным разрушительным нашествиям соседей, а религиозное сознание находилось в перманентном кризисе. «Дабы обнаружила себя доблесть италийского духа, – отмечал мыслитель, – Италии надлежало дойти до нынешнего ее позора: до большего рабства, чем евреи; до большего унижения, чем персы; до большего разобщения, чем афиняне: нет в ней ни главы, ни порядка; она разгромлена, разорена, истерзана, растоптана, повержена в прах» [337, с. 78].

Являясь патриотом своей Родины, Макиавелли отвергал средневековую теологическую концепцию и противопоставлял ей модель сильного светского государства, отделив

правовые установки от предписаний религии. Причем мыслитель в работе «Государь» предлагает принципиально новое политическое устройство государства. Этот феномен должен возглавлять политик новой формации, мыслитель, существенно отличающийся от королей того времени. Его Макиавелли назвал «*princeps*». На русский язык понятие «*princeps*» можно переводить как государь или князь, но это не совсем точный перевод. «*Princeps*» (от лат. *primus* – первый, *capio* – захватить) – первый, кто захватил политическую власть. Данная дефиниция полностью отвечала республиканским представлениям Н. Макиавелли и обозначала «первого гражданина Римского государства». Данный термин, имевший широкое хождение в I–III вв., наполнился новым содержанием при императоре Августе, который наделил монархического по своему духу и смыслу правителя определенными республиканскими полномочиями и смыслами. Тем более, что лучшей формой государства Н. Макиавелли считал республику.

Стратегическая цель политика и философа Макиавелли – спасение Италии через ее объединение. В своем главном труде «Государь» он показывал, что только при сильном правителе можно создать независимое итальянское государство, способное освободиться от чужеземных захватчиков. Италия ждала своего героя. «Не могу выразить словами, – обращался Макиавелли к Лоренцо Медичи, – с какой любовью приняли бы его жители, пострадавшие от иноземных вторжений, с какой жаждой мщения, с какой неколебимой верой, с какими слезами! Какие бы двери закрылись бы перед ним? Кто отказал бы ему в повинности? Чья зависть преградила бы ему путь? Какой итальянец не воздал бы ему почестей? Каждый ощущает, как смердит господство варваров. Так пусть же ваш славный дом примет на себя этот долг с тем мужеством и той надеждой, с какой вершатся правые дела, дабы под сенью его знамени возвеличилось наше отечество и под его водительством сбылось сказанное Петраркой:

Доблесть ополчится на неистовство,
И краток будет бой,
Ибо не умерла еще доблесть
В итальянском сердце» [337, с. 79].

Таким правителем для Макиавелли был человек хладнокровный и целеустремленный, расчетливый и жестокий, с несгибаемой волей и силой, талантом и умом, хитростью и даже коварством. Выступая как частное лицо, государь должен руководствоваться общепринятыми нормами поведения, но он может не считаться с требованиями морали, если его действия и поступки детерминированы заботой о процветании и могуществе государства. Во имя государственного блага можно оправдать любые действия. «Цель оправдывает средства», – постоянно утверждал Макиавелли. Для достижения высоких политических целей возможно использование различных, в том числе самых аморальных, средств – подкупа и насилия, обмана и предательства, шантажа и убийства. «Существуют всего два способа достижения цели: путь закона и путь насилия. От правителя не требуется выбирать одно из двух, он должен уметь пользоваться обоими способами... Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание, – писал политик. – Когда речь идет о спасении родины, не следует принимать во внимание никакие соображения о том, что справедливо и что не справедливо, что милосердно и что жестоко, что похвально и что позорно, но необходимо, забыв обо всем прочем, действовать так, чтобы спасти ее существование, ее свободу» [337, с. 54].

Выдающийся мыслитель в исследовании «Государь» создал оригинальную модель политического лидерства. Правитель «нового типа» не должен быть связан никакими апри-

орными схемами и правовыми предписаниями, религией или собственным словом. Он не может и не должен оставаться верным своим словам, если это вредит его интересам и интересам государства. Новый правитель должен руководствоваться строго анализированными фактами, может быть беспощадным и хитрым. В понимании Макиавелли, лидер – это государь, который с помощью различных средств – жестокости и обмана, демагогии и справедливости, силы и хитрости – обеспечивает сохранение, укрепление и расширение своей власти, поддерживает общественный порядок и решает поставленные жизнью политические задачи. Макиавелли создал образ государя, для которого личная власть – это лишь средство для достижения определенной политической цели, в данном случае – объединения и усиления итальянского государства. Он был убежден, что государь становится великим только тогда, когда способен преодолеть все трудности и невзгоды. Он особо подчеркивал, что победителей не судят. Наказывают за мелкие ошибки, а за крупные промахи, которые приводят к победам, награждают.

Каким должен быть мудрый государь нового типа, какими личностными качествами он должен обладать? Великий мыслитель утверждал, что правители – это живые люди. У каждого из них есть и положительные, и отрицательные личностные качества. Один из них щедр, другой – скуп. Жадный, – отмечал Макиавелли, – это тот, «кто хочет отнять чужое, а скупым мы называем того, кто слишком держится за свое – один расточителен, другой алчен; один жесток, другой сострадателен; один честен, другой вероломен; один изнежен и малодушен, другой тверд духом и смел; этот снисходителен, тот надменен; этот распутен, тот целомудрен; этот лукав, тот прямодушен; этот упрям, тот покладист; этот легкомыслен, тот степенен; этот набожен, тот нечестив и так далее. Что может быть похвальнее для государя, нежели соединять в себе все лучшие из перечисленных качеств? Но раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же воздерживаться по мере сил, но не более. И даже пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность» [337, с. 46].

Однако в постоянной борьбе за власть ничего не поможет политику, если он не обладает доблестью. Новые государи – это те, кто приобрел власть «не милостью судьбы, а личной доблестью». Среди них Моисей, Кир, Тезей. «Каждому из этих людей выпал счастливый случай, но только их выдающаяся доблесть позволила им раскрыть смысл случая, благодаря чему отечества их прославились и обрели счастье» [337, с. 17].

В главе «О том, как государи должны держать слово» Макиавелли особо подчеркивал, что государи должны быть «само милосердие, верность, прямодушие, человечность и благочестие, особенно благочестие» [337, с. 53]. Однако в случае необходимости они должны уметь отступать от добра, вернее, от того, что считают добром – обыденной морали. «Вдумавшись, – отмечал Н. Макиавелли, – мы найдем немало того, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность» [337, с. 46]. В случае конфликта между обыденными моральными ценностями и общественным благом надо руководствоваться последним, так как в душе правитель «всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, т. е...по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и злом» [337, с. 53].

Политическую борьбу, по мнению мыслителя, можно вести двумя методами – с помощью закона или силы. Законы обычно использует человек, а силой борется зверь, однако

закона очень часто явно не хватает, чтобы победить врага, поэтому нужно применять и силу. Новый государь, – считает Н. Макиавелли, – должен быть подобен и зверю, и человеку. «Из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана» [337, с. 52]. Если государь является прирожденным львом, то он должен приобрести качества лисицы, если же он по природе лиса, то ему следует притвориться львом. При этом лучше все же быть напористым, чем осмотрительным.

В основе поведения людей, по Макиавелли, лежат два важнейших мотива – *страх и любовь*. Но что лучше: чтобы государя его подданные любили или боялись? Макиавелли отвечает на этот сложный вопрос следующим образом: «Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. Ибо дружбу, которая дается за деньги, а не приобретается величием и благородством души, можно купить, но нельзя удержать, чтобы воспользоваться ею в трудное время. Кроме того, люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно» [337, с. 50].

Подводя итоги спора, что лучше, чтобы государя любили или чтобы боялись, Макиавелли пишет, «что любят государей по собственному усмотрению, а боятся – по усмотрению государей, поэтому мудрому правителю лучше рассчитывать на то, что зависит от него, а не от кого-то другого; важно лишь ни в коем случае не навлекать на себя ненависти подданных» [337, с. 50].

Но надо действовать так, чтобы страх не перерос в ненависть, иначе возмущенные подданные могут правителя свергнуть. Для того, чтобы этого не произошло, он должен не посягать на имущественные и личные права граждан. «Государь должен следить за тем, – подчеркивал мыслитель, – чтобы не совершить ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение подданных. Ненависть государи возбуждают хищничеством и посягательством на добро и женщин своих подданных. Ибо большая часть людей довольна жизнью, пока не задеты их честь или имущество; так что недовольным может оказаться лишь небольшое число честолюбцев, на которых нетрудно найти управу. Презрение государи возбуждают непостоянством, легкомыслием, изнеженностью, малодушием и нерешительностью. Этих качеств надо остерегаться как огня, стараясь, напротив, в каждом действии являть великодушные, бесстрашие, основательность и твердость» [337, с. 54–55].

Кроме страха и любви, поведением людей правит *честолюбие*. Оно присуще каждому человеку. Государю важно знать, кто именно более честолюбив и потому опаснее для него, как правителя: желающий сохранить то, что имеет, или стремящийся приобрести то, чего у него нет. Состоятельными людьми двигает страх потерять то, что они накопили, а бедные жаждут приобретения того, что есть у богатых. Оба мотива к власти, по мнению Макиавелли, одинаково порочны. И богатые, имеющие в своем распоряжении рычаги власти, и бедные, стремящиеся завоевать эту власть, в принципе ведут себя одинаково.

Каким должен быть мудрый государь – щедрым или бережливым? На этот достаточно амбивалентный вопрос трудно найти правильный ответ. Н. Макиавелли в главе «О щедрости и бережливости» попытался это сделать: «Хорошо иметь славу щедрого государя. Тем не менее тот, кто проявляет щедрость, чтобы слыть щедрым, вредит самому себе» [337, с. 47]. Мыслитель утверждал, что «если проявлять ее разумно и должным образом, о ней не узнают, а тебя все равно обвинят в скупости, поэтому, чтобы распространить среди людей славу о своей щедрости, ты должен будешь изощряться в великолепных затеях, но, поступая таким образом, ты истощишь казну, после чего, не желая расставаться со славой щедрого

правителя, вынужден будешь сверх меры обременить народ податями и прибегнуть к неблагоприятным способам изыскания денег. Всем этим ты постепенно возбудишь ненависть подданных, а со временем, когда обеднеешь, – то и презрение. И после того, как многих разоришь своей щедростью и немногих облагодетельствуешь, первое же затруднение обернется для тебя бедствием, первая же опасность – крушением. Но если ты вовремя одумаешься и захочешь поправить дело, тебя тотчас же обвинят в скупости» [337, с. 47].

Мудрый государь должен выступать как опекун народа, защищающий его от произвола чиновников, обеспечивать подданным внешнюю и внутреннюю безопасность. Причем государь должен заботиться о том, чтобы подданные воспринимали его действия как благодеяния. В отличие от обид, которые следует наносить сразу, благодеяния надо осуществлять малыми дозами, чтобы они длились дольше и вызывали большую благодарность и любовь к правителю. Хвост собаке лучше отрубать сразу, а не по частям, – подчеркивал мыслитель.

Макиавелли крайне негативно относился к народу как носителю и потенциальному источнику верховной власти. Он считал, что люди неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива. В «Государе» он писал, что «пока ты делаешь добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернутся. И худо придется тому государю, который, доверяясь их посулам, не примет никаких мер на случай опасности» [337, с. 50]. Человек, по мнению мыслителя, – это бесконечное сочетание добра и зла, и зло столь же присуще человеческой природе, как и добро.

Н. Макиавелли так и не увидел Родину независимой и единой, сильной и процветающей. Объединение Италии произошло лишь в середине XIX в. Тем не менее великий мыслитель отразил в своих трудах, прежде всего в «Государе», основную тенденцию общеевропейского политического развития того времени, заключающуюся в процессе образования единых национальных государств. А они, действительно, создавались при помощи силы и хитрости. Мелкие суверены уничтожались, из всех претендентов власть должен был захватить один-единственный претендент – новый государь, обладающий определенными личностными качествами, умеющий строить взаимоотношения со своим народом, отражать его интересы.

Современные исследователи выделяют шесть важнейших принципов Макиавелли, которые оказали существенное влияние на дальнейшее развитие теории политического лидерства:

- 1) государь должен обладать набором личностных качеств и характеристик, позволяющих ему эффективно выполнять властные функции;
- 2) взаимоотношения государя и сторонников / противников должны строиться на определенных, заранее разработанных принципах;
- 3) на авторитет государя существенное влияние оказывает поддержка народа;
- 4) сторонники и противники должны четко знать, что они могут ожидать от государя, и понимать, что он хочет от них;
- 5) государь должен обладать политической волей к принятию важных и не всегда популярных решений;
- 6) государь – всегда образец мудрости и справедливости для своих последователей и сторонников [131; 132; 261; 272].

Выдающийся мыслитель и философ, писатель и ученый *Дезидерий Эразм Роттердамский* был своего рода символом эпохи Возрождения. Еще при жизни он был назван «королем гуманистов», стал общеевропейским лидером гуманистического движения и неоспоримым «властителем дум» прогрессивно настроенной европейской интеллигенции.

В работе «Похвала глупости» Эразм Роттердамский дал подробнейшую и крайне негативную характеристику тогдашнему обществу. Дворян и знать он относил к «сословию

безумцев». Их жизнь лишена смысла, – утверждал мыслитель, – ради «охоты на красного зверя» они забывают обо всем на свете. Эразм подвергает резкой критике тех, кто кичится «благородством своего происхождения», хотя и «не отличаются ничем от последнего прохвоста», тех, кто хвастает скульптурными и живописными изображениями своих предков и «готовы приравнять этих родовитых скотов к богам» [643].

Эразм Роттердамский, как и Никколо Макиавелли, крайне негативно относился и к народу. Он считал его невежественным и больше других подверженным глупости. «Народ – толпа» – это и безликая масса, источник анархии, насилия, кровавого бесчинства, которые он ненавидит и панически боится, боится и их бунтов, восстаний, общественных потрясений [641]. Он осознавал, что народ, как «исполинский и многоголовый зверь», никогда не будет считаться с его призывами к осторожности и умеренности. Что до массы христиан, то, судя по их понятиям о добрых нравах, никогда не бывало ничего пакостнее, даже среди язычников [642].

В то же время Эразм выделял из одноликой толпы, серой массы самого человека, индивидуума. Считая личность высокой ценностью, он отмечал ее важность и подчеркивал истинное место личности в обществе и коллективе. Ученый был убежден, что мир создан благим и прекрасным, благим и прекрасным создан и человек. Мир, по эразмиански, – творение божие. Однако великий гуманист был убежден, что «мир» – это прежде всего человек, не материальные условия его существования, как природные, так равно и социальные, и добавок – отдельно взятый человек, а не общество.

Прекрасным и великим должен быть и идеальный правитель. Размышляя о его качествах, Эразм Роттердамский подчеркивал, что в управлении государством имеют особое значение мудрость и справедливость, гуманизм и умеренность, предусмотрительность и забота об общем благе, личностные качества, имеющие очень важное значение в повседневной политической деятельности. По мнению мыслителя, образец «добротного правления» и гуманизм должны быть «привиты» будущим государям с детства. Только тогда в государстве будут царить мир, социальная гармония, веротерпимость. И только такое государственное правление достойно титула правителя, а государь достоин своего высокого титула [641–643].

Единомышленником Эразма был великий французский мыслитель и гуманист *Мишель де Монтень*. В своем основном труде «Опыты» он рассматривал человека как наивысшую общественную ценность, верил в его неисчерпаемые возможности, относясь с долей огромного скепсиса к божественному провидению. Он создал модель идеального правителя, которая наиболее рельефно представлена во второй книге этого знаменитого произведения. «Прекрасная вещь – быть великим правителем, – отмечал мыслитель, – следовательно, управление миром принадлежит некоей блаженной природе. Светила не причиняют нам вреда; следовательно, они полны благости. Мы нуждаемся в пище; следовательно, боги тоже в ней нуждаются и питаются парами, поднимающимися ввысь. Мирские блага не являются благами для бога; следовательно, они не являются благами и для нас. Наносить оскорбление и быть оскорбленным в одинаковой мере свидетельствует о слабости; следовательно, безумие – бояться бога. Бог благ по своей природе; человек же благ в меру своих стараний, а это выше. Божественная мудрость отличается от человеческой лишь тем, что она вечна; но длительность ничего не прибавляет к мудрости, следовательно, мы сотоварищи» [378, с. 260].

М. Монтень был убежден, что идеальные правители должны быть примером во всем и всегда. Он писал, что «император Юлиан настаивал на еще большем: он говорил, что «философу и честному человеку перевести дух и то возбраняется», т. е. что им подобает отдавать дань потребностям нашего естества лишь настолько, насколько это безусловно необходимо, занимая всегда и душу и тело делами прекрасными, великими и добродетельными» [378, с. 603–604].

В то же время мыслитель признавал, что такие добродетели, как справедливость и мягкость, могут вступать в противоречие с требованиями «необходимости» и политической реальности.

Философ осуждал тех мыслителей и политиков, которые «в своих рассуждениях об обязанностях монарха толкуют лишь о способах извлечения выгоды при ведении им своих дел и пренебрегают при этом заботой о сохранении им добропорядочности и незапятнанной совести» [378, с. 578]. Осуждал он и другой тип государей. «Выгода, которая манит людей на всякого рода злодейства, как, например, святотатство, убийства, мятежи и предательства, всегда предпринимаемые в каких-либо коварных целях, – писал французский мыслитель, – влечет за собой бесчисленные невыгоды, поскольку, показав образец своего вероломства, такой монарх сразу нарушает добрые отношения с другими монархами и теряет возможность вступать с ними в какие бы то ни было соглашения» [378, с. 578].

Бывает, по мнению М. Монтеня, ситуация, когда политика не согласуется с человечностью и когда ради спасения государства приходится отказываться от библейских заповедей. Он вслед за античными историками признавал, что в политике насилие существует, оно неизбежно, а борьба является естественным состоянием. Но жестокость, пытки и издевательства над поверженным врагом ученый осуждал во всех их проявлениях.

В его лидерской концепции существует строго научный анализ противоречий между нравственными принципами и политической реальностью. М. Монтень, как и Н. Макиавелли, подчеркивал, что править, используя только честные политические методы и средства, невозможно. Философ попытался найти оптимальное решение данного противоречия, вводя категорию внутреннего состояния государя. Если правитель считает, что он не может достойно править, то должен добровольно передать заботу о государстве другому достойному человеку.

Однако не только правители, но и герои находились в центре лидерских исследований мыслителей эпохи Возрождения. Одной из попыток осмыслить истоки героического является работа *Джордано Бруно «О героическом энтузиазме»* [71], в которой героическое рассматривается в диалектическом единстве с эстетическими требованиями. Энтузиазм – это любовь и мечты о прекрасном и хорошем, при помощи которых мы преобразовываем себя и получаем возможность стать совершеннее. В исследовании выделены основные личностные качества, необходимые герою для того, чтобы двигаться к высокой Истине. Показывается, как воля пробуждается, направляется, движется и руководится сознанием, и взаимно: как сознание возбуждается, формируется и оживляется волею; так что идет впереди то одно, то другое. Здесь рождается сомнение насчет того, что имеет большую значимость: интеллект, или вообще познавательная способность, или акт познания, или же воля, или вообще способность желать, или даже страсть; и можно ли любить сильнее, нежели понимать; а также означает ли, что все то, что в известной мере желаемо, вместе с тем в той же мере и познаваемо или же наоборот, в силу чего принято звать желание познанием, как мы это видим у перипатетиков, учение которых нас воспитывало и питало в юности и которое называют познанием; все это, начиная с желания возможного и естественного действия, откуда все следствия, цели и средства, начало, причины и элементы делят на начально, средне и окончательно известные по их природе, в которых участвуют, в конце концов, совместно и желание и познание [71].

Таким образом, в трудах мыслителей эпохи Возрождения формируется модель нового политического лидера, который ставил задачу изменить жизнь и порядок в государствах, сделать жизнь более богатой, более справедливой. В то же время некоторые философы освобождали правителей не только от религии, но и от морали. Появляющиеся буржуазные отношения требовали от лидера принципиально новых личностных качеств – умения сплотить общество, используя при этом все доступные и недоступные методы и средства для сохра-

нения и укрепления личной власти, способности заставить граждан, если не любить или уважать, то хотя бояться его.

В последующие времена, вплоть до XIX в., исследование лидерства в достаточно широком масштабе не проводилось, так как мыслители того периода своей главной задачей видели создание общественных структур, ограничивающих личную власть правителей. В XVII – XVIII вв. все же предпринимались ограниченные попытки реанимации традиций индивидуалистической трактовки исторического процесса. Наиболее яркими представителями волюнтаристской теории лидерства, рассматривающей историю как результат целенаправленного творчества выдающихся личностей, были Томас Карлейль и Ральф Уолдо Эмерсон.

Через всю работу известного шотландского историка *Томаса Карлейля* «Герои, почитание героев и героическое в истории» проходит мысль, что «история мира есть биография великих людей». Мыслитель рассматривал деятельность политических лидеров и противопоставлял ее действиям маленьких, «безымянных» людей. Т. Карлейль построил свою лидерскую модель на примере великих личностей – тех, кто становится покровителями, вождями, пастырями, учителями и способны повести за собой широкие народные массы. Он провозгласил «культ героев», на чьих биографиях основывается история человечества и которые обладают уникальными личностными качествами: мудростью, отвагой, самобытностью речей и поступков, искренностью и покорностью к стоящим выше них, что позволяет им быть посредниками между человечеством и божественным миром. Т. Карлейль был убежден, что лидеры – это «великие люди, вожди человечества, воспитатели, образцы и, в широком смысле, творцы всего того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего она хотела достигнуть; все, содеянное в этом мире, представляет, в сущности, внешний материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежавших великим людям, посланным в наш мир. История этих последних составляет поистине душу всей мировой истории» [222, с. 7].

Исследователь неоднократно подчеркивал, что «культ героев, низкопоклонное восхищение от глубины сердца, ревностное, безграничное подчинение наиболее благородной, божественной ипостаси человека – разве это не источник самого христианства? [222]. Для Т. Карлейля только выдающаяся личность, обладающая двумя существенными свойствами – искренностью и интуицией, может быть лидером.

Ученый предложил принципиально новую типологию лидеров: божество; пророк; поэт; пастырь; писатель; вождь (государственный человек, им может быть и великий злодей-организатор типа Тамерлана или Батыя) [222].

Политические лидеры или, по Т. Карлейлю, великие люди «всегда составляют крайне полезное общество. Даже при самом поверхностном отношении к великому человеку мы все-таки кое-что выигрываем от соприкосновения с ним. Он – источник жизненного света, близость которого всегда действует на человека благотворно и приятно. Это – свет, озаряющий мир, освещающий тьму мира; это – не просто возжженный светильник, а скорее, природное светило, сияющее, как дар неба; источник природной, оригинальной прозорливости, мужества и героического благородства, распространяющий всюду свои лучи, в сиянии которых всякая душа чувствует себя хорошо. Как бы там ни было, вы не станете роптать на то, что решились поблуждать некоторое время вблизи этого источника. Герои, взятые из шести различных сфер и притом из весьма отдаленных одна от другой эпох и стран, крайне не похожие друг на друга лишь по своему внешнему облику, несомненно, осветят нам многие вещи, раз мы отнесемся к ним доверчиво. Если бы нам удалось хорошо разглядеть их, то мы проникли бы до известной степени в самую суть мировой истории» [222, с. 33].

Но кто такой великий человек, герой или политический лидер? Т. Карлейль считал, что трудно ответить на этот вопрос: «В истории всякой великой эпохи самый важный факт

представляет то, каким образом люди относятся к появлению среди них великого человека. Инстинкт всегда подсказывал, что в нем есть что-то божественное. Но должно ли считать его богом или пророком или кем вообще должно считать его?» [222, с. 38]. Мыслитель убежден, что «грубой и большой ошибкой было считать великого человека богом». «Да и к герою теперь уже не относятся как к богу среди подобных ему людей, но как к Богом вдохновленному человеку, как к пророку» [222, с. 38].

Герой, по мнению Т. Карлейля, должен отличаться от простых людей набором определенных личностных качеств и характеристик. Наклонности или задатки великого человека, героя присутствуют в каждой личности. Мера их проявления зависит от определенных обстоятельств: времени и социально-политической ситуации в обществе. Героизм в человеке можно воспитать или развить те наклонности, которые способствуют развитию героических личностных качеств. Задача общества – стремиться к тому, чтобы воспитать как можно больше великих людей. Они помогут спасти мир.

Главная, основная особенность всякого великого человека в том, что он велик, – считал Т. Карлейль. Он подчеркивал, что «великое сердце, ясный, глубоко проникающий глаз: все в этом, без них человек, работая в какой угодно сфере, не может достигнуть ни малейшего успеха» [222, с. 67]. Однако природа не создает великих людей, как вообще всех людей, по одному и тому же шаблону. Каждый герой или лидер имеет свои специфические качества или черты, отличающие их друг от друга.

Важная черта великого человека – искренность. «Искренность, – писал мыслитель, – глубокая, великая, подлинная искренность составляет первую характерную черту великого человека, проявляющего тем или иным образом свой героизм. Не та искренность, которая называет сама себя искреннею; о нет, это в действительности очень жалкое дело: пустая, тщеславная сознательная искренность, чаще всего вполне самодовольная. Искренность великого человека – другого рода: он не может говорить о ней, он не знает ее: мало того, я допускаю даже, что он склонен обвинять себя в неискренности, ибо какой человек может прожить день изо дня, строго следуя закону истины? Нет, великий человек не хвастает тем, что он искренен, далеко нет; быть может, он даже не спрашивает себя, искренен ли он; я сказал бы охотнее всего, его искренность не зависит от него самого, он не может помешать себе быть искренним! Великий факт существования велик для него. Куда бы он ни укрылся, он не может избавиться от страшного присутствия самой действительности. Его ум так создан; в этом прежде всего и заключается его величие» [222, с. 40].

Оригинальность, по мнению Т. Карлейля, – «это вестник, посланный к нам с вестями из глубины неведомой бесконечности. Мы можем называть его поэтом, пророком, богом; так или иначе, но все мы чувствуем, что речи его не похожи на речи всякого другого человека. Разве его речи не являются известного рода «откровением» – мы должны употребить это слово, за неимением другого, более подходящего. Ведь он приходит к нам из самого сердца мира; ведь он представляет частицу первоначальной действительности вещей! Бог дал людям многочисленные откровения» [222, с. 41].

Храбрость. «Великому человеку «необходимо быть храбрым» [222, с. 29]. «Неумолимая судьба, которую бесполезно было бы пытаться преклонить или смягчить, решала» [222, с. 30], но великий и храбрый человек способен победить и судьбу.

Великих людей уважают, почитают. А разве не заслуживает великий человек уважения, если он «самостоятелен, оригинален, правдив», «проникает в истину», если «именно он завоевал мир для нас» [222, с. 104]. «Посмотрите, – подчеркивал мыслитель, – разве люди не почитали самого Лютера как настоящего папу, как своего духовного отца, ибо он в действительности и был таким отцом? Почитание героев никогда не умирает и не может умереть. Преданность и авторитетность вечны в нашем мире; и это происходит оттого, что они опираются не на внешность и прикрасы, а на действительность и искренность» [222, с. 104].

Предназначение великих людей, всех политических лидеров – ниспровержение идолов, возвращение людей назад, к действительности. «Такова вообще роль великих людей и учителей, – подчеркивал Т. Карлейль. – Магомет говорил, обращаясь к своим соплеменникам: эти ваши идолы – дерево; вы обмазываете их воском и маслом, и мухи липнут к ним; они – не боги, говорю я вам, они – черное дерево! Лютер говорил, обращаясь к Папе: то, что вы называете «отпущением грехов», представляет собою лоскут бумаги, сделанной из тряпки и исписанной чернилами, только лоскут, и больше ничего; такой же лоскут представляет и все то, что похоже на ваше «отпущение». Один только Бог может простить грехи. Что такое папство, духовное главенство в церкви Божьей? Разве это один пустой призрак, состоящий лишь из внешнего обличия и пергамента? [222, с. 110].

Великие потрясения, революции и войны требуют героев, выдвигают, формируют и воспитывают великих людей. «Все это революционное движение, – писал мыслитель, – начиная с протестантизма, подготавливает, на мой взгляд, один благодетельнейший результат: не уничтожение культа героев, а скорее, сказал бы я, целый мир героев» [222, с. 105].

Особый интерес для понимания сущности политических лидеров представляет беседа «Герой как вождь. Кромвель. Наполеон. Современный революционаризм». Герой в образе вождя – это «человек, который становится повелителем других людей, воле которого все другие воли покорно предоставляют себя, подчиняются и находят в этом свое благополучие, такого человека мы можем считать по сущей истине величайшим из великих. Он практически, на деле, воплощает в себе все разнообразные формы героизма: пастыря, учителя, вообще всякого рода земные и духовные достоинства, какие только мы можем себе вообразить в человеке; воплощает, чтобы таким образом повелевать людьми, давать им постоянные практические наставления, указывать ежедневно и ежечасно, что они должны делать» [222, с. 159].

Политический лидер или вожак – «способнейший человек – это означает, считает мыслитель, – также самый искренний, справедливый, самый благородный человек; то, что он указывает нам делать, является всегда самым мудрым, самым надлежащим делом, до какого только мы можем додуматься каким бы то ни было образом и где бы то ни было, – обязательным делом, которое мы должны делать, пуская в ход все зависящие от нас средства, с открытой доверчивостью и признательностью к своему руководителю, нисколько не сомневаясь в нем!» [222, с. 160].

Однако настоящих вожаков, истинных политических лидеров не так много. Это штучный товар, который надо формировать, создавать, искать, выдвигать, лелеять. Но, с другой стороны, существуют идеалы, и к вожакам предъявляются большие требования. «Идеалы должны существовать; что если мы вовсе не будем к ним приближаться, то все погибнет! Несомненно так! Самый искусный каменщик не может вывести стены совершенно вертикально, это математически невозможно; он удовлетворяется известной степенью приближения к вертикали и, как хороший каменщик, понимающий, что он должен же когда-нибудь покончить со своею работою, оставляет ее в таком виде. Но что выйдет, если он позволит себе слишком отклониться от вертикального направления; в особенности, если он забросит совсем свой отвес и ватерпас и станет беззаботно класть кирпич на кирпич, как они подвертываются ему под руку! Подобный каменщик, я полагаю, становится на опасный путь. Он забылся; но закон тяготения не забывает действовать, – и вот работник и стена, возводимая им, превращаются в беспорядочную кучу развалин! Такова, в сущности, история всех восстаний, французских революций, социальных взрывов в древние и новые времена. Во главе дела оказывается слишком неспособный человек, слишком лишенный благородства, мужества, слишком бестолковый человек. Люди как будто забывают, что существует известное правило или своего рода естественная необходимость, чтобы место это занимал способный человек. Кирпич должен лежать на кирпиче, насколько это возможно и необходимо. Неуме-

лая подделка способности соединяется неизбежно с шарлатанством во всякого рода делах управления, дела остаются неупорядоченными, и общество приходит в брожение от бесчисленных упущений, нужд и бедствий: миллионы несчастных протягивают руки, чтобы получить должную поддержку как в материальной, так и в духовной жизни, а ее нет [222, с. 160–161].

Работа Томаса Карлейля «Герои, почитание героев и героическое в истории» была написана в то время, когда роль великих людей в истории была доведена до нулевого предела, когда культ «героев» стал вытесняться культом «широких народных масс». Т. Карлейль пытался доказать, что основная масса населения «не может нормально существовать без направляющего воздействия лидеров, а в «пестрой одежде» выдающихся личностей проявляется божественное провидение и творческое начало.

Подобные взгляды на политическое лидерство имел и американский поэт, философ, общественный деятель, один из виднейших мыслителей США *Ральф Уолдо Эмерсон*. Через его работы красной нитью проходит мысль, что все глубокие озарения – удел выдающихся людей, а каждая великая организация – тень одного-единственного человека, чьи личностные качества детерминируют характер развития любой общественной структуры [638].

Лидеров Р. Эмерсон называл великими людьми. В работе «Нравственная философия» он особо подчеркивал, что вера «в великих людей лежит в нашей природе. Все мифологии начинаются полубогами: обстоятельство величавое, поэтическое. Их дух носится над всеми» [638, с. 213].

Именно великие люди являются примером для всего остального мира, по ним простые люди сравнивают свои действия. Весь мир держится правдою и добротой великих людей: они делают землю благотворной. «Живущие с ними находят, – отмечал мыслитель, – что жизнь утешна и крепительна. Она сносна и привлекательна для всех нас только верою в подобное сообщество, и действительностью или идеальным помыслом, мы жаждем жить с людьми, которые выше и лучше нас. Нашим детям, нашим странам мы даем их имена; вырабатываем их в глаголы нашего языка и храним их изображения, их произведения в наших жилищах. Каждое случайное событие дня наводит на память рассказы из их жизни» [638, с. 213].

«Я считаю великим человеком, – писал мыслитель, – того, кто постоянно пребывает в той высшей сфере мыслей, до которой другие добиваются с усилием и трудом. Ему стоит открыть глаза, чтобы увидеть вещи в их настоящей сущности и в их многообразных отношениях, тогда как другие должны делать тягостные поправки и остерегаться бесчисленных источников заблуждений.

Велик и тот, кто остается верен своей природе и никогда не напоминает нам собою других. На нем лежит обязанность вступить с нами в сообщение и наделить нашу жизнь каким-нибудь обетованием или пояснением. Я не могу, например, даже выразить того, что мне хотелось бы знать; между тем я замечал, что есть люди, дающие своим характером и своими поступками ответы да то, о чем у меня не стало умения предложить и вопрос. Есть люди, разрешающие такие вопросы, о каких не помышляет ни один их современник: они стоят одиноко. Иные поражают нас, как великолепные возможности; но, будучи не в состоянии управиться с собою или со своим временем, они не простирают руку помощи нашим потребностям и остаются игрушкой какого-то инстинкта, пускающего свои законы на ветер» [638, с. 215].

Р. Эмерсон особо подчеркивал, что великие люди или те, кто остаются верны природе и переступают моду и обычай из любви к всемирным идеям, – наши избавители от коллективных заблуждений. Они и составляют «исключение, необходимое для нас тогда, когда все покоится под одним уровнем. Величие, появляющееся пред нами извне, издали, есть противоядие от такой порчи и кабалы. Их гений служит нам питанием, освежает от чрезмер-

ного освоения с нашею равнею, и мы, с глубоким душевным ликованием, устремляемся по направлению, которое он указывает нам. Один великий человек – что за возмездие за сотни тысяч пигмеев!» [638, с. 220].

Что такое героизм? – спрашивал мыслитель и отвечал: «Вот что: человек решается в своем сердце приосаниться против внешних напастей и удостоверяет себя, что, несмотря на свое одиночество, он в состоянии перевестись с бесчисленным сонмом своих врагов. Эту-то бодрую осанку души называем мы героизмом. Первая к нему ступень: пренебрежение приволия и безопасного местечка. Затем следует доверие к себе и убеждение, что в действительной энергии есть достаточно могущества, чтобы исправлять все приключаящиеся с человеком бедствия и отместь мелкие расчеты благоразумия. Герой отнюдь не думает, будто природа заключила с ним договор, в силу которого он никогда не окажется ни смешным, ни странным, ни в невыгодном положении. В доблестной душе равновесие так установлено, что внешние бурные смятения не могут колебать ее воли, и под звуки своей внутренней гармонии герой весело пробирается сквозь страх и сквозь трепет, точно так же, как и сквозь безумный разгул всемирной порчи» [638, с. 96–97].

Рассуждая о героизме, мыслитель утверждал, что героизм есть высшее проявление природы индивидуума; героизм следует чувству, а не рассуждению, и потому он прям во всех своих действиях. Сущность его – доверие к себе; средства – презрение ко лжи, к несправедливости, и сила переносит все, что ни постараются навлечь на него клеветы зла. Героизм откровенен и правосуден, великодушен, гостеприимен, воздержан; он гнушается мелочными расчетами и пренебрегает пренебрежениями. Герой может некоторое время стоять в разладе с целым родом человеческим, не исключая людей великих и мудрых; но он не унывает, а повинуетя своему врожденному, внутреннему призванию. И кто же в состоянии усмотреть всю разумную причину такого-то действия, как не тот, кто свершает его, ясно понимая, в чем оно заключается! Вот почему даже в людях мудрых и справедливых зароняется временное недоверие до той поры, как они убедятся, что подобные действия вполне соответствуют их собственным воззрениям. Со своей стороны, люди благоразумные косятся на такой поступок; за его совершенное противоречие их чувственным понятиям о благополучии, потому что всякий героический поступок измеряется своим презрением благ внешних. Когда же, напоследок, и внешние блага не обходят героя, тогда и осторожные люди принимаются величать и восхвалять его до небес [638].

Много ли есть в наш век личностей великих, доблестных? – спрашивал мыслитель. Нет, нет между нами ни мужчин, ни женщин, способных дохнуть обновлением на нашу жизнь, на наш общественный быт! Нервы и сердце человека высохли, и все мы стали робкими, оторопевшими плаксами. Мы боимся правды, боимся счастья, смерти, боимся один другого. Большая часть людей нам современных оказываются до того несостоятельными, что они не в состоянии удовлетворять своим собственным потребностям; их самолюбивые притязания стоят в разительной противоположности с их действительным могуществом, которое со дня на день хилеет и оскудевает. Все мы – ратоборцы гостиных, а когда нужно сразиться с судьбою, мы благоразумно обращаемся вспять, не понимая, что в таком-то именно бою и крепнут силы [638, с. 7].

Р. Эмерсон считал, что бояться чрезмерного влияния достойных – непростительно. Будем служить великому, – писал он, – не опасаясь унижения, не пренебрегая ни малейшею услугою, оказанною ему. Сделаем членами его тела, дыханием его уст, отрешимся от самолюбия. Что заботиться о нем, если с каждым днем становишься выше и благороднее? Прочь с ней, с презрительною дерзостью какого-нибудь Босвелля! Благоговение гораздо возвышеннее жалкой гордости, которая все держит себя за подол. Отрешись от себя, иди вслед за другим: в отношении души – за Христом; в философии – за Платоном; в поэзии – за Шекспиром; в естествознании – за Декартом. Избранное стремление не остановится, и самые силы

твоей инерции, опасения, любви не задержат тебя на пути. Вперед, и всегда и вечно – вперед! [638, с. 224].

Опираясь на идеалистическую и религиозную политическую и философскую мысль, Т. Карлейль и Р. Эмерсон обосновывали историю результатом творчества героических личностей, «ее локомотивов».

По новому проблемы героического раскрываются в концепциях итальянского философа *Джамбаттиста Вико* и одного из классиков немецкой философии *Георга Вильгельма Фридриха Гегеля*. Дж. Вико в работе «Основания новой науки о природе наций» раскрывал непосредственную связь исторического процесса и героического, которые он представлял как один из его этапов [91]. Гегель, разделяя эти идеи и изображая героическое в мире древних эллинов, определял его как формообразующий, основополагающий принцип героев, характерный для догосударственного периода [112].

Особый и весьма специфический вклад в разработку теории лидерства внес великий немецкий философ *Фридрих Ницше*. В известных произведениях «Так говорил Заратустра», «Антихрист. Проклятие христианству», «Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей», «По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего», «Человеческое, слишком человеческое», «Сумерки идолов» он сформулировал несколько тезисов, которые затем получили широкое развитие в политической и социологической науках. Во-первых, он объявил волю к власти движущей силой истории и видел в ней творческий инстинкт, который проявляется прежде всего у выдающихся личностей (лидеров), которые не только стремятся к власти, но, обладая сверхчеловеческими качествами, и преодолевают инстинкт толпы.

Второй тезис касается природы лидерства как иррациональной, инстинктивной силы, связывающей лидера и его сторонников. Во-третьих, Ф. Ницше попытался доказать необходимость формирования высшего биологического существа с выдающимися личностными качествами, создать принципиально новую модель суперлидера – сверхчеловека. «Сверхчеловек есть смысл земли. Пусть же ваша воля говорит: «Да будет сверхчеловек смыслом земли!!» [396, с. 8].

Ф. Ницше был убежден, что «Бог умер» [396, с. 8], и ему на смену обязательно придет сверхчеловек. Это будет сильная, волевая, развитая и красивая личность, возвышающаяся над человеком так же, как тот превосходит обезьяну. «Что такое обезьяна для человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором» [396, с. 8]. Это море, в котором может потонуть человеческое презрение [396, с. 9]. Важнейшая задача сверхчеловека – создание новых ценностей, которые понимают и принимают сильные мира сего. Массы должны исполнять то, что предназначено элитой. По мнению Ф. Ницше, «умерли все боги; теперь мы хотим, чтобы жил сверхчеловек» – такова должна быть в великий полдень наша последняя воля!» [396, с. 57].

Что же придет на смену несуществующему уже божеству? Конечно же, это не мог быть просто человек, так как он – всего лишь недоразвитое животное. Новым богом могло стать только существо, действительно наделенное совершенством – сверхчеловек [396]. Сверхчеловек, «белокурая бестия», хищный зверь, ищущий добычу и постоянно жаждущий победы, является, по Ф. Ницше, носителем воли к власти.

Что такое сверхчеловек? В книге «Так говорил Заратустра» изложено учение о существе, призванном служить образцом для подражания и быть целью развития всего человечества. Сверхчеловек – это результат длительного развития общества, личность, намного превышающая современного ей человека по своим физическим и интеллектуальным качествам, это существо, разум которого настолько совершенен, что позволяет управлять телом и волей. Это существо, презирающее мир простых людей и уходящее от него в горы, чтобы достичь

предельного совершенства мыслей и поступков, однако в котором практически отсутствуют морально-нравственные качества и идеалы. Тем более, что современное Ф. Ницше общество испорчено демократией, аморально и преступно. Именно оно и детерминирует формирование испорченных людей.

По мнению Ф. Ницше, сверхчеловек не ограничен нормами существующей морали, общественными обязательствами и предписаниями. Он стоит по ту сторону добра и зла. Он может быть жестоким к обычным людям и снисходительным, сдержанным, нежным, дружелюбным в отношениях с равными себе. Его отличают высокие жизненные силы и стремления. Он утверждает новые ценности и идеалы. Главное в его жизни – воля к власти, подтвержденная силой и могуществом.

«Что хорошо? – писал Ф. Ницше в работе «Антихрист». – Все, что повышает в человеке чувство власти, волю к власти, самую власть. Что дурно? – Все, что происходит из слабости. Что есть счастье? – Чувство растущей власти, чувство преодолеваемого противодействия. Не удовлетворенность, но стремление к власти, не мир вообще, но война, не добродетель, но полнота способностей (добродетель в стиле Ренессанса, *virtu*, добродетель, свободная от морали). Слабые и неудачники должны погибнуть: первое положение нашей любви к человеку. И им должно еще помочь в этом [390, с. 633].

В воле к власти заинтересованы здоровые движущие силы природы и общественной жизни. «Цель человечества, – писал Ф. Ницше в известной работе «Так говорил Заратустра», – лежит в его высших представителях. Человечество должно неустанно работать, чтобы рождал великих людей – в этом, и ни в чем ином, состоит его задача» [396, с. 286].

«Проблема, что я ставлю, – писал мыслитель, – не в том, кто сменит человека в ряду живых существ (человек – конец), а в том, какой тип человека надлежит возвращать, какой наиболее высокоценен, более других достоин жизни, какому принадлежит будущее. Такой высокоценный тип в прошлом нередко существовал на земле – но как счастливый, исключительный случай и никогда – согласно воле. Напротив, его более всего боялись, он, скорее, внушал ужас, и страх заставлял желать, возвращать и выводить обратное ему – домашнее, стадное животное, больное человеческое животное» [390, с. 634]. Лидерами становятся не те, кто физиологически сильнее, а те, кто обладает настоящей волей к власти.

Сверхчеловека надо вырастить, – считал мыслитель, – принеся ради этого какие угодно жертвы. Он предвещал приход «господина земли», вождя, фюрера, который будет способен утвердить на земле порядок. Сверхчеловек у Ф. Ницше является основой новой политической системы. Он превращается в культ великих людей. Государство, – по Ф. Ницше, – это орудие гения, управление им должно доверяться отдельным властелинам, великим личностям, единоличному вождю, фюреру. Государство – средство борьбы за высшую власть, ведения войн, завоеваний. Как утверждают некоторые мыслители, идеи Ф. Ницше о сверхчеловеке, особой касте, высшей расе позднее легли в основу фашистской идеологии. Философ Бертран Рассел опровергал это мнение. Он утверждал, что Ницше считал, что национализм – безумие, что национализм – враждебная культуры болезнь. «Немецкий дух» – это мой дурной воздух, а антисемитизм – запустение немецкого духа [476].

Прообраз сверхчеловека Ф. Ницше видел в римской, арабской, германской, японской аристократии, в гомеровских героях и в скандинавских викингх. Его идеал – Цезарь, Макиавелли, Борджиа, Наполеон. Это сильные люди, не связанные моральными и правовыми нормами. Массы должны таким людям повиноваться. Теоретической моделью сверхчеловека Ницше стал древний персидский пророк и основатель религии зороастризма Заратустра, который и становится главным героем системообразующей книги идеологии сверхчеловека. Немецкий мыслитель рекомендовал всем, кто решил подняться над обыденностью и превзойти свою ущербную человеческую природу, равняться на великого пророка и совершить скачок через пропасть, отделяющую просто человека от сверхчеловека [396].

Ф. Ницше подразделял всех людей на духовную аристократию (лидеров) и подлинных героев – сверхчеловеков, презирающих людей и не дающих им воздействовать на себя, и недочеловеков, чья судьба всю жизнь быть внизу и следовать за лидерами, высшую, сильную и слабую, убогую расу.

Высшая раса – это прежде всего интеллектуальная элита общества, особая порода властвующих людей, обладающих наибольшей волей к власти, сверхлюдей с моралью господ, которым характерна высокая степень самоуважения, возвышенное, гордое состояние души, ради которого можно жертвовать богатством и жизнью. Низшая раса – это жизненно слабые люди, живущие по принципу полезности. Человек, малодушный, мелочный, унижающийся ради своей выгоды – вот типичный представитель расы рабов. Рабская мораль жаждет мелкого счастья, строгость и суровость по отношению к себе – основа морали господ. Выявление сильной и слабой морали, рассчитает Ф. Ницше, заключается в различии моральных ценностей, а не в том, к какой расе принадлежит человек.

Ф. Ницше в работе «Антихрист» утверждал, что «природа отделяет одних – по преимуществу сильных духом, других – по преимуществу сильных мускулами и темпераментом и третьих, не выдающихся ни тем, ни другим – посредственных: последние, как большинство, первые, как элита. Высшая каста – я называю ее кастой немногих – имеет, будучи совершенной, также и преимущества немногих: это значит – быть земными представителями счастья, красоты, доброты. Только наиболее одаренные духовно люди имеют разрешение на красоту, на прекрасное; только у них доброта не есть слабость. Они господствуют не потому, что хотят, но потому, что они существуют; им не предоставлена свобода быть вторыми. Для посредственностей быть посредственностью есть счастье; мастерство в одном, специальность – это естественный инстинкт» [390, с. 685].

Учение Ф. Ницше о сверхчеловеке, и не только о нем, аморально, что бы не говорили его поклонники. Главная идея учения Ф. Ницше – идеал всеобщей, единой и абсолютной морали должен быть отброшен, так как он ведет общество к упадку, а человечество – к вырождению. Сверхчеловек может и должен жить вне и без морали. Она ему не нужна, а нужна только плебеям. Пусть стадо остается приверженным своей системе ценностей, считал Ф. Ницше, но оно лишено права навязывать ее элите, людям высшей расы. Причем проблема морали простого человека и сверхчеловека проходит практически через все произведения мыслителя.

Многие прекрасно знают его знаменитые высказывания:

Мораль – это важничанье человека перед природой.

Должно быть, некий дьявол изобрел мораль, чтобы замучить людей гордостью: а другой дьявол лишит их однажды ее, чтобы замучить их самопрезрением.

Когда морализируют добрые, они вызывают отвращение; когда морализируют злые, они вызывают страх.

В моей голове нет ничего, кроме личной морали, и сотворить себе право на нее составляет смысл всех моих исторических вопросов о морали. Это ужасно трудно – сотворить себе такое право.

«Послушание» и «закон» – это звучит из всех моральных чувств. Но «произвол» и «свобода» могли бы стать еще, пожалуй, последним звучанием морали.

В каждом поступке высшего человека ваш нравственный закон стократно нарушен [393].

В работе «По ту сторону добра и зла» Ф. Ницше показывал глубокую пропасть в противоречивой природе и сущности человека как общественного существа. Нравственность суперчеловека основывается на искренности, открытости, силе и желании помочь человечеству. Ф. Ницше призывал сверхчеловека всегда быть сильным и не сдаваться ни при каких обстоятельствах, бороться во что бы то ни стало. Он против ханжества, лицемерия, фальши

в человеческих отношениях. Таким должен быть, по его мнению, подлинный лидер – сверхчеловек. Когда Ницше говорил о необходимости стать «по ту сторону добра и зла», это надо понимать как призыв к преодолению рабской морали, которая, с его точки зрения, ставит всех на одну доску, любит и охраняет посредственность, препятствует формированию сверхчеловека [395].

Мировоззрение Ф. Ницше насквозь антигуманно. Отрицательное отношение мыслителя к цивилизации и морали порождено страхом, который вызвала Парижская коммуна. «Кого более всего я ненавижу? Сволочь социалистическую, апостолов, которые хоронят инстинкт, удовольствие, чувство удовлетворенности рабочего с его малым бытием, – которые делают его завистливым, учат его мести... Нет несправедливости в неравных правах, несправедливость в притязании на «равные» права... Что дурно? Но я уже сказал это: все, что происходит из слабости, из зависти, из мести» [390, с. 686]. Человек, для Ф. Ницше, – это «грязный поток» [396, с. 9]. Он жалок и уродлив. «Вы совершили путь от червя к человеку, – говорил он о людях, – но многое в вас еще от червя. Некогда были вы обезьяною, и даже теперь еще человек больше обезьяна, чем иная из обезьян. Даже мудрейший среди вас есть только разлад и двойственность между растением и призраком» [396, с. 8].

Отвратительны мужчины: «их глаза говорят – они не знают ничего лучшего на земле, как лежать с женщиной. Грязь на дне их души; и горе, если у грязи их есть еще дух» [396, с. 39]. Отвратительны женщины: «лишком долго в женщине были скрыты раб и тиран. Поэтому женщина не способна еще к дружбе: она знает только любовь. В любви женщины есть несправедливость и слепота ко всему, чего она не любит. Но и в зрячей любви женщины всегда еще есть неожиданность, и молния, и ночь рядом со светом. Еще не способна женщина к дружбе: женщины все еще кошки и птицы. Или, в лучшем случае, коровы. Еще не способна женщина к дружбе» [396, с. 41].

Ф. Ницше считал, что человек – это лишь «канат, закрепленный между зверем и сверхчеловеком, – канат над пропастью. Опасно переходить, опасно быть в пути, опасно оглядываться, опасны страх и остановка. Великое в человеке то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он переход и гибель. Я люблю тех, кто не умеет жить иначе, как погибая, ибо они переходят. Я люблю тех, кто не ищет за звездами основания, чтобы погнаться и сделаться жертвою – а приносит себя в жертву земле, чтобы земля некогда стала землею сверхчеловека» [396, с. 9–10].

Многие прекрасно знают знаменитые изречения Ф. Ницше – «падающего подтолкни», «пусть гибнут слабые и уродливые – первая заповедь нашего человеколюбия. Надо еще помогать им гибнуть. Что вреднее любого порока? – Сострадать слабым и калекам» [390, с. 633]. «Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!» [396, с. 48]. Если человек в чем-то слаб, то не надо ему помогать, а, напротив, надо способствовать его дальнейшему падению. Ничто, по Ф. Ницше, не причиняет такого вреда, как представительные учреждения. Появление их – это опасный симптом упадка здоровых форм жизни. Поэтому полностью отрицал демократию, сравнивал ее с опасной игрой с огнем, так как она порождает такие болезни, как «рабочий вопрос», «социализм» и т. д.

Ф. Ницше утверждал, что эксплуатация не может быть уничтожена, так как она является следствием воли к власти. Его учение наполнено ненавистью к народным массам. Народ мыслитель считал «постаментом для избранных натур». Труд, по его мнению, – это позор, а народ – «рабы», «плебеи», «стадо». Демократию Ф. Ницше считал изобретением людей со слабой волей к власти, с помощью которого они подчиняют себе людей с сильной волей к власти. Ф. Ницше страшила возможность восстания «рабов». Для удержания людей в окопах он предлагал уничтожить демократию и равенство перед законом, ликвидировать права человека и всеобщую мораль, достижения мировой культуры, вернуться назад и утвердить открытое и безраздельное господство касты господ над «стадом рабов». С моралью коллек-

тивизма и сочувствия Ф. Ницше вел постоянную борьбу, нападал на изнеженность буржуа и эмоциональность мелочного торгашества, духовную стадность и равенство демократизма. По его мнению, любое отступление господ от своей твердой позиции по отношению к рабам уже ведет к ослаблению жизнеспособности, к упадку, декадансу, ухудшению расы, породы.

Многие идеи Ф. Ницше были широко использованы в моделях индивида, ориентированного извне, *Дэвида Рисмена* и направляемого изнутри, опирающегося на собственные ценности человека *Юджина Дженингса* [479; 822].

Существенное влияние на развитие современных концепций лидерства оказал французский социолог *Габриель Тард*, который до сих пор плохо известен широкой массе белорусских читателей.

Г. Тард попытался выделить из огромного количества социальных групп наиболее примитивный ее вид, однако существенно влияющий на жизнь общества – толпу, определить и проанализировать ее отличительные признаки. «Прохожие на многолюдной улице, – писал он, – путешественники, сошедшиеся, даже густо набившиеся на пакетботе, в вагоне, за табльдотом, молчащие или не связанные общим разговором, группируются физически, а не в общественном смысле слова... Стоит, чтобы произошел на улице динамитный взрыв, стоит, чтобы возникла опасность крушения судна или поезда, чтобы вспыхнул пожар в отеле, распространилась на ярмарке какая-нибудь клевета против заподозренного барышника, – и тотчас же эти способные к ассоциированию индивидуумы соединяются для стремления к общей цели под давлением общего возбуждения.

Тогда сама собою рождается первая ступень ассоциации, которую мы называем толпой. Через ряд посредствующих ступеней от этого примитивного агрегата, летучего и аморфного мы поднимаемся к толпе организованной, имеющей иерархическое разделение, продолжительную и регулярную жизнь, словом, к той толпе, которую мы называем корпорацией в самом широком смысле этого слова» [527, с. 370–371].

Мыслитель был убежден, что каждая более-менее организованная социальная группа имеет своего лидера. Он писал, что толпу, корпорацию или настоящую ассоциацию создает явный или сокрытый лидер. «С момента, когда масса людей начинает трепетать общим трепетом, одушевляется и идет к своей цели, можно утверждать, что какой-нибудь вдохновитель или вождь, или группа таких вдохновителей, вожаков, среди которых один является активным ферментом, вдохнули в эту толпу свою душу, вдруг ставшую грандиозной, искаженной, чудовищной; и сам вдохновитель нередко первый бывает поражен и охвачен ужасом. Подобно тому, как всякая мастерская имеет своего руководителя, всякий монастырь – своего настоятеля, всякий полк – своего командира, всякое собрание – своего председателя, или, вернее, всякая фракция собрания – своего лидера, точно так же всякий оживленный салон имеет своего корифея в разговоре, всякий мятеж – своего вождя, всякий двор – своего короля, или князя, или князька, всякая кляка – начальника кляки» [527, с. 372–373].

Г. Тард считал, что вожаки, вожди, лидеры приводят в действие толпы. Иногда «толпа, приведенная в движение кучкой воспламененных людей, образующих ядро, обгоняет их и всасывает в себя, и, ставши безголовой, не имеет, как может показаться, вожака; но в действительности она не имеет его в том смысле, в каком тесто, поднявшись, не имеет больше дрожжей. Наконец – существенное замечание – роль этих вожаков тем значительнее и заметнее, чем с большим единодушием, последовательностью и разумом действует толпа, чем более приближается она к нравственной личности, к организованной ассоциации» [527, с. 377].

Сторонники или последователи вожаков, которых Г. Тард считал «толпой», подражают своим вождям. Основным законом общественной жизни, с точки зрения мыслителя, является подражание большинства членов общества лидерам – людям, имеющим определенные личностные качества, совершающим великие дела и навязывающим другим определенные

образцы поведения. В работе «Законы подражания» Г. Тард много внимания уделил созданию теории подражания, которую распространил на все сферы межличностных и групповых взаимодействий. Наиболее типичным видом социального подражания он считал подражание низших слоев высшим. Социальное познание – это прежде всего познание того, как происходит подражание. Оно имеет внутренние (логические) и внешние (внелогические) причины. Среди последних он особо выделял социальные причины, к которым относились религиозные, экономические, политические, эстетические, лингвистические и другие влияния [526].

Вождь, по мнению Габриеля Тарда, – организующее, цементирующее ядро массы, он – ее центр. Общество предстает в виде пирамиды, вершину которой занимает вождь-лидер, ниже расположена группа вождей более низкого уровня, а основание образуют массы. Главный вождь, используя личностные качества, очаровывает толпу, гипнотизирует ее, делает управляемой. Без лидера толпа – обезглавленное чудовище, которое не может самостоятельно действовать; толпу увлекают «не избранники, а отбросы», толпа не рассуждает, она верит лидеру, находится под его обаянием, она презирает слабого лидера и рабски покоряется сильному [527; 528].

Однако имеются и вожаки, которые порождены толпой и зависят от нее. Мыслитель подчеркивал, что ниже всех стоят те «вожаки, которые решаются быть избранниками толпы или терпеть ее над собою; самого низкого качества, бывают и те внушения, которые исходят от них. Почему? Во-первых, потому, что чувства и идеи, наиболее заразительные, естественно обладают наибольшей силой, как среди колоколов наибольшей силой обладают не те, которые лучше или правильнее звучат, а самые большие, звук которых разносится как можно дальше; во-вторых, потому, что наибольшей силой обладают идеи самые узкие или самые ложные, идеи, которые поражают не ум, а чувство, точно так же самыми интенсивными чувствами бывают наиболее эгоистические; вот почему в толпе легче распространить пустой образ, чем абстрактную истину, легче склонить ее к сравнению, чем к разумному соображению, легче внушить ей веру в человека, чем заставить отказаться от предрассудка; и вот почему, – ввиду того, что в толпе удовольствие от поношения кого-нибудь всегда живее, чем удовольствие поклонения, и чувство самосохранения всегда сильнее чувства долга, – свистки скорее раздаются в толпе, чем крики «браво», и порывы паники чаще охватывают ее, чем порывы храбрости» [527, с. 378–379].

Как формируются лидеры? Этот вопрос волновал многих мыслителей того времени. По мнению Г. Тарда, в толпе существует группа отдельно взятых социальных субъектов, которые собирают остальных, увлекают их за собой и управляют ими. Они стоят у истоков всех перемен, нововведений, общественных событий, которые делают историю. Великий лидер, неоднократно подчеркивал Г. Тард в исследовании «Мнение и толпа», высшая случайность, высший источник социального развития [527, с. 260]. Большинство населения не способно к самостоятельному социальному творчеству. Поэтому многие люди, поддаваясь внушению, подражают лидерам и следуют за ними.

Существует несколько методов, которые способствуют формированию лидерства. Чтобы стать лидером, – отмечал Г. Тард, – необходимо производить впечатление, добиваться внушения своих идей социальным субъектам. «Один человек, – подчеркивал мыслитель, – получает власть над другими либо благодаря исключительному развитию воли, хотя при этом ум остается посредственным, либо благодаря исключительному развитию ума или только убеждения, хотя бы характер оставался относительно слабым; либо эту власть дает непреклонная гордость или сильная вера в себя, при которой человек превращает себя в апостола, либо творческое воображение. Нельзя смешивать эти различные способы вести за собой, смотря по тому, который из них преобладает, влияние, оказываемое одним и тем же человеком, может быть прекрасным или пагубным. Эти четыре главных вида влияния –

железная воля, орлиная острота взора и сильная вера, могучее воображение, неукротимая гордость – очень часто соединяются вместе у первобытных народов; отсюда происходит глубокая сила поклонения известным вождям. Но с развитием цивилизации эти свойства разделяются и кроме некоторых исключений, например, Наполеона, начинают постепенно отличаться друг от друга. Так ум изощрается за счет характера, который смягчается, или за счет веры, которая слабеет. Преимущество заключается в тенденции придать характер взаимности действию внушения, которое вначале было односторонним. Кроме того, власть при действии вблизи и при действии на расстоянии приобретает превосходством не одних и тех же качеств. При действии на расстоянии главную роль играет превосходство ума и воображения; при действии вблизи особенно заразительно действует сила решимости, даже зверская, сила убеждения, даже фанатическая, сила гордости, даже безумная» [527, с. 400–401].

Общественное движение, по мнению Г. Тарда, развивается по определенной социальной технологии: лидер-новатор борется с косностью толпы; толпа увлекается инновациями; толпа послушно идет за лидером, подражая ему.

Лидер – это, как был убежден Г. Тард, прежде всего изобретатель. Именно он преодолевает косность толпы, детерминируя общественный прогресс. Если вождь завораживает массу, то это происходит благодаря определенным оригинальным, целенаправленным и экстраординарным действиям, при помощи которых он пытается сформировать политический авторитет. Можно говорить об огромном количестве копий – толпе, воспроизводящих сознание, дух и идеи одного человека – лидера.

Несколько под другим углом рассматривал взаимоотношения лидера и широких народных масс французский психолог, социолог, антрополог и историк, основатель социальной психологии *Гюстав Лебон*, заявивший о наступлении эпохи масс, где главную роль начинает играть толпа. Нам придется считаться с принципиально новой силой, – писал Г. Лебон во всемирно известном труде «Психология масс», – настоящей повелительницей современной эпохи – могуществом масс, которая «представляет собой единственную силу, которой ничто не угрожает и значение которой все увеличивается. Наступающая эпоха будет поистине эрой масс» [306, с. 6].

Великий мыслитель был убежден, что «политические традиции, личные склонности монархов, их соперничество уже более не принимаются в расчет, и, наоборот, голос толпы становится преобладающим. Массы диктуют правительству его поведение, и именно к их желаниям оно и старается прислушаться. Не в совещаниях государей, а в душе толпы подготавливаются теперь судьбы наций» [306, с. 6].

Народные массы не занимаются теоретическими рассуждениями, зато склонны к конкретным действиям. «Благодаря своей теперешней организации, – подчеркивал Г. Лебон, – толпа получила огромную силу. Догматы, только что нарождающиеся, скоро получают силу старых догматов, т. е. ту тираническую верховную силу, которая не допускает никаких обсуждений. Божественное право масс должно заменить божественное право королей» [306, с. 7].

Особое значение для управления любой толпой, для направления ее движения в нужном русле, имеет вождь или лидер. «Лишь только известное число живых существ соберется вместе, – отмечал Г. Лебон в исследовании «Психология масс», – все равно, будет ли то стадо животных или толпа людей, они инстинктивно подчиняются власти своего вождя. В толпе людей вождь часто бывает только вожаком, но тем не менее роль его значительна. Его воля представляет то ядро, вокруг которого кристаллизуются и объединяются мнения. Он составляет собой первый элемент организации разнородной толпы и готовит в ней организацию сект. Пока же это не наступит, он управляет ею, так как толпа представляет собой рабочее стадо, которое не может обойтись без властелина» [306, с. 70–71]. Причем, по мнению французского мыслителя, всех вожаков можно условно подразделить на две категории.

К одной группе относятся «люди энергичные, с сильной, но появляющейся у них лишь на короткое время волей; к другой – вожаки, встречающиеся гораздо реже, обладающие сильной, но в то же время и стойкой волей. Первые – смелы, буйны, храбры; они особенно пригодны для внезапных дерзких предприятий, для того, чтобы увлечь массы несмотря на опасность и превратить в героев вчерашних рекрутов. Таковы были, например, Ней и Мюрат во времена первой Империи. В наше время таким был Гарибальди, не обладавший никакими особенными талантами, но очень энергичный, сумевший овладеть целым неаполитанским королевством, располагая лишь горстью людей, тогда как королевство имело в своем распоряжении дисциплинированную армию для своей защиты» [306, с. 73].

Ко второй категории относятся лидеры, обладающие огромной силой воли. Их упорная воля представляет собой такое бесконечно редкое и бесконечно могущественное личностное качество, которое всех заставляет покоряться. Часто не отдают себе отчета в том, чего можно достигнуть посредством упорной и сильной воли, а между тем ничто не может противостоять такой воле – ни природа, ни боги, ни люди.

В целом Г. Лебон достаточно негативно относится к лидерам: «Обыкновенно вожаки не принадлежат к числу мыслителей – это люди действия. Они не обладают проницательностью, так как проницательность ведет обыкновенно к сомнениям и бездействию. Чаще всего вожаками бывают психически неуравновешенные люди, полупомешанные, находящиеся на границе безумия. Как бы ни была нелепа идея, которую они защищают, и цель, к которой они стремятся, их убеждения нельзя поколебать никакими доводами рассудка. Презрение и преследование не производят на них впечатления или же только еще сильнее возбуждают их. Личный интерес, семья – все ими приносится в жертву. Инстинкт самосохранения у них исчезает до такой степени, что единственная награда, к которой они стремятся, – это мученичество. Напряженность их собственной веры придает их словам громадную силу внушения. Толпа всегда готова слушать человека, одаренного сильной волей и умеющего действовать на нее внушительным образом. Люди в толпе теряют свою волю и инстинктивно обращаются к тому, кто ее сохранил. Часто вожаками бывают хитрые ораторы, преследующие лишь свои личные интересы и действующие путем поблажки низким инстинктам толпы. Влияние, которым они пользуются, может быть и очень велико, но всегда бывает очень эфемерно. Великие фанатики, увлекавшие душу толпы, Петр Пустынный, Лютер, Савонарола, деятели революции, только тогда подчинили ее своему обаянию, когда сами подпали под обаяние известной идеи. Тогда им удалось создать в душе толпы ту грозную силу, которая называется верой и содействует превращению человека в абсолютного раба своей мечты» [306, с. 71–72].

Вожак или лидеров стремятся заставить человека искренне поверить в какую-то идею (религиозную, политическую, социальную), в результате чего их влияние существенно возрастает. Г. Лебон в работе «Психология масс» подчеркивал, что «из всех сил, которыми располагает человечество, сила веры всегда была самой могущественной, и не напрасно в Евангелии говорится, что вера может сдвинуть горы. Дать человеку веру – это удесятерить его силы. Великие исторические события произведены были неизвестными верующими, вся сила которых заключалась в их вере. Не ученые и не философы создали великие религии, управлявшие миром и обширные царства, распространявшиеся от одного полушария до другого!» [306, с. 72].

Великие вожди, которых «не так много в истории» [306, с. 72], подвергали своих сторонников целенаправленному гипнотическому влиянию. А во всех сферах общественной жизни, «если только человек не находится в изолированном положении, он легко подпадает под влияние какого-нибудь вожака. Большинство людей, особенно в народных массах, за пределами своей специальности не имеет почти ни о чем ясных и более или менее опреде-

ленных понятий. Такие люди не в состоянии управлять собой, и вожак служит им руководителем» [306, с. 72].

Роль политических лидеров, особенно в условиях обострения политической ситуации или ухудшения экономического положения, постоянно растет. Поэтому, по мнению Г. Лебон, «вожаки толпы все более и более оттесняют общественную власть, теряющую свое значение вследствие распрей. Тирания новых властелинов покоряет толпу и заставляет ее повиноваться им больше, чем она повиновалась какому-нибудь правительству. Если же вследствие какой-нибудь случайности вожак исчезает и не замещается немедленно другим, то толпа снова становится простым сборищем без всякой связи и устойчивости. В душе толпы преобладает не стремление к свободе, а потребность подчинения; толпа так жаждет повиноваться, что инстинктивно покоряется тому, кто объявляет себя ее властелином» [306, с. 72–73].

Важнейшее качество великого лидера – его обаяние. «Обаяние – это род господства какой-нибудь идеи или какого-нибудь дела над умом индивида. Это господство парализует все критические способности индивида и наполняет его душу удивлением и почтением. Вызванное чувство необъяснимо, как и все чувства, но, вероятно, оно принадлежит к тому же порядку, к какому принадлежит очарование, овладевающее замагнитизированным субъектом. Обаяние составляет самую могущественную причину всякого господства; боги, короли и женщины не могли бы никогда властвовать без него» [306, с. 79].

Г. Лебон предложил оригинальную типологию вожаков. В ее основу он положил следующие основания:

время влияния – краткосрочные, энергичные вожаки (Гарибальди, Марат) и способные к сильному, длительному и стойкому влиянию (основатели религий Христос, Магомет и т. д.);

способ воздействия – использующие утверждение, повторение и заражение (подражание);

обаяние – приобретенное, связанное с богатством, именем, репутацией и т. д.;

личностное – магическое очарование (Будда, Магомет, Наполеон) и детерминированное успехом в делах и битвах [306].

Широкое распространение получила еще одна типология Г. Лебона. Ученый в работе «Психология социализма» предложил несколько типов политических проповедников социалистической религии, *апостолов*, как он их называет, и главных факторов, влияющих на распространение новых учений – несбыточных мечтаний, слов и формул, утверждений, повторений, обаяния и заразительности.

«Социализм, может быть, восторжествует на короткое время, – отмечал мыслитель, – главным образом благодаря своим проповедникам. Одни лишь они, эти убежденные люди, имеют рвение, необходимое для создания веры – этой магической силы, преобразившей в разные времена мир. Они владеют искусством убеждать, искусством одновременно и тонким и простым, законам которого ни в каких книгах выучиться нельзя. Они знают, что толпа ненавидит сомнения, что она понимает только крайние чувства: энергичное утверждение или такое же отрицание, горячую любовь или неистовую ненависть. Они знают, как возбудить и развить эти чувства» [308, с. 123].

Апостолы, – отмечал Г. Лебон, – всегда представляют собой религиозно настроенный ум, одержимый желанием распространить свое верование; но вместе с тем и прежде всего это ум простой, совершенно неподдающийся влиянию доводов разума. Его логика элементарна. Законы и всякие разъяснения совершенно недоступны его пониманию. Можно составить себе вполне определенное понятие о его воззрениях, просмотрев интересные выдержки из ста семидесяти автобиографий воинствующих социалистов, напечатанных недавно одним писателем из их среды, Гамоном. Среди них находятся люди, исповедующие крайне различные между собой учения; так, анархизм представляет собой не что

иное, как крайнюю форму индивидуализма, по которой всякое правительство подлежит уничтожению, и каждый человек должен быть предоставлен самому себе, между тем как коллективизм рекомендует полное подчинение человека государству. Но на практике это различие, впрочем едва замечаемое проповедниками, совершенно исчезает. Последователи разных форм социализма проявляют одну и ту же ненависть к существующему общественному строю, капиталу, буржуазии и предлагают одни и те же средства для их разрушения. Самые мирные секты социализма добиваются только конфискации богатств у их обладателей; самые боевые, кроме такого грабежа, настаивают еще и на истреблении побежденных [308, с. 124–125].

Первый тип апостолов – это проповедники, убежденные в том, что они ведут людей к новой жизни, новой вере, «мессии», апостолы религиозных, социальных или сугубо политических верований. Это харизматические лидеры, обладающие именно теми качествами, которые востребованы массой. «Эти убежденные люди, – писал Г. Лебон, – имеют рвение, необходимое для создания веры – этой магической силы, преобразившей в разные времена мир. Они владеют искусством убеждать, искусством одновременно и тонким и простым, законам которого ни в каких книгах выучиться нельзя. Они знают, что толпа ненавидит сомнения, что она понимает только крайние чувства: энергичное утверждение или такое же отрицание, горячую любовь или неистовую ненависть. Они знают, как возбудить и развить эти чувства» [308, с. 123]. Такие лидеры – как бы «прообраз толпы», они «несут в себе все ее основные свойства». В известном исследовании «Психология социализма» он отмечал: «Необязательно число этих апостолов должно быть очень велико для выполнения их задачи. Надо вспомнить, какое небольшое число ревнителей было достаточно для возбуждения столь крупного движения, как крестовые походы – события, быть может, более чудесного, чем насаждение какой-либо религии, так как миллионы людей были доведены до того, что бросили все, чтобы устремиться на Восток, и возобновляли не раз это движение, несмотря на самые крупные неудачи и жесточайшие лишения» [308, с. 123].

Такие люди появляются главным образом из среды умов, одаренных религиозным инстинктом, характерным тем, что человек чувствует потребность подчиняться какому-либо существу или символу веры, и жертвовать собой для торжества предмета своего поклонения. Эти люди загипнотизированы своей верой. Они готовы на все жертвы для ее распространения. Целью своей жизни ставят воплощение этой веры в политическую реальность. «Апостолы» находятся как в полубреду, изучение их требует патологического исследования их умственного состояния, но, несмотря на это, они всегда играли в истории громадную роль. Г. Лебон особо подчеркивал внешнюю «простодушную наивность» этих людей. «Ничто их не затрудняет, – пишет исследователь. – Для них ничего нет легче, как перестроить общество: стоит только свергнуть революционным путем правительство, отнять социальные богатства у их обладателей и предоставить все в распоряжение всех... Общество, в котором исчезло различие между капиталистом и работником, не нуждается в правительстве» [308, с. 125].

В поведении таких лидеров особенно выделяется жажда разрушения: по-видимому, почти во все времена имел силу общий психологический закон, по которому нельзя быть апостолом чего-либо, не ощущая настойчивой потребности кого-либо умертвить или что-либо разрушить [308, с. 126–127].

Проповедники представляют собой первобытные и мистические умы, совершенно не способные рассуждать, поглощенные религиозным чувством, которое заглушило у них всякую мыслительную способность. Они действительно очень опасны, и общество, не желающее быть разрушенным ими, должно старательно их удалять из своей среды. Но умственное их состояние гораздо более подлежит ведению психиатра, чем криминалиста, – подчеркивал Г. Лебон [308, с. 129–130].

Второй тип апостолов – *случайные фанатики*. Это более умеренные фанатики одной идеи, своего рода «моноидеисты» в определенных ситуациях. У них существует свой «пунктик», своя «идея фикс», но она проявляется не постоянно. Г. Лебон писал о них: «Повседневно встречаются очень умные люди, даже выдающиеся, теряющие способность рассуждать, когда дело касается некоторых вопросов. Увлеченные тогда своей политической или религиозной страстью, они обнаруживают изумительное непонимание и нетерпимость. Это случайные фанатики, фанатизм которых становится опасным лишь тогда, когда его раздражают. Они рассуждают с умеренностью и ясностью обо всем, кроме тех вопросов, которые соприкасаются с охватившей их страстью – единственным руководителем их в этих случаях. На этой ограниченной почве они встают со всей яростью преследования, свойственной настоящим проповедникам, которые находят в них в критические моменты помощников, полных ослепления и пылкого усердия» [308, с. 131]. В обычное время, в обычных условиях это могут быть вполне нормальные с виду люди, однако при возникновении соответствующих экстремальных обстоятельств (возникновение массы, появление «апостола» и т. п.) в них просыпается дремлющая фанатичная сущность. И тогда они – самые верные и надежные «помощники апостолов», их приспешники и ближайшие подручные, часто движимые яростью и манией преследования.

Третий тип проповедников принадлежит к кластеру дегенератов. «Занимая, благодаря своим наследственным физическим или умственным порокам, низшие положения, из которых нет выхода, они становятся естественными врагами общества, к которому они не могут приспособиться вследствие своей неизлечимой неспособности и наследственной болезненности. Они – естественные защитники доктрин, которые обещают им и лучшую будущность, и как бы возрождение. Эти уродливые жертвы наследственности, которыми мы займемся в главе о «неприспособленных», значительно пополняют ряды проповедников. Особенность наших современных цивилизаций заключается, несомненно, в том, что они создают и, по странной иронии гуманности, поддерживают с самой близорукой заботливостью все более и более возрастающий запас разных общественных отбросов, под тяжестью которых рухнут, быть может, и сами эти цивилизации» – отмечал Г. Лебон [308, с. 132–133]. У данного типа мало фанатизма, нет увлечения одной идеей и даже стойкости веры. Здесь все решает чувство обиды на жизнь и личная заинтересованность в ее изменении.

Четвертый тип лидеров массы, обычно приходящий на смену «вожакам» и овладевающий массой после того, как фанатики ее сформировали и основательно «разогрели», – обычные тираны или *диктаторы*. Это лидеры, усмиряющие и организующие массу, подбирающие власть и пользующиеся плодами того, что уже сделала для них толпа. Основное их качество заключается в том, что они умеет заставить массу любить и бояться. «Фанатики и тираны всех времен всегда без затруднений находили толпу, готовую идти на смерть в защиту какого угодно дела. Толпа никогда не высказывала упорного сопротивления никакой тирании – религиозной или политической, тирании живых или тирании мертвых. Чтобы овладеть толпой, достаточно заставить ее полюбить себя или возбудить боязнь к себе. Этого скорее можно достичь обаянием престижа, чем силой. В редких случаях – минутные вспышки неистовства толпы, и гораздо чаще – ее слепая покорность – суть две взаимно противоположные характерные ее черты, которые не следует разделять, если хочешь понять душу народных масс. Проявления неистовства толпы подобны шумным волнам, поднимающимся в бурю на поверхности океана, но не нарушающим спокойствия в глубине его» [308, с. 135–136].

Русский социолог и философ *Николай Михайлович* в работах «Герои и толпа», «Научные письма (к вопросу о героях и толпе)», «Патологическая магия», «Еще о героях», «Еще о толпе» предложил свою оригинальную субъективную теорию взаимоотношения «великих людей», «героев» и «толпы». Концепция посвящена феноменологии изменения пове-

дения человека в большой неорганизованной группе (толпе), роли великих людей (героев) в этом сложном общественном процессе. Социокультурными основаниями возникновения теории «героев и толпы» стали разочарование русской либерально-демократической интеллигенции в проходимых в стране реформах, развитие политически оппозиционных настроений, предчувствие смены правящего режима и всего образа жизни в силу бурного развития капитализма, наступление «века масс» взамен эпохи «просвещенного народа». В труде «Герои и толпа» автор обосновал тезис о том, что условия жизни современного общества обрекают массу на нищенское существование, узость интересов и односторонность духовной деятельности. Опустошенное сознание и обессиленная воля превращает массу в толпу; лидер (герой) увлекает толпу на подвиг или преступление. Основной задачей исследования знаменитого русского ученого и публициста стало выявление тех или иных личностных качеств, параметров и характеристик, позволяющих человеку стать «героем», описание различных типов «толп» и их деятельности, выяснение характера отношений героя и толпы, условий возникновения этих отношений.

Следует отметить, что политические и социологические основания формирования теории героев и толпы рефлексировались самим мыслителем. В те годы он без прежнего оптимизма смотрел на будущее России, отмечал ее «зародышевое состояние», которое может «повернуть в разные стороны, как хорошие, так и дурные». В значительной степени эта перемена взглядов связана с общественной ситуацией 80-х годов XIX в., когда началась самая настоящая травля интеллигенции. По утверждению Н. Михайловского, обращение в это время к проблематике «героев и толпы» имело для него прежде всего личностный смысл – так как именно в эпоху реакции, когда каждый «засосан мелкой и узкой действительностью», актуализируется извечное человеческое стремление к идеалу. Таким идеалом для всего поколения Н. К. Михайловского стало желание – при известной увлеченности анализом объективных причин социальных явлений и нередких отсылках к «естественно-научным» основаниям прогресса, – самому стать активным субъектом истории, противопоставить активное вмешательство личности, воодушевленной сознательно намеренными и нравственными целями, «естественному ходу вещей». Именно поэтому тема «героев и толпы» стала для исследователя саморефлексией положения того поколения либерально-демократической интеллигенции, которое в то время оказалось наиболее чувствительным к факту, что в русской общественной жизни «слова остались, животворящий дух исчез» [40].

В работе «Еще о героях» Н. Михайловский особо подчеркивал, что «всякий, кто говорит о великом человеке, говорит о его влиянии на массу в составе или современников или на потомство. И, наоборот, всякий рассуждающий о каком бы то ни было массовом движении, по необходимости указывает его вождей. Но роль, отводимая этим двум факторам общественной жизни различными исследователями, крайне различна. Одни полагают, что история совершается коллективной безымянной массой, по отношению к которой так называемые великие люди являются лишь простыми представителями выраженных или не выраженных полномочий, почти прислужниками, хотя они и имеют подчас вид повелителей. По другому воззрению, напротив, человечество всем обязано исключительно великим людям, и сама история есть нечто иное, как «биография великих людей» [367, с. 366–367]. Н. Михайловский в своих работах пытается доказать, что ни первое, ни второе выражения не совсем верны, а истина находится где-то посередине.

Герой в труде «Герои и толпа» Н. Михайловского – это не первый любовник романа и не человек, совершающий великий подвиг. Наш герой может, пожалуй, быть и тем и другим, но не в этом заключается та его черта, которой мы теперь интересуемся. Наш герой просто первый «ломает лед», как говорят французы, делает тот решительный шаг, которого трепетно ждет толпа, чтобы со стремительной силой броситься в ту или другую сторону. И

не сам по себе для нас герой важен, а лишь ради вызываемого им массового движения. Сам по себе он может быть, как уже сказано, и полоумным, и негодяем, и глупцом, нимало не интересным. Для меня очень важно во избежание разных возможных недоразумений, чтобы читатель утвердился на этом значении слова «герой» и чтобы он не ожидал от героев, какие ниже встретятся, непременно чего-нибудь «героического» в том двусмысленном значении, которое обыкновенно соединяется с этим словом [366, с. 100].

Философ утверждал, что герой – это «человек, увлекающий своим примером массу на хорошее или дурное, благородное или подлейшее, разумное или бессмысленное дело. Толпой будем называть массу, способную увлекаться примером, опять-таки высокоблагородным или низким, или нравственно-безразличным. Не в похвалу, значит, и не в поругание выбраны термины...» [366, с. 97].

Н. Михайловский утверждал, что герой делает то, чего хотят люди, и выделял личностные качества, которыми он должен обладать: необычность, возраст, пол, способность воодушевлять и увлекать за собой толпу, активное использование механизмов целенаправленного влияния, мотивации и подражания.

Ученый особое внимание уделял личностным качествам, которыми должен обладать герой. Благодаря им, герой способен совершить невероятные вещи, в том числе повернуть ход истории. Среди важнейших черт героев мыслитель называл:

силу характера и интеллект;

необычность – герой не должен быть наблюдаемым в обыденных ситуациях, так как нет «пророка в своем отечестве»;

возраст – герой может быть и юным человеком;

пол – вождем может быть и женщина, как Жанна Д'Арк;

способность воодушевлять толпу и увлекать за собой. Н. Михайловский неоднократно подчеркивал, что это качество может быть практическим навыком, искусством. Им хорошо владеют агитаторы, ораторы, проповедники, педагоги.

Он задавал вопросы: «Из каких людей составляется «толпа»? В чем заключается секрет их непреодолимого стремления к подражанию? Нравственные ли их качества определяют это стремление, или умственные, или какие другие особенности?» [366, с. 146] и в своих работах пытался образно, с огромным количеством интересных примеров, ответить на эти и многие другие вопросы.

Русский социолог вспоминал, что в условиях средневековой жизни, в ее политическом и гражданском строе, в умственном и нравственном уровне можно найти причины многочисленных средневековых движений. Но «были еще какие-то, нам пока неизвестные, причины, которые обращали людей в автоматы и заставляли их повторять все, что проделывал перед ними какой-нибудь «герой» в нашем условном смысле слова. А читатель знает, что таким героем может быть иногда действительно герой, цвет и краса человечества, а иногда и полоумный или шарлатан. В работе Мишле современник первого крестового похода говорит: «Осуществились слова Соломона: у саранчи нет вождя, но выступает вся она стройно... У этой саранчи не было вождя; единственным вождем, путеводителем и боевым товарищем каждой верной души был Бог... Некоторые не имели сначала никакого желания идти в поход; они смеялись над теми, кто торопился распродать свое имущество, и предсказывали им печальное путешествие и еще более печальное возвращение. А через день сами насмешники, движимые внезапным порывом, отдавали свое имущество за гроши и присоединялись к тем, кого осмеивали» [366, с. 132–133]. Здесь очень характерно передана сила подражания, увлекавшая многих крестоносцев почти помимо воли и сознания.

Чтобы завести толпу, повести людей за собой, «герои» часто использовали танцы, что и сейчас делают руководители некоторых религиозных сект. «Первые известия, – писал исследователь, – о неистовой пляске, или пляске св. Витта относятся к XI веку, последние – к XVI.

Главной ареной этой эпидемии была прирейнская Германия. В XV веке в Италии появился и быстро распространился тарентизм, та же неистовая пляска. Пляски играли существенную роль и в шабаше ведьм. Наконец, в XV веке появляется во Франции знаменитая пляска смерти, или макабрский танец, кладбищенская обстановка и мрачный юмор которого свидетельствуют, что пляшущим было совсем не до веселья» [366, с. 130–131].

Н. Михайловский отмечал и необычную, но необходимую для лидера способность – быть гипнотизером, чтобы повести за собой массы. Неважно, кем является герой – злодеем, полоумным или гением, лишь бы за ним шла толпа.

Мыслитель писал, что громадные массы народа находились в постоянном ожидании вождя. Вожди, герои появлялись, и толпа окружала их царственным почетом. Петр Пустынный был истинно полубог для тех, кто шел за ним. Если бы он захотел, как хотели до и после него многие, то мог бы объявить себя мессией, царем нового Сиона и прочее, вообще усвоить себе самый гордый и фантастический титул; надеть корону и царскую багряницу, как фландрский пророк XII в. Танхелин; объявить себя равным Богу, как Эон де Стелла и прочее [366, с. 133–134].

Н. Михайловский разводил понятия «герой» и «великий человек». «Что такое собственно великий человек? – спрашивал мыслитель. – Полубог, с одной точки зрения, он может оказаться мизинцем левой ноги – с другой. Это и само собой понятно, ибо требования, которые могут быть предъявлены великому человеку мной, вами, пятым, десятым, чрезвычайно разнообразны. Это и в истории случалось, что великий человек для одних был полным ничтожеством в глазах других. Без сомнения, всякий мыслящий человек может и должен выработать себе точку зрения для оценки великих людей в смысле большего или меньшего количества блага, внесенного ими в сокровищницу человечества [366, с. 98].

По мнению Н. Михайловского, великие люди с неба не сваливаются на землю. Они «из земли растут к небесам. Их создает та же среда, которая выдвигает и толпу, только концентрируя и воплощая в них разрозненно бродящие в толпе силы, чувства, инстинкты, мысли, желания» [366, с. 98].

«Герой», по его мнению, может стать «великой личностью» только тогда, когда его действия получают положительную оценку с точки зрения общественного идеала. Эти действия должны соответствовать ценностям эпохи, чтобы «герой» был признан «великой личностью». «Бывает так, – отмечал социолог, – что великий человек своей бессмертной стороной, своей мыслью живет века, и века влияют на толпу, увлекая ее за собой. Но бывает и так, что великий человек мелькнет как падучая звезда, лишь на одно мгновение станет идолом и идеалом толпы, и потом, когда пройдет минутное возбуждение, сам утонет в рядах темной массы. Безвестный ротный командир бросается в минуту возбуждения на неприятельскую батарею и увлекает своим примером оробевших солдат, а затем опять становится человеком, которому цена – грош» [366, с. 99]. В то же время, – отмечал в работе «Научные письма (К вопросам о героях и толпе)» Н. Михайловский, – причины, «сплошь и рядом заставляющие сильных людей бесследно исчезать в темных глубинах житейского моря, заключается в характере общественного строя данной страны» [369, с. 219–220]. Когда говорят о том, что чудеса древнегреческого искусства во многом обязаны рабству, то это действительно так. Рабы освобождали поэтов, художников от тяжелого и изнурительного труда. Блеск русской литературы 40-х годов XIX в. обусловлен крепостным правом, сделавший русских писателей свободными. Однако на одного Эзопа, Эпикура, Шевченко приходилось тысячи затертых дарований, может быть, более талантливых, чем Тургенев [369, с. 220].

Значительный вклад в теорию лидерства внес немецкий социолог *Макс Вебер*. В основе его типологии находилась классификация авторитета лиц, осуществляющих власть. Понимая под лидерством способность «отдавать приказы и вызвать повиновение», М. Вебер различал:

традиционное лидерство, которое основано на вере в незыблемость традиций. Авторитет традиционного лидера опирается на многолетние обычаи. Человек обладает правом на лидерство благодаря происхождению, принадлежности к элите. Личностные качества в данном случае не имеют никакого значения;

рационально-легальное или бюрократическое лидерство, которое основано на вере в законность существующего порядка. Оно возникает в том случае, когда лидером становятся не в силу каких-то особых качеств личности, а с помощью законных бюрократических процедур. В данном случае лидер выступает не как индивид, от которого исходит власть, а как проводник определенной воли, рациональной с точки зрения реализации властных функций;

харизматическое лидерство основано на вере в сверхъестественные качества лидера, который обладает в глазах последователей магической силой. Харизматическое лидерство возникает в критических ситуациях. Со стабилизацией социальной системы оно трансформируется в традиционное или бюрократическое [87].

Идея лидерства у М. Вебера нашла дальнейшее развитие в работе «Парламент и правительство в новой Германии. К политической критике чиновничества и партийной жизни (май 1918)». В ней он впервые использует английское слово «leader» для обозначения нового политического феномена. Парламент, считал он, это место, где происходит отбор лидеров – здесь они выдвигаются как лидеры, но могут быть также лишены государственных постов, если утратят лидерские качества. Парламентская борьба «удаётся людям, наделённым мощным инстинктом политической власти и наиболее ярко выраженными лидерскими качествами, именно они получают шанс занять руководящие посты. Ибо существование партий в стране и все бесчисленные идеальные, а отчасти и материальные интересы которые с ним связаны, настоятельно требуют, чтобы у кормила власти находилась личность, обладающая лидерскими качествами. Следовательно, тогда и только тогда стимул для политических темпераментов и политических талантов пройти сквозь отбор этой конкурентной борьбы» [83, с. 155–156].

В данном исследовании особое внимание М. Вебер уделял личностным качествам как бюрократов, так и политических лидеров. Самостоятельность в принятии решений, организаторские способности, основанные на собственных идеях, ожидаются как от первых, так и от вторых. Но если вышестоящая инстанция упорно настаивает на своем распоряжении, – подчеркивал М. Вебер, – «то не только обязанность, но и честь предписывает подчиненному чиновнику выполнить его так, словно оно соответствует сокровеннейшим его убеждениям, и тем самым показать, что чувство служебного долга превалирует у него над своеволием. При этом безразлично, получает ли вышестоящая инстанция свой императивный мандат от неких «властей», «корпорации» или же «собрания». Так угодно канцелярскому духу. А вот политический лидер, который будет так действовать, заслужит презрение. Он зачастую вынужденно заключает компромиссы, что означает жертвует менее важным ради более важного. Если же политический лидер не в состоянии сказать своему господину (будь то монарх или демос): либо я сейчас выполню эту инструкцию, либо уйду, то он не вождь, а жалкий проклейщик (Kleber), как называл людей такого типа Бисмарк. «Над партиями» (что в действительности означает «не борясь за собственную власть») должен находиться чиновник. Борьба же за собственную власть и за вытекающую из этой власти личную ответственность есть жизненная стихия как политика, так и предпринимателя» [83, с. 147–148].

Марксизм предложил принципиально новую модель взаимоотношения лидеров и народных масс. В противовес теориям, рассматривающим лидеров локомотивами истории, двигающими ее вперед, марксизм ограничивал активность и относительную независимость политических субъектов классовыми интересами и исторической необходимостью. Классовая борьба является движущей силой общественного развития, а лидер – лишь сознательный выразитель воли народных масс и политического класса. Его значение в конечном

итоге определяется тем, насколько деятельность находится в соответствии с тенденциями социального прогресса. Политический лидер способен существенно влиять на ход развития событий, ускорять или замедлять реализацию общественных процессов, но не в состоянии изменить ход истории ни при каких обстоятельствах. Если бы в данном месте в данное время не оказалось конкретно этого индивида, то его непременно заменил бы другой человек, но ход истории не изменился бы. В своих произведениях *Карл Маркс* и *Фридрих Энгельс* отмечали определенную возможность относительного дистанцирования политических лидеров от представляемого ими класса и предупреждали рабочих о важности оградить себя от бюрократов.

Видный деятель российского и международного социалистического движения, известный философ *Георгий Валентинович Плеханов* в статье «К вопросу о роли личности в истории» резко критиковал точку зрения, «что личность может явиться великой общественной силой» [450, с. 310]. Он писал, что все субъективисты всегда отводили личности весьма значительную роль в истории. И было время, когда это вызывало большое сочувствие к ним передовой молодежи, стремившейся к благородному труду на общую пользу и потому, естественно, склонной высоко ценить значение личной инициативы. Но в сущности субъективисты никогда не умели не только решить, но даже и правильно поставить вопрос о роли личности в истории. Они противопоставляли деятельность «критически мыслящих личностей» влиянию *законов* общественно-исторического движения и таким образом создавали как бы новую разновидность теории факторов: критически мыслящие личности являлись одним фактором названного движения, а другим фактором служили его же собственные законы. В результате получалась сугубая несообразность, которую можно было довольствоваться только до тех пор, пока внимание деятельных «личностей» сосредоточивалось на практических злобах дня и пока им поэтому некогда было заниматься философскими вопросами. Но с тех пор как наступившее в 80-х годах затишье дало невольный досуг для философских размышлений тем, которые способны были мыслить, учение субъективистов стало трещать по всем швам и даже совсем расплзаться, подобно знаменитой шинели Акакия Акакиевича. Никакие заплатки ничего не поправляли, и мыслящие люди один за другим стали отказываться от субъективизма, как от учения явно и совершенно несостоятельного [450, с. 310–311].

Мыслитель отмечал роль и значение объективных условий для развития истории. Он приводит слова французского историка Моно: «Историки слишком привыкли обращать исключительное внимание на блестящие, громкие и эфемерные проявления человеческой деятельности, на великие события и на великих людей, вместо того, чтобы изображать великие и медленные движения экономических условий и социальных учреждений, составляющих действительно интересную и непреходящую часть человеческого развития, – ту часть, которая в известной мере может быть сведена к законам и подвергнута до известной степени точному анализу. Действительно, важные события и личности важны именно как знаки и символы различных моментов указанного развития. Большинство же событий, называемых историческими, так относятся к настоящей истории, как относятся к глубокому и постоянному движению приливов и отливов волны, которые возникают на морской поверхности, на минуту блещут ярким огнем света, а потом разбиваются о песчаный берег, ничего не оставляя после себя» [450, с. 313–314].

Г. В. Плеханов утверждал, что Французская революция показала, что ход исторических событий определяется далеко не одними только сознательными поступками людей. Уже одно только это обстоятельство должно было наводить на мысль о том, что эти события совершаются под влиянием какой-то скрытой необходимости, действующей, подобно стихийным силам природы, слепо, но сообразно известным непреложным законам.

Общий характер его эпохи для великого человека является «эмпирически данной необходимостью». Однако личные качества лидеров, несомненно, играют важную роль и в случае, когда лидер знает объективную направленность событий и может в определенной степени влиять на них.

История, по мнению Г. В. Плеханова, определяет индивидуальную физиономию исторических событий, и элемент случайности всегда играет некую роль в ходе этих событий, направление которых в конечном счете определяется общими причинами. Вслед за Т. Карлейлем он называл политических лидеров начинателями. «Великий человек является именно начинателем, потому что он видит дальше других и хочет сильнее других. Он решает научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества, он указывает новые общественные нужды, созданные предыдущим развитием общественных отношений, он берет на себя почин удовлетворения этих нужд. Он – герой. Не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода. В этом – все его значение, в этом – вся его сила. Но это – колоссальное значение; страшная сила.

Что такое естественный ход событий? Бисмарк говорил, что мы не можем делать историю, а должны ожидать, пока она сделается. Но кем же делается история? Она делается *общественным человеком*, который есть ее *единственный «фактор»*. Общественный человек сам создает свои, т. е. общественные, отношения. Но если он создает в данное время именно такие, а не другие отношения, то это происходит, разумеется, не без причины; это обуславливается состоянием производительных сил. Никакой великий человек не может навязать обществу такие отношения, которые *уже* не соответствуют состоянию этих сил или *еще* не соответствуют ему. В этом смысле он не может делать историю, и в этом случае он напрасно стал бы переставлять свои часы: он не ускорил бы течения времени и не повернул бы его назад» [450, с. 333].

Революционер подчеркивал, что «таланты являются всюду и всегда, где и когда существуют общественные условия, благоприятные для их развития. Это значит, что всякий талант, проявившийся в действительности, т. е. ставший общественной силой, есть плод общественных отношений. Но если это так, то понятно, почему талантливые люди могут, как мы сказали, изменить лишь индивидуальную физиономию, а не общее направление событий; они сами существуют только благодаря такому направлению; если бы не оно, то они никогда не перешагнули бы порога, отделяющего возможность от действительности» [450, с. 330].

Классики марксизма *Владимир Ильич Ленин* и *Иосиф Виссарионович Сталин* дальше развивали классовые концепции взаимодействия политических лидеров и народных масс. «Массы, – писал В. И. Ленин в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», – делятся на классы; классами руководят обычно политические партии; политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями» [313, с. 24]. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что ни один политический класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал политических вождей, способных организовать политическое движение и руководить им. Вождь пролетариата постоянно разъяснял, что для организации миллионов, значение лидера чрезвычайно велико, и для того, чтобы перевернуть Россию, нужны революционные лидеры с героическим духом, овладевшие марксистской теорией, народные трибуны, готовые к великим революционным свершениям. Является ли партия рабочей, зависит не только от того, состоит ли она из рабочих, но также от того, кто ею руководит [313]. В то же время В. И. Ленин категорически отрицал возможность диктатуры партии или вождей, называл подобные предпо-

ложения «смешным ребяческим вздором, чем-то вроде спора о том, полезнее ли человеку левая нога или правая рука» [313, с. 30–31].

Одним из первых, кто трактовал природу политического лидерства с психологической точки зрения, был известный австрийский психолог *Зигмунд Фрейд*. Он попытался проанализировать лидерство как сложнейший механизм психологического взаимодействия людей, исследовать мотивы поведения личности в различных ситуациях. З. Фрейд был убежден, что цивилизация – это сублимация влечений человека, особенно подсознательных, и прежде всего сексуальных.

В целом учение Фрейда основано на двух доктринах: бессознательное лежит в основе всех явлений человеческой психики (оговорки, описки, ошибки памяти являются тому подтверждением); бессознательное первично перед сознанием.

Любое психическое явление, по мнению ученого, имеет в своей основе определенную причину. Поведение человека во многом зависит от бессознательных процессов и определяется двумя движущими силами: инстинктом секса, жизни (эрос) и инстинктом агрессии, разрушения, смерти (танатос). Психическая жизнь личности – это поле борьбы трех основных инстанций: «оно» (id) – источник сексуальных и агрессивных желаний, требующих немедленного удовлетворения, «я» (ego) – ориентация на реальный внешний мир и определение разумных путей удовлетворения этих желаний и Сверх-Я (superego) – моральные принципы, собственно сознание человека. Э. Фрейд даже предложил подразделить всех людей на типы, выделив «эротический» тип, к которому относились бы люди, у которых доминируют инстинктивные потребности. Оно, «нарциссический» тип, где центральным является Я, и «компульсивный» тип, в котором Сверх-Я контролирует личность.

Человеческие инстинкты – это преимущественно бессознательное влечение сексуального характера (либидо). «Либи́до, – писал З. Фрейд в исследовании «Массовая психология и анализ человеческого «я», – это выражение, взятое из учения об аффективности. Мы называем этим термином энергию таких влечений, которые имеют дело со всем тем, что можно охватить словом *любовь*. Эта энергия рассматривается, как количественная величина, хотя в настоящее время она еще не может быть измерена. Ядром понятия, называемого нами любовью, является то, что вообще называют любовью и что воспевают поэты, т. е. половая любовь, имеющая целью половое соединение. Но мы не отделяем от этого понятия всего того, что причастно к слову любовь: с одной стороны, себялюбие, с другой стороны – любовь к родителям и к детям, дружба и всеобщее человеколюбие, а также преданность конкретным предметам и абстрактным идеям» [567].

Либи́до с детства в условиях семейной жизни определяет мотивационный ресурс личности. По мнению Фрейда, оно постоянно подавляется «социокультурной» средой вследствие социализации личности, принятия ею норм морали. Импульсам, порожденным инстинктами, преграждается вход в сознание, но заряд «психической энергии» не снимается. Он ищет обходные пути для своей реализации, что оборачивается невротизмом. Возникающая при этом невротизация может служить предпосылкой того, что индивид начинает искать способы самоутверждения и стремиться к лидерству в различных сферах, кроме, разумеется, сексуальной, причем это характеризуется крайне нервным поведением, психологическими срывами, стремлением унижить других во имя превратно понимаемого собственного «возвеличивания» [566; 568]. Такими невротиками, маньяками и параноиками, по Фрейду, были многие великие личности, политические лидеры, настоящие гении. Среди их инстинктов преобладало стремление господствовать над другими. Подавленное сексуальное либи́до формирует у них психологическое напряжение, которое компенсируется жаждой власти, обладанием властных полномочий, позволяющих избавиться от различных комплексов.

Проблема разрешения сексуальных импульсов имела, по Фрейду, решающее значение не только в индивидуальном развитии человека, но и в историческом процессе. В этом кон-

тексте он рассматривал возникновение государства, религии, морали, этических норм. Он согласен с Ч. Дарвиным, что первобытной формой человеческого общества была орда, над которой неограниченно властвовал сильный самец. Судьба этой орды оставила неизгладимые следы в истории человечества. Развитие тотемизма, охватывающего зачатки религии, нравственности и социального расчленения, связано с насильственным убийством вождя и превращением отцовской орды в братскую общину. Человеческие массы показывают нам опять-таки знакомую картину властного самодержца среди толпы равных между собой товарищей. Психология этой массы соответствует регрессии до примитивной душевной деятельности, которую можно было бы приписать именно первобытной орде [567].

Вождь этой орды был первобытным отцом, которого любили и боялись одновременно. Вождь, по Фрейду, заменяет массе отца. Утрата вождя приводила массы к панике. Вождь может быть заменен абстрактной идеей, в которой выражается желание массы. Масса, имеющая вождя, является более «первоначальной» и совершенной, чем масса, не имеющая его. Масса подражает вождю через механизм идентификации или отождествления [567].

З. Фрейд был убежден, что «только влияние исключительных личностей, которых масса признала своими вождями, может заставить ее обратиться к полезной работе... Но они стоят перед опасностью, из боязни потерять свое влияние, в большей степени подчиняться массам, чем массы подчиняются им; поэтому представляется необходимым, чтобы такие люди были независимы от массы» [567].

Согласно ученому, любое общество развивается под определяющим воздействием великих лидеров. З. Фрейд в духе Г. Лебона рассматривал лидера как гипнотизера, воздействующего на последователей. Он утверждал, что гипнотизер обладает таинственной силой, лишающей субъекта его собственной воли, или, что то же самое, субъект верит в то, что гипнотизер обладает такой силой. Эта таинственная сила – в публике ее часто называют магнетизмом – должна быть той силой, которая являлась для первобытных народов источником табу, т. е. силой, исходящей от начальников, благодаря которой к ним опасно приближаться [567].

Психолог был убежден, что массы нуждаются в авторитете лидера, аналогичном авторитету отца семейства. «Огромное большинство людей испытывают жгучую потребность в авторитетах, перед которыми они могли бы преклоняться, которые господствуют над ними, а иногда и дурно обращаются с ними. Из психологии мы узнаем, откуда идет эта потребность масс. Она идет от тоски по отцу, которая живет в каждом из нас с детских лет... все черты характера, которыми мы наделяем великую личность, являются отцеподобными чертами, и в этом отцеподобии и заключается до сих пор ускользающая от нас сущность великой личности» [567].

Качествами вождя, по Фрейду, являются следующие:

он никого не любит, кроме себя (за исключением тех, кто служит его потребностям; а любовь к себе у него доведена до нарциссического любования);

он самоуверен и самодостаточен;

имеет большую силу;

обладает свободой сексуального наслаждения;

подавленная сексуальность сублимируется в стремление к власти, к лидерству;

это стремление к власти представляет собой форму невроза;

желание власти является проявлением мужественности и активности, а мазохистское стремление подчиняться – женственности и пассивности [43; 567; 569].

Теорию Фрейда в целом, лидерскую в частности, развил и своеобразно дополнил другой известный представитель школы психоанализа – швейцарский психолог, автор учения о «коллективном бессознательном», основатель аналитической психологии *Карл Юнг*. Несмотря на то, что многие исследователи считают его учеником З. Фрейда, психоаналити-

ческая концепция К. Юнга во многом противоречит фрейдизму. По мнению Юнга, Фрейд примитивизировал мотивацию человеческого поведения. К. Юнг был убежден, что поведение лидеров определяется не только его желаниями, но и системой целей, выработанной его опытом, всей его жизнью.

Юнг ввел понятия психологических типов личности («архетипы» – врожденные особенности психического постижения объекта), а также экстравертности (ориентация на внешний, реальный мир) и интровертности (ориентация на духовный, внутренний мир), причем доминирование той или иной составляющей зависит от определенности и предсказуемости ситуации. Психика каждого человека наделена и экстраверсией, и интроверсией, только перевес того или другого определяет мыслительный тип личности [645].

Вслед за З. Фрейдом проблему лидерства в психологическом стиле разрабатывали его последователи Карл Густав Юнг, Эрик Фромм, Теодор Адорно, Альфред Адлер, Отто Ранк, Серж Московичи, Пауль Федерн, Исидор Задгер, Макс Эйтингон, Карл Абрахам, Абрахам Брил, Эрнест Джонс, Эдвард Гловер, Шандор Ференци. Для К. Юнга лидер – это личность, которую ведут «голоса» из подсознательного. Э. Фромм системообразующим качеством любого лидера считал мощное стремление к удовлетворению собственных садистско-мазохистских влечений. Т. Адорно называл доминирующую личность бунтовщиком и психопатом, которая активно сублимирует свой Эдипов комплекс. С. Московичи понимал под харизматическими лидерами тех, кем постоянно восхищаются и кто в итоге оказывается человеком с существенными отклонениями в поведении. В интерпретации ученика и друга З. Фрейда Ганса Сакса общественная жизнь вообще приобретала формы массовой патологии [12; 381; 382; 573; 574; 645].

Более поздние теоретики лидерства Гарольд Лассуэл, Эрик Эриксон, Даниэль Ранкур-Лаферриер, Гордон Олпорт, Генри Мюррей также постоянно использовали в своих исследованиях концепцию З. Фрейда. И. Никкербоккер почти дословно воспроизводит фрейдовскую интерпретацию лидерства: «У каждого из нас был отец, фигура, обладавшая престижем, наделявшаяся магическими качествами. Многие из нас находили безопасность в этой фигуре. И поскольку мы продолжаем нуждаться в безопасности, может быть, продолжаем нести с собой с детства символ отца, лидера» [цит. по: 26, с. 20].

Фрейдистский подход к объяснению природы лидерства не дает четкого и однозначного ответа на главный вопрос, почему часто лидерами становятся далеко не лучшие представители общества. Психоаналитическая разработка этой проблемы продолжается до сих пор.

Глава 2

Долгая дорога – от фараонов к президентам

Социологический анализ теоретических подходов классиков социально-политической мысли к природе и сущности лидерства показывает, что оно детерминируется конкретными потребностями людей и их объединений, которые и призваны удовлетворять лидеры, начиная от вождей, фараонов, героев до монархов и президентов. Более детально природу лидерства раскрывают различные теории, которые пытаются определить и предсказать, какие качества и параметры, характеристики и умения лидеров оказываются наиболее эффективными и почему.

Одной из наиболее известных теорий лидерства была и есть *теория великого человека или выдающейся личности*.

Известные исследователи лидерства *Джерольд Гринберг* и *Роберт Бэйрон* в работе «Организационное поведение: от теории к практике» отмечали, что теория выдающейся личности – это представление о том, что лидеры обладают особыми чертами характера, которые выделяют их из числа других людей, и ответственны за их высокое положение в отношении власти и полномочий [134, с. 634]. Идеи о природном превосходстве и особой одаренности великих людей постоянно высказывались различными мыслителями с древних времен – Конфуцием, Платоном, Аристотелем, Н. Макиавелли, Ф. Ницше [21; 22; 252; 253; 336; 392; 394; 396]. В основе данной модели лежала идея о том, что лидер рождается с врожденными, необъяснимыми, а для простых смертных, и непостижимыми качествами и умениями. В результате эти люди возвышаются до уровня героев. Так, древние египтяне приписывали своему императору «божественные черты»: «властное высказывание» в устах, «понимание в сердце», но «язык его – усыпальница справедливости». Гомеровская Илиада раскрыла четыре необходимых, по мнению древних греков, качества вождей: справедливость (Агамемнон), мудрость (Нестор), хитрость (Одиссей) и доблесть (Ахилл) [124].

Директор образовательной программы для лидеров в Школе управления Джона Ф. Кеннеди при Гарвардском университете *Рональд Хейфец* утверждал, что достаточно эффективно и продуктивно теория великого человека начала развиваться в XIX в. [585]. Социально-политические основы данной теории в современном понимании этой дефиниции были заложены в работах *Томаса Карлейля* «Герои, почитание героев и героическое в истории» [222] и *Николая Михайловского* «Герои и толпа», «Научные письма: к вопросу о героях и толпе», «Патологическая магия», «Еще о героях», «Еще о толпе» [585]. Томас Карлейль подчеркивал, что «всемирная история, история того, что человек совершил в этом мире, есть, по моему разумению, в сущности, история великих людей» [222, с. 218]. Подобной точки зрения придерживались Фридрих Ницше, Артур Шопенгауэр, Федор Достоевский [392; 396; 624]. «Самый факт, что в основе всей истории лежат противоречия, противоположности, борьба, войны, – подчеркивал итальянский философ *Антонио Лабриола*, – объясняет решающее влияние определенных людей при определенных обстоятельствах» [299]. Превосходство элит отмечалось в теориях Гаэтано Моска, Вильфредо Парето и Роберта Михельса, выделявших особые личностные их качества [371; 379; 380; 425]. О роли профессиональных политиков в политической деятельности, значении в ней личностных качеств писал *Макс Вебер* в работе «Политика как призвание и профессия» [84]. Новые модели теории черт стали популярными в конце XIX и XX вв. Ральф Стогдилл, Роберт Дафт, Эмери Богардус, Бернард Басс, Уоррен Бенинс, Лоуренс Первин, Оливер Джон утверждали, что лидеры обладают качественно иными по сравнению с другими людьми параметрами, которые позволяют

эффективно осуществлять лидерские функции [146–148; 515; 661; 668; 671; 899; 938; 961; 963].

Подобные лидерские концепции разрабатываются и в настоящее время. Видный американский философ, теоретик прагматизма *Джон Дьюи* утверждал, что развитие общества происходит случайно, «от ситуации к ситуации» на основе импульсов, получаемых от великих лидеров. Небольшое число людей, которые знают, чего они хотят, ведут за собой толпу. Другой американский философ *Сидни Хук*, назвавший свой вариант прагматизма «экспериментальным натурализмом», посвятил проблеме лидерства монографию «Герой в истории»: «История есть творение великих людей, и только лидеры могут влиять на развитие человечества. Если капитализм сумеет выдвинуть сильных и умелых лидеров, то будет снят вопрос о замене его социализмом». Хук фетишизировал роль политического лидера, считая его независимым от народа, от классов. «Вторая мировая война явилась не результатом общего кризиса капитализма, а следствием злой воли Гитлера», – утверждал он. «Культ героя вырабатывается с детства», – повторял он тезис Фрейда. Люди в массе «никогда не освобождаются от зависимости: сначала они зависят от родителей, затем от учителей или кого-либо еще, кто играет определяющую роль... , кто дает ответ на их вопросы». Поэтому «толпа ищет вождя, который играл бы в обществе роль, аналогичную роли отца в семействе» [808].

Можно привести примеры великих людей и в современной истории. Президентом США в 1932 г. был избран *Франклин Делано Рузвельт*, одна из самых ярких фигур середины прошлого столетия. Он получил прекрасное образование, окончив сначала Гарвардский, а затем юридический факультет Колумбийского университета. Молодой Ф. Рузвельт постоянно занимал ответственные посты в крупных фирмах и банковских компаниях. В 1910 г. его избрали в сенат, с 1913 по 1920 г. занимал должность помощника морского министра США.

Жизнь складывалась великолепно, настоящая американская мечта. Однако в 1921 г. он заболел полиомиелитом, после чего были парализованы ноги. Пройдя через горнило физических и духовных страданий, он сначала стал губернатором штата Нью-Йорк, а в конце 1932 г. был избран президентом США. Следует отметить, что в то время на международном горизонте стали появляться первые признаки приближающейся грозы. В Германии демократическим путем пришел к власти Адольф Гитлер, а Японская империя расширила свою агрессию в Китае.

После избрания Ф. Рузвельт получил полномочия, которых до него не имел ни один президент Соединенных Штатов. За первые 11 дней его правления конгресс США принял больше подготовленных президентской администрацией законов, чем за предшествующие 70 лет. Чрезвычайный характер правления соответствовал драматизму ситуации. К 1933 г., когда мировой кризис достиг пика, в США обанкротились 11 из 18 тыс. банков, 17 млн человек не могли найти работу, 2 млн не имели жилья.

Именно Ф. Рузвельт выработал «новый курс», способствовавший поиску и использованию гибких механизмов взаимодействия государства и рыночной экономики, правового регулирования и свободной жизнедеятельности людей. Причем многие законы, легшие в основу «нового курса», интересны и привлекательны. Один из них учредил Гражданский корпус консервации природных ресурсов. Это была первая в истории США программа социальной помощи. Она предполагала создание сети трудовых лагерей, где безработные (в основном молодежь и ветераны) получали кров, одежду, питание, медицинское обслуживание и скромную плату, предназначенную для перевода их семьям. Взамен они проводили работы по лесонасаждению, предотвращению эрозии почвы, прокладке дорог.

Другим законом, принятым в первоочередном порядке, был закон о восстановлении сельского хозяйства: в условиях перепроизводства сельхозпродукции фермерам предоставлялись субсидии взамен сокращения посевных. Еще одна срочная мера – «Акт 1933 года о

чрезвычайной федеральной помощи». Он позволил создать федерально-штатную структуру помощи безработным.

Все эти законы требовали повседневного государственного участия и жесткого контроля. Для реализации задач Ф. Рузвельт создавал новые, невиданные в Соединенных Штатах органы с широчайшими полномочиями. Так, для координации социальных программ учреждалось Управление чрезвычайной федеральной помощи во главе с ближайшим сотрудником президента Гарри Гопкинсом, завоевавшим в короткий срок огромный авторитет в стране благодаря своей неутомимой энергии. Вопросы развития промышленности призвана была решать Национальная администрация, которую возглавил генерал Хью Джонсон.

Организационные структуры, создаваемые Ф. Рузвельтом, да и сам стиль его управления, соответствовали духу эпохи. Военная дисциплина устанавливается в трудовых отношениях, производстве, самой жизни страны. С другой стороны, «чрезвычайщина» позволила стабилизировать положение в стране. Хотя президент самокритично признавал, что принятые меры дали лишь ограниченный эффект.

Таким образом, реформы Ф. Рузвельта ознаменовали прямое вмешательство государства в дела бизнеса. Экономический кризис 1929–1933 гг. показал необходимость государственного регулирования, направленного на сглаживание циклических сдвигов в развитии производительных сил. Тогда же окончательно сформировалась государственная система социальной поддержки: выплата пособий по безработице, пенсий по старости и нетрудоспособности, субсидий на бесплатное или льготное медицинское обслуживание и т. п.

«Новый курс» принес многим людям облегчение, избавил их от последствий депрессии, высвободил огромные народные возможности, закрепил в комплексе законов ценности, которыми американское государство будет гордиться долгие годы. К концу войны все экономические проблемы Соединенных Штатов благополучно разрешились. В том числе и вопрос с безработицей. Если в 1940 г. в Америке насчитывалось 10 млн безработных, то уже к 1943 г. их число снизилось более чем в 10 раз!

Ф. Рузвельт был единственным президентом, избранным на третий и четвертый сроки. Фактически президентство стало для него пожизненным, он умер на этом посту. Причем если четвертое голосование (ноябрь 1944 г.) можно объяснить исключительными условиями войны – «коней на переправе не меняют», то третьи выборы Ф. Рузвельта состоялись еще в 1940 г., когда США занимали весьма странную позицию – война в Европе нас не касается. Тем не менее эти выборы прошли под лозунгом «Спасение нации находится в руках одного человека».

Поклонники Ф. Рузвельта и весь американский народ с огромным уважением относились к президенту страны, весьма показательно отзывались о нем: «величайший вождь», «хозяин», «глава», «великий белый отец». «Несомненно, из всех капитанов современного капиталистического мира Рузвельт – самая сильная фигура», – отзывался о нем летом 1934 г. И. Сталин, указывая на его «инициативу, мужество, решительность» [32; 210; 461].

С течением времени модели поведения лидеров, комплекс их лидерских качеств постоянно менялись. Тем не менее Одиссей и Ганнибал, Персей и Атилла, Чингисхан и Александр Македонский, Спартак и Гай Юлий Цезарь, Петр Первый и Владимир Ленин, Уинстон Черчилль и Джон Кеннеди и многие другие известные личности до сих пор служат подтверждением теории великого человека. Это великие люди, которых знают во всем мире и которыми гордится человечество.

В прошлом столетии возникла одна из старейших теорий лидерства – «теория черт». В первые десятилетия XX в. данная теория была доминирующей. Примерно в то же время была создана концепция черт личности *Гордона Оллпорта*, где черта понималась как устойчивая особенность личности вести себя определенным образом в различных ситуациях [599]. Данный подход широко использовался в теории черт, которую активно разрабатывали

Френсис Гальтон, Эмери Богардус, Ральф Стогдилл, Ричард Манн, Уоррен Бенинс, Эдвин Гизели, Фредерик Адамс Вудс, Эдвард Боргатта, Киви Бирд, Шелли Кирпатрик, Раймонд Кеттелл, Ордуэй Тид, Гарри Юкл, Алан Браймен и другие исследователи [45; 46; 1084 677; 678; 682; 689; 707; 993].

Данная теория основана на предположении, что некоторые люди являются прирожденными лидерами благодаря своим личностным качествам, которых нет у других. Согласно такому подходу, лидерство – удел немногих избранных, не все могут стать лидерами. Способность к лидерству понимается как свойство одаренной личности, которое обеспечивает индивиду центральное положение в любой группе, в любой ситуации. Долгие годы многочисленные работы были направлены на поиск универсального комплекса определенных личностных качеств или характеристик. При этом изучались разные социальные группы (от детей-дошкольников до людей зрелого возраста), разные типы лидеров – от юных правонарушителей до политических и военных лидеров и религиозных деятелей.

Широко использовались различные методы получения и обработки эмпирической информации – наблюдение, биографический (для анализа выдающихся деятелей прошлого и современности), опрос экспертов, социометрия, факторный анализ. Кроме того, во время Первой мировой войны военные психологи создали множество личностных тестов. Использовался и такой прием, как сравнение качеств лидера и последователей. Характерным для исследований было составление комплекса лидерских черт, которые предлагалось оценить как значимые для лидерства: индивидуальных; интеллектуальных, речевых; коммуникативных; энергетического потенциала; мотивационных; связанных с успешностью – альтруистического потенциала. Выбор этих характеристик диктовался личностной позицией исследователей, их собственным пониманием лидерства, представлением о значимости тех или иных качеств и умений для эффективной деятельности лидеров, и отражали:

«позиции здравого смысла»;

дарвиновские представления о сходстве проявлений лидерства в стаде животных и в человеческой группе;

взглядов исследователей «героического» направления XIX в. [43].

Основателем теории черт считается английский исследователь, географ, антрополог и психолог *Френсис Гальтон*. Он в своей работе «Наследственность таланта, ее законы и последствия» попытался выявить качества и параметры, которые отличают лидеров от простых людей, определить алгоритмы их формирования. Являясь двоюродным братом известного ученого *Чарльза Дарвина*, автора теории эволюции видов и происхождения человека, и прекрасно зная его книгу «Происхождение видов», Ф. Гальтон использовал в своих исследованиях идеи кузена о наличии у человека определенных качеств. Он предположил, что людей, как более разумных по сравнению с животными особей, отличают от них два личностных качества. Это прежде всего энергия или работоспособность и чувствительность. Согласно гипотезы Ф. Гальтона, чем умнее человек, тем чувствительнее он к различным ситуациям [108].

Говоря о великих полководцах, Ф. Гальтон утверждал, что прежде, чем стать великими, они пережили огромное количество сражений. Если воин будет убит в первом же бою, то, конечно, никогда не станет великим и его исключительные военные таланты не будут известны всему миру. Большой или маленький рост, особенности телосложения в определенной степени влияют на шансы выжить в ратном сражении. Причем эти шансы Ф. Гальтон попытался вычислить с помощью математических формул. По его мнению, адмирал Нельсон, убитый на 47 году жизни в Трафальгарской битве, был небольшого роста и худого телосложения. Будь он выше ростом и толще, у него было намного больше шансов погибнуть раньше, задолго до своих блестящих побед [108].

Стремясь объяснить индивидуальные особенности людей, Ф. Гальтон ввел в научный обиход дефиницию наследственности. Проанализировал ряд биографий выдающихся людей, он попытался выяснить степени их родства. Из этих исследований Ф. Гальтон сделал вывод, что интеллектуальные способности в значительной степени определяются наследственными факторами. Ученый построил шкалы умственных способностей, и показывал, что в среднем умственные способности человека, занимающего более высокое положение в обществе выше, чем у того, чье положение на сословно-профессиональной лестнице ниже. Таким образом, выводы Ф. Гальтона косвенно оправдывали сословную систему организации общества. Свои заключения он перенес и на умственные различия рас. Для измерения психофизических различий Ф. Гальтон сконструировал специальные приборы (ультразвуковой свисток, позволяющий определять слуховую чувствительность и др.). Исследователь разработал приемы определения способностей, послужившие основой системы тестов, предложил методы статистической обработки данных, в частности метод определения корреляций между измеряемыми величинами [108].

Ф. Гальтон и его последователи попытались доказать, что лидеры имеют какой-то уникальный набор достаточно устойчивых и не меняющихся во времени свойств. Даже император Наполеон Бонапарт составил список качеств, которые считал обязательными для военных лидеров. Исходя из этого подхода, исследователи пытались определить лидерские качества, научиться измерять их и использовать для определения и формирования лидеров.

Американский исследователь *Фредерик Адамс Вудс* в работе «Влияние монархов: движение к новой науке истории» исследовал деятельность 386 правителей Западной Европе с XII в. до Великой французской революции. Разделив монархов по ряду системообразующих параметров, ученый сравнил личностные качества монархов с эффективностью их правления. Он пришел к выводу, что сильные, посредственные и слабые монархи ассоциируются в большинстве случаев с сильными, посредственными и слабыми эпохами, что жизнедеятельность государств, содержание и смысл власти зависят от правителей, их талантов и способностей. Он был убежден, что «государи» детерминируют развитие стран в соответствии со своими умениями [988].

В данном направлении было проведено огромное количество эмпирических исследований, которые выявили достаточно большой перечень лидерских качеств. *Ральф Стогдилл* и *Ричард Манн* попытались обобщить и сгруппировать все ранее выявленные лидерские качества. Ральф Стогдилл пришел к выводу, что лидер имеет пять основных личностных качеств: ум или интеллектуальные способности; господство или преобладание над другими; уверенность в себе; активность и энергичность; знание дела.

Однако эти свойства не объясняли появление лидера. Многие люди с подобными чертами не становились лидерами. Среди семи важнейших личностных качеств лидера, которые выявил Р. Манн, самым важным считался ум, однако жизнь этого не подтверждала. Многие умные люди так и не смогли стать лидерами. Несмотря на это, изучение лидерских качеств было продолжено вплоть до середины 80-х годов [872; 962; 963].

Интересный результат получил американский исследователь *Уоррен Беннис*, изучивший 90 успешных лидеров и выявивший четыре основные группы личностных качеств:

- 1) управление вниманием, или способность так представить сущность результата или исхода, цели или направления движения / действий, чтобы это было привлекательным для последователей;
- 2) управление значением, или способность так передать значение созданного образа, идеи или видения, чтобы они были поняты и приняты последователями;
- 3) управление доверием, или способность построить свою деятельность с таким постоянством и последовательностью, чтобы получить полное доверие подчиненных;

4) управление собой, или способность настолько хорошо знать и вовремя признавать свои сильные и слабые стороны, чтобы для усиления своих слабых сторон умело привлекать другие ресурсы, включая ресурсы других людей [45; 46].

Американский социолог *Эмери Богардус* в монографии «Лидеры и лидерство» назвал несколько десятков качеств, которыми должен обладать лидер. В их числе – умение предвидеть ситуацию и привлекать к себе внимание, чувство юмора, ум и др. В конечном счете эти «превосходящие интеллектуальные дарования доставят личности выдающееся положение, рано или поздно приводящее к лидерству» [685, с. 165]. В его понимании лидер – «не продукт конкретных социальных отношений, а человек, обладающий врожденным биопсихическим комплексом, обеспечивающим ему власть» [685, с. 46]. И хотя был собран огромный фактический материал, скоро выяснилось, что чисто эмпирическое обобщение личностных черт лидеров не дает желаемого эффекта: чем на больший эмпирический материал опирались исследователи, тем точнее они совпадали с полным набором психологических и социальных черт личности вообще [685].

Дальнейшие исследования, посвященные развитию теории черт, привели к тому, что результаты одного исследования начинали сводить на нет результаты второго, и наоборот. В конце концов не осталось ни одной черты, с которой были бы согласны все авторы. И несмотря на то, что результаты исследований не смогли полностью ответить на поставленный вопрос, тем не менее Р. Стогдилу удалось выделить доминирующие черты лидера, которые отличают его от простых людей. Он утверждал, что лидера характеризует сильное стремление принять на себя ответственность и выполнить задачу, решимость и упорство в достижении целей, смелость и оригинальность при разрешении проблем, стремление проявить инициативу в социальных организациях, уверенность в себе и целостность личности, готовность отвечать за последствия своих решений и действий... способность влиять на поведение других людей и умение структурировать системы социальных интеракций, подчиняя их выполнению данной задачи [961].

В 1974 г. *Ральф Стогдилл* в «Учебнике по лидерству» на основе 160 опубликованных с начала века статей выделил более 40 личностных качеств лидеров и сгруппировал их по пяти кластерам. Среди них – физические данные, социальное происхождение, интеллект, энтузиазм, уверенность в себе, способность к постановке целей, административные способности, такт, популярность. Однако данное исследование также не дало полного ответа на вопрос, какие из вышеперечисленных факторов наиболее тесно связаны с лидерством. Сам Р. Стогдилл признавал, что в разных ситуациях лидеры проявляют различные личностные свойства. Интересен его вывод, что человек не становится руководителем только благодаря тому, что он обладает некоторым набором личных качеств [962].

Как убежден ученый *Стивен Коссен*, лидер должен обладать такими чертами, как способность творчески решать проблемы, уметь доносить идеи до последователей, убедительность, твердость в достижении цели, общительность, широкий круг интересов, честность, прямота, конструктивность в отношении с последователями, чувство собственного достоинства, уверенность в себе, энтузиазм, высокая дисциплина [844].

Оригинальную модель теории черт предложил итальянский исследователь *Антонио Менегетти*. Он был убежден, что каждый человек уже при рождении приобретает определенные задатки лидера, но это совершенно не значит, что он будет им в дальнейшем. Для этого необходимы определенный жизненный опыт и образование, профессионализм и культура. Таким образом, каждый человек обладает лидерским потенциалом. Но чтобы стать им, необходимо этот потенциал реализовать [358; 359].

В разработку теории черт существенный вклад внес *Макс Вебер*. Он считал, «что в основном три качества являются для политика решающими: страсть, чувство ответственности, глазомер. Страсть – в смысле ориентации на существо дела: страстной самоотдачи

«делу», тому богу или демону, который этим делом повелевает. Не в смысле того внутреннего образа действий, который мой покойный друг Г. Зиммель обычно называл «стерильной возбужденностью», свойственной определенному типу, прежде всего русских интеллектуалов (но отнюдь не всем из них!), и который ныне играет столь заметную роль и у наших интеллектуалов в этом карнавале, украшенном гордым именем «революции»: утекающая в пустоту «романтика интеллектуально занимательного» без всякого делового чувства ответственности. Ибо одной только страсти, сколь бы подлинной она ни казалась, еще недостаточно. Она не сделает вас политиком, если, являясь служением «делу», не сделает ответственность именно перед этим делом главной путеводной звездой вашей деятельности. А для этого – в том-то и состоит решающее психологическое качество политика – требуется глазомер, способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей, иными словами, требуется дистанция по отношению к вещам и людям» [84, с. 690–691].

Исследователи лидерства Киви Бирд, Эдвард Боргатта, Раймонд Кеттелл, Ричард Манн, Ордзуэй Тид убеждены, что существует прямо пропорциональная зависимость между формированием лидеров, уровнем популярности, масштабами влияния и их личностными чертами и умениями [682; 689; 872].

Достаточно популярной и интересной интерпретацией теории лидерских качеств является *оценочная теория*. Классик социологии *Толкотт Парсонс* попытался доказать, что каждый человек, вступая в общение с другими людьми, оценивает их в плане первоочередности удовлетворения собственных потребностей. Оценка социальных факторов имеет прежде всего эмоциональную нагрузку. Лидерство, по Т. Парсонсу, можно понимать как оценочные взаимоотношения, состоящие из общественного восприятия личностных качеств лидеров и их личностной аттракции [915].

В то же время теория черт обладает рядом существенных недостатков. *Юджин Дженнингс* заметил, что «теория черт» в большей мере отражала черты экспериментатора, но не лидера. Он писал: «Исследования не доказывают, что превосходящий ум желателен или необходим для лидерства в бизнесе, а также в бюрократических организациях, где карьеру делают не самые умные, а самые изворотливые, беспринципные, умеющие приспособиться к вкусам» [цит. по: 403, с. 605].

Политический деятель *Карл Каутский* отмечал, что «под такими выдающимися личностями не обязательно нужно подразумевать величайших гениев. И посредством, и даже стоящие ниже среднего уровня, а также дети и идиоты могут стать историческими личностями, если им попадает в руки большая власть» [228, с. 687].

Во-вторых, перечень потенциально важных лидерских качеств является практически бесконечным. Из-за этого, утверждают некоторые исследователи, невозможно создать «единственно верную» модель лидера. В-третьих, из-за таких причин, как, например, не совсем удачная методика измерения личностных качеств лидеров, непризнание возможных определенных различий в зависимости от организации или ситуации, не удалось установить тесной связи между личностными качествами и эффективным лидерством. К определенным недостаткам теории черт можно отнести выведение лидера из контекста конкретно-исторической среды. В данной теории не учитывался исторический период времени, в которой действовал лидер, социально-исторические условия, которые могут воздействовать на формирование в лидере новых личностных черт, необходимых ему для выполнения лидерских функций в конкретной ситуации. Личностные качества играют немаловажную роль в процессе формирования и выдвижения лидера, но нельзя забывать о том, что сам лидер является продуктом общественных отношений. Данный подход полностью игнорировал групповой контекст, в котором реализуется лидерство. К тому же выполнение функций лидера способствует развитию необходимых для этого качеств. Теория личностных черт лидера

не смогла вскрыть причинно-следственную связь между лидерством и индивидуально-личностными особенностями – характеризуют ли определенные черты лидера или успешное лидерство формирует специфические черты. При детальном анализе личностные качества лидера почти в точности совпадают с полным набором психологических и социальных признаков личности вообще. В контексте данного подхода индивидуальные черты во многих случаях выступают как статичные образования, лишенные динамики. Невысокая корреляция личностных черт с поведенческими проявлениями лидерства, строго говоря, не позволяет считать указанные характеристики надежными предикторами. Кроме того, в некоторых сферах деятельности, прежде всего в области предпринимательства, высокие интеллектуальные и моральные качества являются скорее препятствием для занятия лидирующих позиций, чем условием успешного продвижения вперед. Часто выдающиеся способности людей на протяжении многих лет, а порой и всей жизни, оказываются невостребованными, не находят широкого применения. Данная теория совершенно не учитывала ценностные ориентации лидеров как регулятора социального поведения. Практически не изучалось влияние мотивационных механизмов на формирование лидерских умений. Вместе с тем при всех недостатках теории черт ее основные положения, методология и методика исследования помогают более глубоко изучить феномен лидерства.

Тем не менее, как отмечала *Н. С. Жеребова*, в этой теории есть позитивная часть: лидером в малой группе становится личность, обладающая чертами, представляющими для группы ценность. Интересна теория черт в современном понимании известного российского ученого, доктора психологических наук *Артура Петровского*. Он успешно доказывает, что если дифференцировать группы по видам деятельности и по уровню группового развития, то возможно выделение набора лидерских качеств для каждого вида групп. Безусловно, черты лидера не являются исходными, единственно определяющими лидерство, так как «не столько лидер создает ситуацию доминирования в группе, сколько группа порождает... определенный тип лидера» [432, с. 338].

Однако и в современных условиях теория лидерских черт продолжает привлекать пристальное внимание многих ученых. Бывший профессор кафедры лидерства имени Коносуке Мацуситы Гарвардской школы бизнеса *Джон Коттер* в работе «Двигатель лидерства» предложил новую концепцию лидерских качеств. В ней ученый назвал следующие основные черты современного эффективного лидера: драйв и высокий уровень энергии, интеллект и целостность, психологическая устойчивость и эмоциональное здоровье [845].

Профессор психологии Хоуп-колледжа штата Мичиган *Дэвид Дж. Майерс* выделил следующие черты успешных лидеров: уверенность в себе, обеспечивающая поддержку со стороны последователей; наличие убедительных представлений о желаемом положении дел и способность сообщить о них окружающим простым и ясным языком; достаточный запас оптимизма и веры в своих людей, чтобы вдохновлять их; незаурядность; энергичность; добросовестность; покладистость; эмоциональная устойчивость [332].

Изучение данной проблемы продолжают в книге *Джона Маклина* и *Уильяма Вейцеля* «Лидерство – магия, миф или метод?». Потребность в лидерах почти во всех сферах жизни стала критической, – утверждают авторы исследования. Относительный дефицит лидеров является причиной беспокойства различных политических, деловых и других организованных структур во всем мире. Многие соглашаются с этим утверждением. Но готовы ли они принимать решения, которые влияют на жизнь других людей? Быть лидером – это огромная ответственность. И даже если у некоторых социальных субъектов имеется желание и склонность вести за собой других людей, они, вероятно, не родились ни с одной из харизматических характеристик, которые есть у великих лидеров. По мнению Дж. Маклина и У. Вейцеля, необходимо получить конкретные знания и навыки, чтобы начать поход к лидерству. В книге «Лидерство – магия, миф или метод?» излагаются требования к лидерам и представлен ком-

плекс теоретических, методологических и практических методов и мер, чтобы помочь разработать свой собственную «лидерскую парадигму»; предложен выборочный обзор амбициозных исследований лидерства: от мудрости Сократа и Платона до современных моделей, которые составляют основу успешной деятельности лидеров сегодня, но особый интерес представляют шесть важнейших ключевых лидерских навыков (кластеров), которыми каждый лидер должен обладать.

Ситуационный анализ. Зная, какие решения могут быть делегированы другим членам команды, можно принять соответствующие решения.

Коммуникации. Связь является одним из важнейших элементов лидерской деятельности. Поиск подходящего слова также имеет особое значение: не завоевав доверия последователей, трудно заставлять их чувствовать себя комфортно и хорошо работать.

Мотивация. Идея мотивации очень проста – умножить последователей, эффективно мотивируя их.

Оценка рисков и связанных с ним страхов. Риски и связанные с ними опасения важно учитывать при принятии управленческих решений. Тем не менее, считают Дж. Маклин и У. Вейцель, проблемы возникают не только из-за неправильного принятия решений, но и от долгого ожидания их принятия. Но если решение принято, а позже оказывается, что что-то не так, необходимо искать другой выход из ситуации.

Решение неожиданных проблем.

Как лидер должен действовать в непредвиденных ситуациях? У хорошего лидера всегда есть навыки, чтобы найти правильное решение. Дж. Маклин и У. Вейцель считают, что при полном и объективном анализе проблемы всегда есть возможность найти правильное решение для всех проблем. Тем не менее они признают, что лидер должен иметь достаточно самодисциплины, чтобы рассмотреть проблемы в объективном смысле.

Обновление отношений. Это необходимо для лидера, чтобы конфликты между последователями были менее чувствительными [884].

Исследователь в области гендерного лидерства *Шарон Нельтон* в статье «Мужчины, женщины и лидерство» продолжает развитие теории лидерских качеств. Она утверждает, что современному бизнесу повезло в том, что многие стили лидерства, которые ранее были конфронтационными, конкурирующими, сегодня стали взаимодополняющими. Мужчины и женщины учатся друг у друга, перенимают сильные личные качества и используют их для блага коллективов. В таких организациях многие женщины используют типично мужские стили лидерства, а мужчины принимают более «мягкий» подход. Мягкий подход – это то, что обычно описывается как женский атрибут лидерства [907].

Последние социологические исследования показывают, что постоянно увеличивается число людей, которые согласны с тем, что женщины прекрасно подходят на роль лидеров. Женский стиль лидерства, основанный на открытости и взаимодействии с людьми, полностью устраивает последователей [884].

Существуют стереотипы, которые утверждают, что есть женские и мужские лидерские личностные качества.

Женские черты лидера: расширение прав и возможностей последователей; способность мотивировать, поощрять и убеждать; чувство собственного достоинства; прекрасный внешний вид.

Мужской черты лидера: решительность; надежность; конкурентоспособность; краткосрочное видение.

Как оказывается, сегодня многие лидеры-мужчины пытаются для повышения эффективности коллективной деятельности, сформировать типично женские лидерские качества. Женские черты лидерства могут помочь производственным структурам решить три сложные проблемы:

улучшать обслуживание клиентов;
повышать качество на товары и услуги;
формировать лидерство для себя [907].

В спорте высших достижений теория лидерских качеств в настоящее время является самой популярной и применимой.

Особой, достаточно интересной группой концепций лидерства, тесно связанной с теорией черт, являются *теории харизматического лидерства*.

Харизма – это исключительная одаренность человека, которая производит особое впечатление на окружающих людей, приверженцев, последователей. Это своеобразные, реальные или виртуальные неординарные качества личности, включающие необычность и величие, таинственность и загадочность, уникальность и динамичность, особый дар предвидения, ясновидения и влияния на людей.

Термин «харизма» ведет свое начало из Древней Греции и означает «притягивать к себе внимание». Хариты – это древнегреческие богини красоты, грации и изящества. Научное определение харизмы впервые предложил известный немецкий теолог и философ *Эрнст Трельч*. Одним из первых было понимание харизмы (от греч. charisma) как божественного дара, особой сверхъестественной силы, свойственной богам или дарованной человеку высшими силами.

Харизматическое лидерство – это системообразующее, комплексное явление общественной жизни. Оно является наиболее яркой формой лидерства, его концентрированным выражением. С одной стороны, харизматическое лидерство качественно отличается от лидерства вообще, с другой – не является его антитезой, так как тесно, генетически связано с ним.

Концепции харизматического лидерства рассматривают лидера как человека, обладающего набором специфических сверхъестественных лидерских качеств (харизмой). Харизматический лидер именно благодаря харизме способен оказывать целенаправленное воздействие на людей. Американский ученый и писатель Ральф Уолдо Эмерсон утверждал, что «существуют люди, способные вести за собой целые народы исключительно благодаря своему обаянию» [638].

Макс Вебер харизматическим лидером считал человека, который «приходит во время кризиса, обладая особыми полномочиями, позволяющими ему осуществлять великие дела и благодаря которым последователи вручают свои судьбы в его руки» [979, с. 16].

В политической реальности феномен харизмы проявляется как образ лидера, которому присуща определенная, яркая духовная одаренность, оцениваемая окружающими людьми как необычайная или наделенная выдающимися природными компетенциями и характеристиками, сверхъестественными личностными качествами.

Первые серьезные работы по исследованию харизмы были написаны классиком немецкой социологии М. Вебером во время его работы над идеальными типами лидерства. Ученый утверждал, что харизма включает в себя пять компонентов, которые предусматривают наличие:

- 1) чрезвычайно «одаренных» людей;
- 2) социального кризиса или ситуации отчаяния;
- 3) наличия совокупности идей радикального решения кризиса;
- 4) большого количества последователей, которые способны поверить в то, что харизматический лидер связан с трансцендентной силой;
- 5) возможности проверить, что харизматический лидер способен постоянно добиваться существенных успехов [979].

Харизматическое лидерство, по мнению М. Вебера, обычно возникает в периоды острых кризисов, когда потенциальные последователи находятся под сильным стрессом от

предполагаемой угрозы притеснения или неблагоприятных экономических или социальных условий, когда важнейшие ценности, институты и легитимность организаций находятся под вопросом. В таких условиях последователи испытывают значительные лишения и теряют смысл своей жизни. Они убеждены, что сами не способны удовлетворять свои потребности и желания. Харизматические лидеры предлагают решение существующих проблем, интерпретируя ситуацию с точки зрения последователей. «Настоящая» харизма связана с чем-то новым. В чрезвычайных ситуациях возникает харизматическая авторитарная структура, так что харизма по крайней мере временно приводит к принципиально новым явлениям, движениям и событиям, которые не являются рутинной [979].

Известный исследователь *Николаус Энкельманн* в книге «Харизма. Личностные качества как средство достижения успеха в профессиональной и личной жизни» выделил следующие харизматические качества лидеров:

- личная магнетически притягательная сила;
- воодушевление, испытываемое от выполняемой жизненной задачи;
- отождествление себя с выполняемой работой (это производит впечатление, что человек находится на своем месте);
- раскрытие собственных способностей;
- уверенность в своих силах и душевное равновесие;
- умение сосредоточивать свое внимание на самом главном;
- коммуникабельность и умение устанавливать долговременные и прочные межличностные отношения;
- умение мотивировать себя и других;
- способность находить к людям правильный подход;
- умение ставить перед собой и другими четкие цели;
- обаяние;
- активность и энергичность;
- умение принимать решения;
- умение служить образцом для подражания;
- положительное восприятие жизни [640, с. 24].

Известный исследователь *Эдвин Пол Холландер*, основываясь на веберовской модели харизматического лидера, считает наличие харизмы системообразующим элементом лидерства. Харизма детерминирует определенную власть над членами команды, особенно в критические моменты, когда существует необходимость в конкретных организованных действиях [807].

Профессоры *Мак-Гилл Джей Конджер* и *Рабиндра Канунго* убеждены, что харизматические лидеры обладают следующими важнейшими личностными качествами:

- уверенностью в себе и в своих способностях;
- готовностью принести себя в жертву во имя достижения поставленных целей;
- социальной сензитивностью (чувствительностью) и эмпатией (способностью понимать переживания другого), требуемых для понимания потребностей и ценностей последователей, способностью видеть их возможности и бережно относиться к их желаниям;
- коммуникативными способностями – акцент сделан на специальную работу над устными и письменными взаимоотношениями;
- стратегическим предвидением – особое внимание уделяется креативному мышлению, позволяющему подготавливать глубинные преобразования и формулировать нетрадиционные цели;
- когнитивными (интеллект, память, внимание) способностями, позволяющими правильно оценивать ситуацию и распознавать благоприятные возможности и ограничения на пути достижения поставленной цели;

управлением имиджем – акцент сделан на моделировании внешности, создании интервьюера, изучении и совершенствовании жестов, актерском мастерстве;

делегированием полномочий – акцент делается на необходимости повышения производительности труда и степени участия последователей в управлении, ослаблении бюрократических процедур, утверждении перспективных целей и развитии системы вознаграждений;

неординарностью, способностью демонстрировать новые и нестандартные модели поведения. В случае успеха такое поведение вызывает удивление и восхищение у подчиненных;

чувствительностью к окружающей среде, способностью реально оценивать возможности внешнего окружения и ресурсов, которые требуются для реализации поставленных задач [714, с. 94].

Основываясь на понятиях социализированного и персонализированного стремления к власти, введенных Д. Мак-Клелландом, *Джон Хауэлл* выделил два вида харизматического лидерства.

1. Социализированная харизма характеризуется:

сдержанным стремлением к власти и не слишком усердным использованием ее;

индуцированием интернализации (т. е. возникновения ценностей, общих для лидера и последователя);

стремлением к целям, соответствующим потребностям подчиненных;

постоянной их поддержкой и интеллектуальной стимуляцией.

2. Для персонализированной харизмы свойственны:

несдержанное стремление к власти и усиленное использование этой власти;

индукция идентификации (т. е. взаимоотношения между лидером и последователем строятся на основе привлекательности лидера);

стремление к целям, представляющим выгоду лично для лидера, и обманом, силой навязанным последователям;

поддержка последователей демонстрируется лидером только в случае, если это ему выгодно.

В результате последователи социализированного лидера становятся автономными, свободными и ответственными, а персонализированного – зависимыми, подчиненными и покорными.

Если социализированные лидеры в целом полезны для организации, так как стремятся к целям, конгруэнтным ее целям, то персонализированные приносят пользу лишь в кризисных ситуациях [820, с. 304].

Манфред Кетс де Вриес рассматривал харизматическое лидерство с позиций психоаналитической парадигмы: лидер воспринимается последователями как стабильная фигура отца, когда он демонстрирует исполнение одной из трех ролей: героя, прорицателя, спасителя.

Лидеры, постоянно подчеркивал М. де Вриес, должны обладать харизмой, так как именно она отличает их от просто хороших руководителей и позволяет создать команду, всегда готовую «пройти лишнюю милю». Анализируя такое важное и необходимое каждому лидеру личностное качество, как харизма, М. де Вриес делает следующие выводы:

харизма подразумевает решимость бросить вызов существующему порядку вещей и преодолеть его недостатки;

харизматичные люди предоставляют реальные варианты преодолеть существующий несовершенный порядок, они дают надежду на изменение и создают новый фокус, выражающий коллективное воображение;

харизматичные люди умеют выждать и правильно выбрать момент для решительных действий. Они умеют драматизировать риски;

харизматичные лидеры умеют создавать яркие образы, заставляющие людей действовать. Манипулируя символами, они умеют «управлять смыслом»;

харизматичные лидеры успешно создают союзы, они эмоционально одарены, с ними окружающим легко и комфортно. Они вызывают желание подражать им и разделять их ценности. Они создают в компании атмосферу, поощряющую сверхусилия, веру каждого в собственные способности и готовность рисковать [100].

Исследователь *Стивен Роббинс* в работе «Основы организационного поведения» считает, что харизматические лидеры должны обладать следующими личностными характеристиками:

уверенность в себе, в своих суждениях и способностях;

видение, идеализированная цель, которая предлагает будущее значительно лучшее, чем настоящее;

убеждение в том, что готовность идти на высокие риски и участвовать в самопожертвовании для достижения поставленных целей даст ожидаемые результаты;

вера в радикальные перемены и т. д. [934, с. 151].

В качестве примера харизматических лидеров С. Роббинс назвал католическую монахиню, основательницу женской монашеской конгрегации «Сестры Миссионерки Любви», лауреата Нобелевской премии мира 1979 г., причисленную Католической церковью к лику блаженных, Мать Терезу Калькуттскую и бывшего президента компании «Ford» и председателя правления корпорации «Chrysler» Ли Якокка. Они использовали свои личностные качества и способности для трансформирования последователей путем повышения смысла, важности и ценности поставленных задач [834, с. 151].

Более 100 лет тому назад Г. Лебон заявил о том, что «тип героя, которого любят толпы, всегда будет типом Цезаря. Его блеск соблазняет их, его авторитет им импонирует, а его меч внушает страх» [307, с. 182].

Профессор психологии Нью-Йоркского университета *Эдвин Холландер* и профессор промышленной и организационной психологии отдела организационной науки и коммуникаций Университета Джорджа Вашингтона *Линн Оферманн* в работе «Власть и лидерство в организации. Отношения в переходный период» подчеркивали, что харизматическое лидерство, основанное на эмоциональном требовании (всплеске) со стороны последователей обязывает лидера иметь определенную власть над ними, особенно в экстремальные моменты, когда чувствуется потребность в целенаправленных действиях [807].

Известные специалисты в сфере лидерства *Рюберт Хаус* и *Кэтрин Клейн* в статье «В огне: харизматическое лидерство и уровни анализа» отмечали, что харизма характеризует не лидера и последователей, а отношения между ними, которые представляют огонь, который зажигает и воодушевляет последних [842].

Харизматическое лидерство имеет глубокие политические, экономические, этнокультурные и социально-психологические корни, что превращает его в один из важнейших феноменов современной общественно-политической жизни. Социологические исследования харизматического лидерства начались еще в начале прошлого столетия, когда интерес ученых сместился с изучения лидерства в стабильных ситуациях на анализ инновационных процессов в условиях рисков и неопределенности. Неустроенность, экономическая и социальная необеспеченность жизни в значительной степени детерминируют у людей веру прежде всего харизматическим лидерам и их, как правило, популистским лозунгам и обещаниям. Повышенная эмоциональность и иррациональность населения, депрессия разума и чувств, сочетание инертности и в то же время спонтанной несдержанности, постоянные маятниковые колебания порождают необходимость политических кумиров, которым люди

беспрекословно верят, за которыми в сложные моменты жизни идут. В тяжелые жизненные периоды на них возлагаются несбыточные надежды, что неизбежно ведет к разочарованиям.

Существует достаточно много современных методов изучения харизмы, общим для которых является представление о харизматическом лидерстве как о сложном взаимодействии между характеристиками и умениями, качествами и действиями лидеров, особенностями ситуации и представлениями последователей. Известный исследователь *Роберт Хаус* считал, что харизматическое лидерство является совокупным результатом действия качеств лидера (сильная потребность во власти, высокая уверенность в себе и в правоте своих взглядов), его поведения (управление впечатлением, установление «видения», мотивирование подчиненных и т. п.) и характеристик ситуации (харизматическое лидерство чаще всего возникает в стрессовых для группы ситуациях) [817]. Он отмечал, что харизма связана с особым типом отношений между лидером и последователями. Последователи считают, что идеи лидера являются абсолютно правильными; безоговорочно принимают и поддерживают лидера; чувствуют к нему привязанность, доверие; эмоционально вовлечены в выполнение миссии лидера; ставят перед собой высокие цели; полагают, что могут внести вклад в конечный коллективный успех [817].

Дальнейшие изыскания в социологии детерминировали существенный рост эмпирических исследований харизмы, активизировали поиск теоретических и операциональных определений данной дефиниции. Заметную роль в теоретической разработке проблем харизмы сыграли исследования Раймонда Арона, Ральфа Стогдилла, Маргарет Дж. Херманн, Жана Блонделя и многих других. Французский социальный психолог *Серж Московичи* в работе «Машина, творящая богов» объяснял харизму, обращаясь к важным психологическим факторам – иррациональности и эмоциональности масс, факторам веры, влияния и т. д. [382].

С точки зрения многих современных ученых, харизма – это не некое мистическое, врожденное качество личности, а определенный набор личностных качеств. Исследователи харизматического лидерства *Брюс Авелио*, *Бернард Басс*, *Джей Конджер* и *Рабиндра Канунго*, работающие в рамках теории трансформационного лидерства, убеждены, что харизма является реально измеряемым качеством личности. В результате проведенных исследований по проблематике харизматического лидерства был выделен определенный набор свойств, измеряя которые можно определить степень харизматичности личности. Разработанный инструментарий, как полагают представители данного подхода, в равной степени применим ко всем организациям (политические партии, военные и религиозные структуры, а также любые общественные организации) [662; 663; 670; 673; 714].

Б. Басс разработал «Многофакторный опросник по лидерству», в котором одним из важнейших измерений является харизма. Основными элементами ее измерения он назвал создание проекта или образа будущего (цель, программа деятельности, результаты и ожидания, вокруг которых происходит объединение членов группы); чувство призванности; заразительная гордость (*infectious pride*) нами понимается как чувство собственного достоинства (сознание личной силы, обучение подобным способностям других и развитие у них талантов); доверие и уважение со стороны подчиненных (достигаются благодаря последовательности, ответственности, надежности и настойчивости руководителя) [668].

Джей Конджер и *Рабиндра Канунго* создали шкалу харизматического лидерства («*Conger & Kanungo Scales of charismatic leadership*»). Эта шкала Конгера – Канунго построена на шести поведенческих измерениях харизматического лидерства: чувствительность к окружающей обстановке; чувствительность к потребностям членов организации; критика *status quo*; проект (образ будущего) и его формулировка; личные риски; поведение, идущее вразрез с традицией [714].

Многие современные ученые считают, что на личностные качества харизматических лидеров также можно целенаправленно воздействовать, их можно формировать. *Николаус Энкельман* в книге «Харизма. Личностные качества как средство достижения успеха в профессиональной и личной жизни» утверждал, «что каждый человек приходит в этот мир, обладая харизматическими способностями, но далеко не каждый использует этот дар, иначе бы у нас было больше лидеров, меньше разочарований, связанных с работой, больше радостей и достижений. Харизматические способности можно сравнить со способностью к танцам. Если молодой человек не раскроет свои способности, если он не испытывает удовольствие от танцев, эти способности угасают. В отличие от способностей к танцам, которые есть все-таки далеко не у всех, харизматические способности в сущности есть у каждого человека. Вы сможете постепенно развить имеющиеся у вас способности, найти им лучшее применение и добиться успеха» [640, с. 50].

В главе «Харизматические качества можно развить» он утверждает, что «каждый человек с момента своего появления на свет несет в себе божественную искру. Однако большинство людей не замечают эту искру, часто не осознают ее существование. Лишь единицы используют этот таящийся в них энергетический потенциал, они дают искре разгореться и превратиться в огонь воодушевления» [640, с. 167].

Известный американский исследователь лидерства *Оливия Фокс Кабане* в книге «Мифы о харизме. Как любой может освоить искусство и науку личного магнетизма» на конкретных примерах попыталась доказать, что харизматические качества – это результат постоянной и целенаправленной работы. Бывший глава компании «Apple» Стив Джобс, который считался одним из самых харизматичных лидеров конца прошлого и начала нынешнего столетий, в детстве был застенчивым и неловким мальчиком. Однако в ходе постоянной работы над собой у него начали формироваться личностные харизматические качества, и их уровень постепенно повышается [757].

В последние годы проблема формирования харизмы попала под пристальное внимание социологов и психологов, когнитивных и поведенческих исследователей. Объектами этих исследований были президенты, военные руководители, студенты всех возрастов, руководители предприятий с низким уровнем менеджмента. Благодаря таким исследованиям мы теперь понимаем харизму как набор поведений, – подчеркивает американский коуч [757].

В то же время следует подчеркнуть, что имеется и резкая критика дефиниции «харизматическое лидерство» со стороны как ученых, так и практиков. Харизма рассматривается некоторыми учеными политически сомнительной характеристикой индивидов в обществе. Неадекватное понимание харизмы выражается в иллюзиях, заблуждениях, фантазиях, верованиях и фантастических представлениях, связанных с преувеличением значимости политических акторов, их исторической, политической, повседневной роли в жизни с наделением субъектов сверхъестественными свойствами, их обожествлением. По мнению целого ряда исследователей, харизма имеет ярко выраженную негативную сторону, связанную с узурпацией власти или полным фокусом лидера на самого себя, и позитивную сторону – связанную с упором на разделение власти и тенденциями к делегированию части ее последователям. Поэтому важное значение в повседневной реальности имеет связь харизмы с этикой конкретного лидера.

Харизматический лидер может быть и источником опасных тенденций в коллективе, если его власть используется лишь в личных целях, а поступки не соответствуют нормам этики и высокой нравственности. Харизматические лидеры, как правило, призывают людей к любви и терпимости, но харизмой обладают и «воры в законе», «пахан», строящие свое благополучие на страданиях других людей. В работе крупного российского ученого, организатора высшего образования, известного предпринимателя, создателя школы отечественного менеджмента, доктора экономических наук, профессора, ректора Нижегородского института

менеджмента и бизнеса *Александра Егоршина* «Управление персоналом» [194] приведена интересная таблица, показывающая разницу между этическим и неэтическим харизматическим лидером.

Неэтический харизматический лидер использует власть только в личных интересах, продвигает только свое личное видение, пресекает критику в свой адрес, требует беспрекословного выполнения своих решений, коммуникации осуществляет только в одном направлении: от себя вниз, нечувствителен к потребностям и нуждам последователей, полагается на удобные внешние моральные стандарты для удовлетворения своих интересов.

Этический харизматический лидер использует власть в интересах других, строит свое видение в соответствии с нуждами и стремлениями сотрудников, считается с критикой и извлекает из нее уроки, стимулирует у последователей творческий подход к делу и своим взглядам, поощряет открытую и двустороннюю коммуникацию, обучает, развивает и поддерживает последователей, разделяет свою славу с другими, полагается на внутренние моральные стандарты для удовлетворения организационных и общественных интересов [194].

Профессор, доктор философии Калифорнийского университета в Беркли *Гарри Юкл* и профессор кафедры менеджмента Университета штата Аризона *Дэвид Ван Флит* в работе «Теория и исследование лидерства в организации» [995] раскрыли так называемую *темную сторону харизмы*. Речь идет о негативных аспектах деятельности отдельных харизматических лидеров, детерминированных их эгоизмом и тщеславием. Их поведению присущ ряд особенностей:

они сталкиваются со значительными проблемами в поддержании эффективных отношений с окружающими, так как совершенно не проявляют интереса к потребностям и благополучию последователей, стремятся манипулировать людьми, эксплуатировать их;

им свойственно браться за разного рода грандиозные, нередко абсолютно нереалистичные проекты с целью прославить себя, игнорируя при этом мнение окружающих, серьезную экспертизу и отвергая какие-либо попытки коррекции ведущих к катастрофе действий;

они готовы тратить массу времени на создание видимости усилий по продвижению своих взглядов и подводов, но когда дело доходит до реального его воплощения, желания и времени для этого не находится;

они стремятся управлять впечатлениями окружающих, пытаются навязать представление относительно значимости своей роли в организациях, чтобы любой успех ставился им в заслугу и терпели неудачу попытки признания важности усилий других людей;

при неудачах они прибегают к защите, снимают с себя ответственность за неудачи и ищут определенных людей, чтобы возложить на них ответственность за ошибки;

они стремятся к тому, чтобы подчиненные оставались слабыми и зависимыми от них, стараются удалить от себя людей с лидерскими качествами, претендующих на роль преемника [995].

Несколько позже *Г. Юкл* в работе «Оценка концептуальных недостатков в трансформационной и харизматической теориях лидерства» [992] остановился на манипулятивной активности некоторых харизматических лидеров. К числу их манипулятивных действий американский исследователь относил:

неправильное истолкование событий или провоцирование инцидентов, чтобы создать видимость кризиса;

преувеличение своих позитивных достижений и получение за это незаслуженных похвал;

создание видимости чудес;

использование театрализованных мероприятий с музыкой и символическим оформлением, чтобы возбудить эмоции и вызвать энтузиазм;

тщательное сокрытие ошибок и неудач;
порицание других за ошибки, допущенные руководителем;
ограничение доступа подчиненных к информации, касающейся хода дел и получаемых результатов;

ограничение рамок выполняемых подчиненными рабочих ролей;
ограничение информации, содержащей критику или инакомыслие;
обработка сознания новых членов;
внедрение ритуалов почитания и статусной символики;
создание барьеров, изолирующих членов организации от контактов с посторонними лицами.

Чтобы устранить отмеченные проблемы, Г. Юкл предлагал:

уточнить дефиницию «харизма». Наиболее правильным является ее определение в понятиях, используемых последователями в отношении лидера;

нуждаются в лучшем объяснении процессы влияния, имеющие место в харизматическом лидерстве, их соотношение и роль в детерминации поведения последователей;

в дефинициях харизматического лидерства огромное внимание уделяется диадному уровню взаимодействия, тогда как групповой уровень анализа нередко остается вне поля зрения исследователей. Однако эти теории должны объяснять влияние лидера на такие групповые процессы, как постановка групповых целей, сотрудничество людей, взаимное доверие, коллективная самоэффективность и идентификация с группой;

необходим анализ условий формирования харизматических лидеров [992].

Но особенно резко отзывались о харизматическом лидерстве исследователи Школы менеджмента при Сиракузском университете *Гарри Геммил* и *Джудит Оакли*. В работе «Лидерство: социальный миф отчуждения?» они утверждали, что понятие «харизма» важно определить, как социальный вымысел или социальное заблуждение, которое позволяет «последователям» избежать ответственности за их собственные действия или бездействия. Ярлык «харизма» похож, по сути, на слово «лидер» – это «черная дыра» в социальном пространстве, которая служит вместилищем для нежелательных последствий социального мифа, являющегося результатом интеллектуальной и эмоциональной деквалификации членов организации [115, с. 374].

Бихевиористические теории лидерства. Профессор Колумбийского университета *Джон О'Шонесси* в книге «Принципы организации управления фирмой» подчеркивал, что, как правило, выделяют два подхода к изучению лидерства (независимо от того, выдвинут лидер в связи с какой-то необходимостью, выбран или назначен): личностный, при котором акцент делается на том, каковы лидеры (например, обладают ли они такими личными качествами, как обаяние, упорство, честность и т. д.), и поведенческий, где акцент делается на действиях, которые предпринимают лидеры и что на это влияет. У первого подхода, как уже было отмечено, достаточно много слабых сторон. Бихевиористический подход уделяет особое внимание поведению, которое может быть оценено и соотнесено с результатами деятельности. Современные поведенческие исследования, – отмечал ученый, – вообще свели проблему к выявлению типов поведения, которые повышают производительность работников или их удовлетворенность трудом [419, с. 149]. Основная идея данного подхода заключается в том, что если существуют специфические особенности конкретных действий лидера, обеспечивающие его эффективность, важность, необходимость, следовательно, лидерство можно формировать, социальных субъектов обучать лидерству, создавать оригинальные проекты и программы, которые позволят создавать эффективные модели лидерского поведения.

Несмотря на все недостатки, в середине прошлого столетия бихевиористические концепции лидерства стали достаточно популярными как среди теоретиков, так и практиков.

Бихевиоризм как важнейшее направление в науке стал развиваться в США в начале XX в. Предметом его изучения было поведение, а не сознание. Бихевиоризм вообще отрицает сознание как предмет научного исследования и сводит психику и личность к различным формам поведения, понимаемого как совокупность реакций организма на стимулы внешней среды. Важнейшими категориями бихевиоризма, кроме поведения, являются стимул – любое воздействие на социальный субъект со стороны среды и объективная реальность, реакция и подкрепление, которыми могут быть различные психологические факторы, в том числе реакция окружающих людей.

Родоначальником поведенческой науки многие исследователи считают американского психолога *Эдуарда Торндайка*, хотя он никогда в своих работах не использовал термин «поведение», а предпочитал понятие «коннексия», означающее связь между реакцией и ситуацией. Э. Торндайк использовал идею Вена о «пробах и ошибках» как регулирующем начале поведения живых существ. Этот вид учения сам по себе не является достаточно эффективным, но в процессе становления нового направления в психологической науке привел к интересным методам исследования, переориентировал научную мысль на новый способ детерминистского объяснения поведения социальных объектов.

Теоретическим лидером бихевиоризма постепенно стал американский психолог *Джон Брод Уотсон*, который в 1913 г. в статье «Психология, каковой ее видит бихевиорист» изложил манифест новой школы. В нем требовалось «выбросить за борт» как пережиток алхимии и астрологии все понятия субъективной психологии сознания и перевести их на язык объективно наблюдаемых реакций живых существ на раздражители. Ученый заявил, что психология должна быть чисто экспериментальной, объективной наукой, а известное утверждение, что объектом психологии является сознание, – ошибочно. Все, что происходит внутри сознания, нельзя научно зарегистрировать и измерить. Объективно изучать и регистрировать можно только реакции, внешние действия человека и те стимулы-ситуации, которые эти реакции обуславливают. Реальный вклад нового направления заключался в резком расширении изучаемой психологией области. Она стала включать доступный внешнему объективному наблюдению, независимый от сознания стимул – реактивные отношения. Постепенно сформировалась бихевиористическая наука. Ее наиболее яркими представителями стали Элтон Мэйо, Фриц Ротлисбергер, Фредерик Генцберг, Мэри Паркер Фоллет, Абрахам Маслоу [514].

В начале прошлого столетия начали формироваться бихевиористические теории лидерства, которые были основаны на убеждении, что лидерами не рождаются, а становятся в результате напряженной и целенаправленной работы. Согласно данному подходу к лидерству, эффективность определяется не личными качествами руководителя, а манерой его поведения по отношению к подчиненным. Индивиды могут формироваться и становиться лидерами благодаря воспитанию, обучению и наблюдению. Таким образом, если теории черт делали акцент на необходимости выявления и формирования соответствующих личностных качеств и характеристик субъектов, то поведенческие теории лидерства обратили особое внимание на эффективные формы поведения, которым можно целенаправленно обучать. Правда, бихевиористические концепции лидерства не отрицают, что каждый человек имеет определенные личностные качества, которые можно формировать и дальше развивать. Человек в процессе своего развития приобретает необходимый набор личностных качеств лидера – уверенность в себе, инициативность, целеустремленность, высокий интеллект, обширные знания, которые помогают ее вырабатывать лидерское поведение.

В середине XX в. известный исследователь *Э. Флейшман* с помощью статистического анализа упростил первоначально обширный перечень эмпирических параметров поведенческих навыков и характеристик лидеров более чем тысячи переменных, разработал двух-

факторную модель лидерства, вычленив две важнейшие переменные, которые описывали значительную часть лидерского поведения:

1) внимательность (consideration): предупредительность, доброжелательность к идеям, чувствам и потребностям подчиненных, двустороннее общение с ними, привлечение их к участию в принятии решений;

2) инициативная структура (initiating structure) – нацеленность поведения (и под его влиянием и поведения подчиненных) на достижение цели: распределение производственных ролей, расписывание заданий, объяснение требований, составление графика работ, высказывание беспокойства по поводу выполнения задания [43, с. 88–89; 96, с. 486–489; 361, с. 495; 419, с. 149–150].

Исследование Мичиганского университета, положившие начало разработке концепций «ориентации на подчиненных» и «ориентации на производство», было проведено в 1950 г. известными учеными Центра изучения общественного мнения Ренсисом Лайкертом, Даниэлем Кацем, Натаном Маккоби и Нэнси Морс и охватило служащих страховой компании. Его задачей был поиск поведенческих характеристик, которые коррелируют с эффективной трудовой деятельностью. Мичиганская группа ученых выявила два базовых фактора лидерского поведения, обозначенные как ориентация на работников и ориентация на производство.

1. Ориентация на работников, т. е. такой стиль поведения, который показывает, что руководитель понимает интересы подчиненных, уважает их индивидуальность и принимает во внимание их потребности. Ориентированные на работников лидеры подчеркивали важность межличностных отношений, проявляли живой интерес к их потребностям, с пониманием относились к индивидуальным особенностям работников.

2. Ориентация на производство, при которой основное внимание уделяется производственным и техническим аспектам работы. Лидеры, ориентированные на производство, напротив, все внимание концентрировали на технических и организационных аспектах работы. Их главной заботой было выполнение цели, а люди были лишь средством для ее достижения.

Результаты исследований, проведенных в Мичиганском университете, убедительно свидетельствовали о том, что лидерство, ориентированное на людей, обеспечивает большую производительность и ведет к росту удовлетворенности работников своим трудом [96, с. 489; 419, с. 150–151].

Эксперимент Курта Левина. Приоритет в разработке поведенческого подхода принадлежит немецкому ученому-физику *Курту Левину*. Он был вынужден эмигрировать в 30-е годы XX в. из Германии в Америку. Здесь К. Левин разработал психологическую концепцию, которую назвал «теорией поля» по аналогии с исследованиями Альберта Эйнштейна. «Теория поля» К. Левина заключалась в распространении традиционного для классической физики понятия «силы» на социальное действие. Причем К. Левин интерпретировал свою модель как частный случай релятивистской теории поведения: индивид и его среда рассматриваются в качестве системы отношений – жизненного пространства, в котором создаются напряжения, обусловленные силами. Кроме индивидуальных сил, поле возможного действия пронизано индуцированными силами, исходящими от групп, институтов и иных надындивидуальных источников. Оригинальность концепции Левина заключается в том, что единицей анализа является социальная ситуация – система напряжений, а индивид – лишь один из аспектов жизненного пространства. Это означает, что каждая новая социальная ситуация создает нового индивида. Несмотря на то что с физической точки зрения человек всегда остается одним и тем же лицом, в каждой новой ситуации он оказывается иным. Таким образом, задача заключается в том, чтобы путем экспериментов установить, как напряжение, создаваемое социальной ситуацией, влияет на индивидуальное поведение.

В эксперименте *Курта Левина, Рональда Линнита и Ральфа Уайта*, проведенном в 1939 г., изучалось влияние типов лидерства на поведение социальной группы. В качестве испытуемых выступали школьники, причем только мальчики. Испытуемые были разделены на четыре группы, равные по составу. Исследователи осуществляли предварительные наблюдения за мальчиками, проводили социометрические тесты, с помощью которых устанавливали лидеров, аутсайдеров, дружеские пары. Поведение каждого школьника оценивалось учителем. Экспериментаторы тщательно изучили классные журналы: помимо успеваемости, обращали внимание на физическую подготовку и социальное происхождение учащихся. Экспериментальная работа со всеми группами производилась в одном и том же помещении, поэтому влияние внешней обстановки не могло исказить результаты эксперимента. Кроме того, каждая группа выполняла одинаковые задания. Все это в целом выглядело как детский клуб. Ребята изготавливали маски, лепили фигурки из пластилина, играли в лошадки. Задача эксперимента состояла в том, чтобы установить, каким образом на выполнение групповых действий влияют различные типы лидерства. Для этого в течение семи недель к каждой группе был прикреплен руководитель, осуществлявший заданный стиль. По истечении срока назначался другой лидер, но уже с иным стилем. Никто из лидеров не работал в одной и той же группе дважды, но каждый провел эксперимент во всех группах. Таким образом, в качестве экспериментальной переменной выступал именно стиль лидерства, а не индивидуальный стиль экспериментатора. В ходе эксперимента строились индексы группового поведения: уровень агрессивности, стремление к признанию, соотношение организованной и неорганизованной активности и т. п. [95; 297; 310; 862].

Исследователи попытались выяснить, как стиль поведения лидера связан с эффективностью деятельности трех групп. Стили руководства, демонстрировавшиеся взрослыми, получили обозначения, с тех пор прочно укоренившиеся в социально-политической и психологической литературе: «авторитарный», «демократический» и «попустительский».

Авторитарным называют стиль, при котором лидер по отношению к ведомым действует властно, директивно, жестко распределяя роли между членами группы, не позволяя выходить за их пределы и тщательно контролируя их работу. Авторитарный лидер почти все основные функции управления сосредоточивает в своих руках, не позволяя членам группы обсуждать или оспаривать его действия и решения.

Характеристиками, противоположными авторитарному стилю лидерства, обладает *демократичный* стиль, при котором лидер стремится управлять группой совместно с ведомыми (подчиненными), давая им достаточную свободу действий, позволяя обсуждать свои решения, поддерживая проявляемую ими инициативу в самых различных формах.

Попустительский стиль лидерства – форма руководства, при которой лидер практически устраняется от активного управления группой и ведет себя так, как если бы он был рядовым участником группы. Он позволяет членам группы делать все, что им захочется, предоставляя им полную свободу действий.

Благодаря своему исследованию К. Левин сделал вывод, что авторитарное руководство добивается выполнения значительно большего объема работы, чем демократичное [95; 297; 310; 862].

Теория «Х» и теория «У» Дугласа МакГрегора. Еще одна интересная и достаточно эффективная попытка анализа лидерства с учетом разнообразных субъективных факторов и объективных условий, определенным образом влияющих на его формирование, была принята американским социологом и социальным психологом, специалистом по проблемам управления и организационного поведения, профессором школы индустриального управления Массачусетского технологического института *Дугласом МакГрегором* в исследовании «Субъективная сторона предприятия» [883]. Ученый утверждал, что последователи ведут себя таким образом, как их заставляют это делать лидеры. Это означает, что подчиненный

любого уровня может стремиться выполнять требования своего руководителя и по возможности реализовать его функции. Детерминирующим началом являются требования лидера.

Д. МакГрегор был убежден, что имеются два важнейших подхода к лидерству, основанных на типах отношений «лидер – последователь». Для первого типа (теория «Х», которую Д. МакГрегор назвал «традиционным взглядом на управление и контроль») характерны следующие представления:

каждый человек проявляет равнодушие к работе, не имеет желаний эффективно трудиться и стремится уклоняться от работы, если это возможно;

так как люди не расположены к труду, они совершенно не амбициозны и безынициативны. Их следует заставлять, контролировать, руководить ими и угрожать им наказанием для того, чтобы достичь поставленных организацией целей;

каждый человек предпочитает, чтобы им управляли, он стремится избегать ответственности, у него нет честолюбия. Больше всего люди желают личного спокойствия [170, с. 152–153].

Теория «Х» предполагает авторитарный лидерский стиль, ведущий к прямому регулированию и контролю. Лидер такого плана концентрирует основное внимание на удовлетворении элементарных потребностей последователей. Страх и угроза наказания, лежащие в основе подобных действий, способствуют эффективному изменению поведения человека.

Противоположная теория «Y», которую Д. МакГрегор назвал средством «интеграции индивидуальных и групповых целей», утверждает, что для большинства людей работа является естественным состоянием. Теория «Y» исходит из совершенно других подходов в отношении своих подчиненных.

Работа также естественна, как и игра, затраты физических и духовных сил на работе столь же естественны, как и при игре или отдыхе;

внешний контроль не является единственным средством, стимулирующим достижение поставленных организацией целей. Люди наделены способностями к самоуправлению и самоконтролю при достижении целей, которым они привержены;

приверженность целям является функцией вознаграждения, ассоциирующегося с достижением этих целей;

нормальный человек, поставленный в соответствующие условия, не только берет на себя ответственность, но и стремится к ней;

склонность к творчеству, богатое воображение, изобретательность и созидательность при решении организационных проблем часто встречаются у людей;

в условиях индустриального общества интеллектуальный потенциал нормального человека лишь в редких случаях используется полностью [170, с. 152–153].

При таком восприятии последователей лидеры предпочитают демократический, побуждающий стиль руководства, охотно делясь с последователями частью своих властных полномочий. Демократический руководитель предпочитает механизмы влияния, детерминирующие потребности более высокого уровня, высокие цели, самоорганизацию и самовыражение [170, с. 151–153; 361, с. 491–492].

Теория «Z» У. Оучи. Профессор школы бизнеса Стенфордского университета *Уильям Оучи* на основе японского опыта лидерства и организации труда разработал теорию «Z», которую в определенной степени противопоставил «Х» и «Y»-теориям Д. МакГрегора. Согласно этой теории, настоящий лидер убежден в том, что работники активны по своей природе и стремятся к удовлетворению потребностей организации, а пассивность и равнодушие – следствие плохой рабочей атмосферы в коллективе. Важнейшей отличительной чертой теории «Z» является обоснование коллективистских принципов мотивации, которая должна строиться на основе принципов и ценностей так называемого производственного клана, т. е. предприятия как одной большой семьи. Эти ценности требуют развития у сотруд-

ников – с помощью соответствующей организации и стимулирования – отношений доверия, солидарности, преданности коллективу и общим целям, удовлетворенности трудом и повышением на предприятии производительности труда. Последователи готовы принять на себя ответственность, если руководство предоставит им такую возможность, и будут постоянно стремиться к новым знаниям. Задача лидеров состоит в поддержке усилий последователей, направленных на решение поставленных задач, достижение высоких целей, а не просто предоставление им льгот и выплата премий, что было основой ранее разработанных моделей.

Ричард Джонсон и Уильям Оучи в статье «Сделано в Америке (под руководством японцев)» еще в 1974 г. выделили несколько элементов японской культуры менеджмента и лидерства, которые важно использовать представителям других культур:

акцент на движении информации снизу вверх;

превращение высшего руководства (топ-менеджмента) из органа, издающего приказы, в орган, способствующий принятию эффективных решений;

использования среднего управленческого звена (мидл-менеджмента) как инициатора и движущей силы решения проблем;

повышенное внимание к благополучию сотрудников [824, с. 62].

Как убежден У. Оучи, необходимо идти по пути максимальной идентичности работников с ценностями компании и ее образом. Основными структурными компонентами теории «Z», по У. Оучи, являются:

коллективное принятие решений;

сочетание индивидуальной и коллективной ответственности;

забота руководства о благополучии работников;

влияние биологических и социальных потребностей на мотивы людей;

формальная система контроля за итогами труда на основе критериев оценок и четких методов;

медленное продвижение по карьерной лестнице с учетом возраста;

наем кадров на длительный срок;

организация мероприятий по самообразованию, перемещение сотрудников с одного рабочего места на другое для их лучшего знакомства с производством;

человек влияет на успешную деятельность компании, так как он является основой любого коллектива [910–912].

«Идеальный тип Z, – по мнению У. Оучи, – сочетает базовую культурную приверженность индивидуалистическим ценностям с выраженной коллективистской моделью взаимодействия. Он одновременно удовлетворяет старым нормам и предполагает удовлетворение потребности в причастности» [911, с. 311].

Известный американский социолог и психолог *Р. Лайкерт* и его коллеги из Мичиганского университета разработали теорию лидерства, анализируя деятельность групп с высокой и низкой производительностью труда. Ученые пришли к выводу, что стиль лидерства детерминирует производительность труда. Основы этой теории Р. Лайкерт изложил в книге «Новый тип менеджмента». В ней развивались идеи «партиципаторного» (с участием рядовых работников) управления, направленного на человека. Лидер должен принимать в расчет ожидания, ценности и межличностные отношения тех, с кем он работает, вовлекать последователей в процесс принятия решений. Лидеры являются «связующим звеном» между высшими управляющими структурами и работниками и должны обеспечивать максимальную возможность того, чтобы все действия в рамках организации рассматривались как взаимодополняющие и были направлены на формирование и поддержание личного достоинства и значимости сотрудников.

Руководители групп с высокой и низкой производительностью Р. Лайкертом классифицировались по континууму, находящемуся в пределах от одной крайности – сосредоточение на работе (теория «Х»), до другой – сосредоточенности на человеке (теория «У»).

Лидеры, добивающиеся наилучших результатов, по мнению Р. Лайкерта:

обращают особое внимание на формирование эффективных рабочих групп, которым ставятся высокие цели;

сконцентрированы на работниках. Они рассматривают свою деятельность как работу с людьми, видят свою задачу в помощи подчиненным сделать их работу интересной и высокоэффективной;

осуществляют общий, а не детальный контроль, в большей степени сосредоточены на целях работы, а не на ее методах;

допускают максимальное участие подчиненных в принятии управленческих решений.

На основании своих исследований Р. Лайкерт сделал вывод о том, что стиль лидерства неизменно ориентирован либо на работу, либо на человека, что в будущем неоднократно опровергалось многими исследователями.

Р. Лайкерт сопоставил различные типы организационных структур, взяв за основу типы принятого решения, мотивационные принципы, характер коммуникационных процессов, способы принятия решения, установки целей и приоритетов, также способы контроля. На основе данного сопоставления он предложил четыре типа организаций.

Первый тип – эксплуататорский и авторитарный, где лидер использует чувство страха и боязнь наказания для того, чтобы добиться повиновения подчиненных. Внутригрупповые коммуникации развиты слабо, лидеры и подчиненные психологически далеки друг от друга, основной объем решений принимается наверху организации.

Второй – благожелательный и авторитарный, где руководство использует поощрения и награды, поведение сотрудников подчинено руководителям, информация, идущая вверх, ограничена тем, что лидер хочет слышать, решения принимаются наверху, но эти решения могут быть делегированы на более низкие уровни.

Третий – консультативно-демократический, где управление использует поощрение, а в некоторых случаях – наказание, предусматривается определенное участие подчиненных в принятии решений, коммуникации направлены как вверх, так и вниз, но информация, которую хочет услышать руководитель, дается в ограниченных количествах и с предосторожностями. Последователи могут оказывать только умеренное влияние на деятельность своих лидеров, так как основные решения принимаются наверху, а решения, касающиеся частных вопросов, – на более низких уровнях.

Четвертый тип – партиципативный, основанный на участии большинства последователей в групповом управлении. Лидеры выражают полное доверие последователям, осуществляют материальное поощрение и полностью используют участие последователей в формировании целей, связанных с высокой производительностью и улучшением методов работы.

Исследования Р. Лайкерта и его коллег подтвердили, что эффективные лидеры низшего звена наибольшее внимание уделяют взаимоотношениям с подчиненными и используют командное лидерство [96, с. 489–490; 170, с. 154–157; 361, с. 494–495].

Дальнейшее развитие двухфакторная система лидерского поведения получила в модели «управленческой решетки», разработанной американскими учеными Робертом Блейком и Джейн Моутон. Данная решетка представляет матрицу, образованную пересечениями двух изменяющихся параметров измерения лидерского поведения: на горизонтальной оси – интерес к производству, а на вертикальной оси – интерес к людям.

Обе переменные ранжируются от 1 до 9 баллов. Таким образом, формируется пространство из 81 клетки, каждая из которых может характеризовать тот или иной стиль лидерства. Однако задача метода состоит не столько в том, чтобы дать точную количественную

оценку лидерскому поведению, сколько в выявлении доминирующих факторов мышления лидера в контексте поставленных перед ним задач. Лидер может иметь высокие или низкие показатели по обоим переменным, или высокие – по одной и низкие – по другой, или оба показателя – средние. В итоге было выделено пять лидерских стилей, имеющих метафорические названия (в скобках приводятся сначала баллы, отражающие заботу о продуктивности, а затем – заботу о людях):

«отдых на работе» (1 балл, 1 балл): минимальная забота о людях и минимальная продуктивность – только для того, чтобы избежать увольнения;

«дом отдыха» (1 балл, 9 баллов): стремление к хорошим взаимоотношениям с людьми и минимальная забота о продуктивности. Такого руководителя, как правило, любят подчиненные, но излишняя доверчивость часто ведет к принятию половинчатых, непродуманных решений, от чего страдает работа;

«власть – подчинение» (9 баллов, 1 балл): беспокойство о производстве при игнорировании межличностных проблем;

«менеджмент на перекрестке дорог» (5 баллов, 5 баллов): руководитель умело сочетает заботу о людях с заботой о производстве. Компромисс во всех случаях – основа для эффективного управления. Решения принимаются руководителем, но с обязательным участием подчиненных. Итог – достижение оптимальных результатов при балансе заботы о производстве и людях;

«командный менеджмент» или «командное лидерство» (9 баллов, 9 баллов): лидер уделяет максимум внимания и продуктивности, и людям, в результате чего создается единая команда, состоящая из работников, сознательно участвующих в управлении, добиваясь целей организации [60].

Как показали исследования, наиболее эффективным для лидера является следование стилю (9, 9), которому в значительной степени уступают авторитарный (9, 1) и либеральный (1, 9) стили лидерского поведения. Однако ряд исследователей ставит под сомнение универсальность стиля (9, 9) для всех организационных ситуаций, считая более стабильным стиль (5, 5) [96, с. 490–492; 361, с. 495–496].

В рамках поведенческого подхода предпринимались и другие попытки объяснить феномен лидерства, исходя из поведения лидера. Основным недостатком данного метода заключался в стремлении исходить из предположения, что существует какой-то оптимальный стиль лидерства. Проблемой являлась и сложность принятия выбора стиля лидерства при резком изменении ситуации в группе или во внешней среде. Положительным моментом бихевиористических концепций лидерства является то, что лидер мог выбрать определенный лидерский стиль и научиться ему.

Вместе с тем поведенческие и психологические теории лидерства, привлекавшие в 40–50-е годы XX в. огромный интерес, в начале 60-х годов стали рассматриваться как ограниченные, так как они не смогли учесть целый ряд важных факторов, определяющих эффективность лидерского повеления в той или иной ситуации.

Представления о лидерстве как о продукте *ситуации* начали развиваться еще в средние века. Фома Аквинский утверждал, что любые исторические события, как и появление царей и героев, находятся в полной зависимости от Божьей воли [563]. Во времена французской Реставрации были популярными представления о том, что появление героя зависит прежде всего от развития исторических событий, а лишь потом от личностных качеств самого героя. Позже Гегель доказывал существование законов диалектического развития, касающегося и исторических событий. Героев делает история, диалектика, «народный дух» – таково итоговое мнение учения Гегеля. В дальнейшем эту идею развивала и европейская научная мысль. Так, например, влияние ситуации и потребностей людей на появление Героев раскрыто в

работах *Отто Ранка* «Миф о рождении героя. Психологическая интерпретация мифологии» [475] и *Сержа Московичи* «Век толп. Исторический трактат по психологии масс» [381].

Во второй половине XX в. ситуативная теория лидерства получает новое рождение. Ее отправной стала идея, что обстоятельства в значительной степени влияют на деятельность лидеров, а лидерское поведение должно быть различным в разных ситуациях, что в каждой конкретной ситуации нужен конкретный человек с конкретным стилем лидерства. Среди аспектов, наиболее важных для анализа ситуации, в котором находятся организация и ее лидер, исследователи называли используемые в ней технологии, окружающую среду, ее особенности и стратегию. Другие параметры включали отношения между лидерами и последователями и характер встающих перед ними задач [125].

Исследователь *Герберт Спенсер* еще в XIX в. отметил, что «время создаёт личность». «Закон ситуации» впервые был сформулирован в начале 20-х годов XX в. американским философом, социологом, политологом *Мэри Паркер Фоллет*. Она отмечала, что эффективность лидера зависит от наличия у него определенных личностных качеств и обладания конкретными знаниями. Однако различные ситуации требуют различных знаний, поэтому в разные жизненные моменты успехов добиваются различные люди. Они становятся лидерами не потому, что лучше подготовлены и наделены какими-то особыми личностными качествами и умениями, а потому, что в нужное время оказались в этой ситуации и соответствуют ее задачам и требованиям. М. Фоллет утверждала, что в то время как я что-то делаю, окружающая среда изменяется в зависимости от моего поведения, и мое поведение – реакция на новую ситуацию, которую я, ее составляющая, создала [754].

Президент фирмы «Нью-Джерси Белл телефон», руководитель Фонда Рокфеллера, профессор и бизнесмен *Честер Барнард* никогда в своих исследованиях не использовал понятие «ситуационность», однако в 1938 г. в работе «Функции руководителя» выдвинул тезис о том, что принятие подчиненными руководителя зависит от четырех важных условий: понимания подчиненными поступающих к ним распоряжений; их веры в то, что руководство действует в соответствии с интересами организации и интересы организации совпадают с их собственными интересами; их физической и психической способности подчиняться [34].

Ситуационный подход стал влиятельной теоретической концепцией в конце 50-х годов XX в. благодаря прежде всего исследованиям *Джоана Вудворда*. Созданная им концепция объясняла свойства организационной структуры спецификой ее адаптации к внутренней и внешней среде.

На формирование концепции ситуационного лидерства огромное влияние оказали труды Макса Вебера, Густава Лебона, Габриэля Тарда, Вильфредо Парето, Толкотта Парсонса и других. Тему взаимодействия лидерства со средой как основную исследовали Эдвин Холландер, Ральф Стогдилл, Бернард Басс, Маргарет Херманн, Жан Блондель, Роберт Такер. Проблема поиска методик и выявления критериев анализа ситуаций, определяющих поведение лидеров, нашла отражение в исследованиях Фреда Фидлера, Пола Херси и Кена Бланшара, Виктора Вриома и Филиппа Йеттона, Роберта Хауса и Артура Яго. Ситуационный подход, позволивший установить связь между характером ситуации и особенностями лидерства, в настоящее время является одним из плодотворных и перспективных направлений изучения этого феномена.

Следует особо подчеркнуть, что дефиниция «ситуация» понималась исследователями очень широко. Наиболее популярными толкованиями понятия «ситуация» являются следующие:

- структура интерперсональных отношений в группе;
- характеристика группы;
- характеристика культуры, в которой существует группа;
- физические условия существования группы;

представления членов группы о ней самой;
тип задачи, которую решает группа и т. п. [26, с. 50].

Многие современные исследователи выделяют две основные концепции ситуативной модели лидерства:

каждая ситуация определяет те особые качества, которые необходимы лидеру для эффективных действий в новых условиях;

качества индивида, которые в особой ситуации могут быть определены как лидерские, сами по себе являются продуктом опыта лидера в предшествующих ситуациях. В различных ситуациях выделяются те или иные члены группы, которые превосходят остальных по каким-то качествам. Но поскольку именно эти качества оказываются необходимыми в данной ситуации, постольку индивид или индивиды, обладающие этими качествами, становятся лидерами [464, с. 98].

Таким образом, системообразующим элементом теории ситуационного лидерства является ситуация, т. е. конкретный набор обстоятельств, которые в определяющей мере влияют на деятельность лидеров в конкретное время. Основной идеей ситуационной теории является гипотеза, что лидерское поведение должно быть разным в различных ситуациях, и в результате в различных условиях групповой деятельности выделяются различные члены малой группы или трудового коллектива, которые по каким-то параметрам превосходят других. Так как именно эти характеристики становятся необходимыми именно в данной ситуации, индивид, обладающий ими, становится лидером. Согласно этой теории, лидер – тот, кто лучше других может актуализировать в конкретной ситуации присущие ему качества, приспособиться к ситуации. *Нужно оказаться подходящим человеком в подходящем месте и в подходящее время.* Ситуационная теория лидерства рассматривает лидера как функцию определенной ситуации, подчеркивая относительность черт, присущих лидеру, и предполагая, что качественно отличающиеся обстоятельства могут востребовать качественно различных лидеров. По этому поводу Ж. Пиаже замечает, что ситуационная теория рассматривает индивида как пустой ящик, наполняемый обществом, и при этом игнорирует активность личности [цит по: 513, с. 361–362].

Конкретные действия ситуационного лидера должны быть адекватны происходящим событиям и в то же время адекватны внутренним потребностям самой группы. И если первое проявляется функционально – поступки лидера меняют ситуацию в лучшую сторону, оптимизируют условия, то второй компонент – ценностная совместимость. Лидер аккумулирует желания и стремления группы и создает устойчивое направление к их достижению. Ситуационный подход к изучению лидерства стал исследовать взаимодействие различных ситуационных параметров для того, чтобы обнаружить причинно-следственную связь в отношениях лидеров, позволяющую прогнозировать возможные действия лидеров и их последствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.